

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

Соколова Олеся Игоревна

ПОНЯТИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ
НАУКЕ И ФИЛОСОФИИ

Специальность 09.00.01 – Онтология и теория познания

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
Александр Михайлович Дорожкин
доктор философских наук, профессор

г. Нижний Новгород – 2020 г.

Оглавление

Введение.....	3
1. Смыслы понятия «неопределенность» в философии и науке классического периода	14
1.1. Неопределенность и философия Античности.....	19
1.2. Неопределенность в аспекте вопросов богопознания эпохи Средневековья	31
1.3. Идея неопределенности в философии и науке Нового времени.....	42
2. Понятие «неопределенность» в неклассической науке и современных концепциях философии науки	58
2.1 Онтологическая неопределенность в науке	61
2.2 Неопределенность как условие взаимодействия субъекта и объекта научного познания	71
2.3 Субъективное восприятие в науке и неопределенность	80
2.4 Научная неопределенность в аспекте соотношения новых знаний с наличным знанием	91
3. Специфика понятия неопределенности в неклассической философии.....	104
3.1 Неопределенность в аспекте преодоления субъект-объектной дихотомии	109
3.2 Философская неопределенность в контексте соотношения нового с наличным знанием.	124
Заключение	137
Список литературы	148

Введение

Актуальность избранной темы. Очевидно, что за последние десятилетия тема неопределенности стала одной из популярных в философских и научных исследованиях. Этот факт можно рассматривать как показатель отношения современного научного сообщества к изменчивости и нестабильности окружающей среды, открывающий возможности формулировки критики по отношению к человеческой деятельности.

Вместе с тем, утверждение того, что переход окружающей человека среды из состояния равновесия и стабильности к состоянию неустойчивости – явление последнего времени, вряд ли получит подтверждение в среде профессиональных ученых. Ведь дело не только в констатации *наличия* объективных проблем (экологических, например), с которыми сталкивается человечество сегодня, на решение которых должны быть направлены конкретные управленческие действия. Дело в самом *признании* тех условий, в которых мы вынуждены прибывать, и в *отношении* к ситуациям нестабильности. Иначе говоря, понятие неопределенности выражает не столько изменения среды пребывания человека (социальной или биологической), сколько утверждение неспособности человеческого разума сформировать окончательное знание об окружающей действительности.

«Неопределенность» активно используется не только в философских исследованиях, но и в работах в области гуманитарных, социальных, естественных наук. Вместе с тем, в современной гносеологии назревает необходимость уточнение смысла данного понятия, зачастую используемого авторами достаточно свободно. Возникает потребность раскрыть, уяснить содержание понятия неопределенности в современной философии и науке.

И здесь мы сталкиваемся с проблемой - обнаружить явное определение в области частных наук или общее для науки и философии определение неопределенности не удастся. Видимо, все дело в том, что наиболее

распространенный в логике способ – раскрытие содержания понятия через ближайший род и видовое отличие – для определения неопределенности не работает.

В нашем случае выяснить содержание понятия неопределенности становится возможным через уяснение связей и отношений с другими уже известными понятиями через некоторый контекст. Понятию неопределенности возможно дать контекстуальное определение.

Мы полагаем, что проведение системного анализа современного смысла понятия неопределенности с учетом исторического характера субъект-объектных отношений позволит обобщить современные представления о научной и философской неопределенности, определить смыслы понятия в зависимости от контекста его использования. Такой подход, по мнению автора диссертации, позволит представить понятие «неопределенность» как комплекс значений и характеристик, приобретающий свои уникальные особенности в зависимости от ракурса рассмотрения.

Степень разработанности темы. В настоящее время в современной отечественной и зарубежной литературе накоплен определенный опыт в области исследований неопределенности. Но, несмотря на предпринятые попытки, не удалось добиться единого понимания неопределенности, тем более разработать четкую стратегию, которая способствовала бы структурированию данного направления исследования. Из многообразия научных и философских концепций, имеющих различные позиции по проблеме неопределенности, мы обозначим основные направления исследования, задающие определенные ориентиры.

Одно из направлений исследования неопределенности – *историко-философское направление*. Историко-философский ракурс исследования неопределенности позволяет обратиться к поиску смыслов, которые закладываются мыслителями прошлого в данное понятие, кроме того, позволяет осуществить поиск тождественных по смыслу понятий.

В диссертационном исследовании изучение понятия неопределенности в контексте сопоставления классики и неклассики основывается на исследованиях Автономовой Н.С., Мамардашвили М.К., Пружинина Б.И., Степина В.С., Соловьева Э.Ю., Швырева В.С. Исторические ракурсы неопределенности от Античности до немецкой классической философии и науки эпохи Просвещения проводятся на основе работ зарубежных авторов, таких как Адорно Т., Кассирер Э., Рассел Б., Розеншток-Хюсси О., Рокмор Т., Тарнас Р., Хоркхаймер М., Хофмайстер Х. Особый вклад в формирование представлений о специфике исторического становления субъект-объектных отношений, в рамках которых исследуется понятие неопределенности, вносят отечественные авторы, среди которых следует отметить Асмуса В.Ф., Быховского Б.Э., Гайденоко П.П., Длугач Т.Б., Лазарева В.В., Лосева А.Ф., Огурцова А.П., Соколова В.В., Стрельцову Г.Я., Юдина Э.Г. Специфика неклассического этапа философии в его сопоставлении с философской классикой находится в центре внимания Гуревича П.С., Никифорова А.Л., Труфановой Е.О. Онтологические и гносеологические стороны философской неопределенности рассматриваются в диссертационном исследовании Фабера В.О. Некоторые работы отмечают факт того, что неопределенность является характерной чертой неклассической философии, например, Лекторского В.Л., Мотрошиловой Н.В., Фокина С.Л. Основываясь на рассуждении данных авторов, можно заключить, что «неопределенность» обладает самостоятельным современным значением, а не является наивным отрицанием классической «определенности».

Второй подход к исследованию неопределенности можно охарактеризовать как *вероятностно-статистический*. Данный подход объединяет представителей и научного, и философского сообщества. В этом ракурсе проводят исследования Гоменец О.М., Куликова Е.Ю., Новосельский К.И., Попов С.В. (естественные науки), Ахапкин Ю.К., Биджев И.А.-Г., Веселкова В.С., Диев В.С., Чередниченко И.А. (гуманитарные науки), Модестов С.А., Урманцев Н.М. (философия). Зачастую понятие неопределенности анализируется в сопоставлении с понятием

риска, что характерно для работ Вихляевой В.В., Матюх Е.Т., Орловой М.А., Поповой С.В., Родионова В.Г., Тягунова А.А. Данные авторы сводят понятие неопределенности к понятию вероятности. Вероятность выступает в данном случае как количественная характеристика, которую можно каким-либо образом исчислить.

Третий подход объединяет стремление описать неопределенность как *результат взаимодействия субъекта и объекта познания*. В данном случае неопределенность рассматривается в контексте анализа современного представления о субъекте как части эволюционирующего целого (Капра Ф., Фоллмер Г., Аришинов В.И. и др.), как части окружающей его коммуникативной среды (Пружинин Б.И., Соловьев О.Б., Шамолин Р.В., Щедрина Т.Г.), в условиях усложняющихся коммуникаций (И.А. Герасимова).

Свой вклад в формирование представлений о субъективной неопределенности в аспекте становления представлений о субъекте неклассической науки вносят работы Агасси Дж., Клэмпита Т., Уильямса М., Марковой Л.А., Микешиной Л.А., Первушиной О.Н., Петренко В.Ф.

Гносеологическая неопределенность как характеристика научного знания является предметом анализа Быстрянцева С.Б., Ковешникова Е.В., Савченко В.Н. Особое место принадлежит исследованиям, характеризующим неопределенность как наличие интуитивного компонента в знании, например, Баранец Н.Г., Веревкина А.Б., Дорожкина А.М., Скоблика А.И.

Однако следует признать, что уточнение смыслового содержания понятия неопределенности сегодня затруднено целым рядом обстоятельств. Во-первых, зачастую смысловые нагрузки целого ряда понятий пересекаются с тем смыслом, который хотелось бы отдать понятию неопределенности. Одна и та же познавательная ситуация называется и неопределенностной, и антиномичной, и противоречивой, и проблемной, и гипотетичной и т.п. А во-вторых, в силу того, что ситуации неопределенности характеризуют процесс приращения знания, как на стадии формирования проблемы, так и на стадии ее решения, возникают

различные интерпретации ситуаций неопределенности и соответственно – разные толкования понятия.

Диссертационное исследование представляет собой системный анализ неклассического смысла понятия неопределенности с учетом исторического характера субъект-объектных отношений. Данное исследование обобщает современные представления о научной и философской неопределенности, определяет их достоинства и недостатки, перспективные ракурсы исследования.

Объектом диссертационного исследования являются ситуации неопределенности в научных и философских концепциях классического и неклассического периодов.

Предметом исследования является онтологические и гносеологические смыслы понятия «неопределенность» в контексте основных концепций неклассической науки и философии.

Целью исследования является комплексный анализ понятия «неопределенность» в неклассической науке и философии.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- исследовать смыслы понятия неопределенности в истории философии и науки, которые с точки зрения современной философии принято считать классическими;

- обратиться к поиску смыслов, которые закладывались учеными-создателями квантовой механики в понятие неопределенности, и проследить, какое значение приобретает данное понятие в результате его распространения в другие области научного знания;

- раскрыть феномен неопределенности, выражающий условие взаимодействия субъекта и объекта научного познания;

- рассмотреть вопрос о соотношении понятий «неопределенность» и «субъективность» в научном творчестве;

- проанализировать феномен гносеологической неопределенности в науке в аспекте соотношения нового знания с наличным знанием;

- рассмотреть значение понятия неопределенности в рамках концепций, направленных на преодоление субъект-объектной дихотомии в неклассической философии;

- обозначить характерные особенности неклассической философии, которые позволяют утверждать о существенной роли, которую в ней играет понятие неопределенности.

Научная новизна исследования. Научная новизна диссертационного исследования заключается в проведении философского анализа понятия неопределенности в аспекте интеграции философских и научных исследований. В ходе исследования:

- выявлено современное значение понятия «неопределенность» в результате ретроспективного анализа классических предпосылок данного понятия;

- показаны основные особенности смысла понятия «неопределенность», возникающие при анализе различных сторон субъект-объектных отношений в современном научном и философском знании;

- впервые описан новый тип неопределенности, не сводящийся к онтологическому или гносеологическому типу, на основе идей автопоэзиса;

- ситуации неопределенности рассмотрены на основе субъект-субъектных отношений;

- неопределенность рассмотрена в контексте роста научного и философского знания.

Гипотеза исследования состоит в признании особого значения неопределенности в современной теории познания. Неопределенность есть особая форма знания, характеризующаяся незавершенностью и неоднозначностью. В наибольшей степени неопределенность проявляет себя философии и науке неклассического периода.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость определена целью и задачами диссертационного исследования,

которые позволили осуществить целостный анализ понятия неопределенности в контексте неклассического этапа развития научного знания и философии.

Значимость теоретических выводов диссертационного исследования заключается в интеграции философских и общенаучных представлений о неопределенности в системно-структурное исследование. Полученные знания позволят расширить и углубить представления о современном смысле понятия неопределенности и его роли в неклассической гносеологии. Выводы, сделанные в диссертации, открывают перспективы для дальнейшего изучения понятия «неопределенность» в соответствии с предложенной схемой субъект-объектного взаимодействия.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности использования отдельных его положений и результатов в чтении образовательных курсов историко-философской направленности в системе высшего образования. Полученные результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения понятия неопределенности и смежных ему понятий, таких, например, как сомнение и интуиция, в современном научном и философском знании.

Методология и методы диссертационного исследования.

Методологическими основаниями диссертационного исследования выступают методы логического анализа, структурно-функционального и сравнительно-исторического анализа, герменевтический метод, а также принципы комплексного подхода, совокупность которых позволяет определить основные характеристики объекта исследования в соответствии с поставленными выше задачами.

Теоретико-методологической базой решения задач диссертационного исследования являются работы классиков философской и научной мысли (Платон, Декарт Р., Кант И., Ньютон И.), а также результаты исследований, хронологически которые мы относим к «неклассическим» (Гейзенберг В., Бор Н., Полани М., Кун Т., Ницше Ф., Сартр Ж.-П.). Задачи исследования также

решались в процессе анализа и синтеза результатов философских и научных работ представителей отечественных (Автономова Н.С., Пружинин Б.И., Степин В.С. и др.) и зарубежных (Рассел Б., Кассирер Э., Тарнас Р., Хофмайстер Х. и др.) авторов. Значительное влияние на установление соотношений понятий «классика» - «неклассика», «философия» - «наука», выявление онтологических и гносеологических смыслов понятия «неопределенность», а также стиль выполнения и форму представления результатов настоящего диссертационного исследования оказали работы Швырева В.С., Соловьева Э.Ю., Лекторского В.А., Дорожкина А.М.

Положения, выносимые на защиту.

1. Рассмотрение понятия неопределенности в аспекте сопоставления философских и общенаучных концепций необходимо проводить с точки зрения анализа различных сторон субъект-объектных отношений, исходя из критерия источника познания. Неопределенность следует рассматривать в следующих аспектах: онтологическая неопределенность как представление о некоторых свойствах объекта (1); неопределенность как условие субъект-объектного взаимодействия (2); неопределенность как субъективная характеристика (3); гносеологическая неопределенность в аспекте соотношения нового с наличным знанием (4). Указанная схема позволяет обозначить как онтологическую неопределенность, источником которой являются характеристики объектов исследования, так и гносеологическую, источником которой является субъект. Данная схема позволяет также выявить специфику новых типов неопределенности, предполагающих преодоление субъект-объектной дихотомии в современных научных и философских концепциях.

2. В научной и философской среде понятие «неопределенность» получает широкое распространение в XX веке в связи с открытиями в области физики. Ранее данное понятие, так или иначе, присутствует в философских и научных рассуждениях мыслителей, но не разрабатывается специальным образом. Подобные примеры использования понятия мы находим и у современных

авторов. «Неопределенность» в данном случае является ни чем более, кроме как удобным синонимом, используемым для описания некоторых познавательных ситуаций. Здесь следует говорить о стихийном, обыденном использовании данного понятия. В данном случае под «стихийным» (или «обыденным») использованием понятия неопределенности в философии и науке мы будем понимать такие ситуации, когда авторы так или иначе используют данное понятие в контексте, но не разрабатывают его специальным образом.

3. Следует разделять понятие неопределенности как таковое и ситуации, которые может характеризовать данное понятие. В неклассической науке и философии мы находим примеры ситуаций, которые могут характеризоваться как неопределенностные. Однако понятие неопределенности для описания подобных познавательных ситуаций может не использоваться. В данном случае мы будем говорить о наличии «ситуаций неопределенности» в науке и философии. Применительно к истории философии и науки уместно говорить о наличии исторических предпосылок современного смысла понятия неопределенности.

4. Онтологическая неопределенность в науке характеризует приписываемые объекту свойства и представляет собой «вероятностную» неопределенность. Более того, в неклассической науке, имеющей дело с микрообъектами, наблюдение за реальными физическими явлениями заменяется теоретическим осмыслением объектов. Это означает, что научное знание ограничивается теорией, а следовательно, не может подтверждаться эмпирически. Онтологическая неопределенность в таком случае является исключительно научной неопределенностью.

5. В научном и философском дискурсе ситуации неопределенности характеризуют процесс приращения знания, как на этапе решения проблемы, так и на этапе ее постановки. Стадия решения научной проблемы характеризуется понятием «вероятность», сводящимся к поиску оптимального варианта решения научной задачи как выбора из возможных альтернатив; в философии – понятием «неопределенность». Для характеристики допроблемной стадии в науке и

философии, отличающейся невозможностью точного описания процедуры постановки проблемы, необходимо использовать понятие «неопределенность».

Степень достоверности исследования. Степень достоверности результатов исследования подтверждается соответствием используемых методов и теоретических заключений, полученных в ходе работы над диссертацией. Ее итоги также подкрепляются исследованиями авторов цитируемых публикаций.

Апробация результатов. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры философии ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского». Выводы и отдельные положения диссертации были апробированы в виде сообщений и докладов на XXXVIII Международной научной конференции «Добролюбовские чтения-2014» (г. Нижний Новгород, 13 февраля 2014 г.); Региональной конференции «Философия в современном инновационном вузе» (г. Нижний Новгород, 26-27 марта 2014 г.); Регионального симпозиума «Будущее философии» (г. Нижний Новгород, 28-29 мая 2014 г.); I Всероссийской научно-практической конференции «Документ, источник, текст: горизонты современных исследований» (г. Нижний Новгород, 20 ноября 2014 г.); Региональной научно-практической конференции молодых исследователей «Научное творчество молодежи в педагогике и образовании – ресурс развития России» (г. Нижний Новгород, 24 апреля 2015 г.); Всероссийской научной конференции «Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий» (г. Вологда, 2-3 июня 2017 г.); Международной научно-практической конференции «Наука сегодня: опыт, традиции, инновации» (г. Вологда, 29 июля 2020 г.).

Основные положения диссертационной работы отражены в 12 научных публикациях:

- 4 статьи в изданиях, включенных в перечень ВАК (2,5 п.л.);
- 8 публикаций (статей и тезисов) в научных изданиях РФ (2,3 п.л.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения и списка литературы из 145 наименований, общий объем работы - 161 страница.

1. Смыслы понятия «неопределенность» в философии и науке классического периода

Целью данной главы является поиск смыслов, которые закладываются мыслителями прошлого в понятие «неопределенность». Кроме этого, обращение к анализу историко-философского материала, начиная с Античности и заканчивая немецкой классической философией, предполагает поиск тождественных по смыслу понятий. Таким образом, нам необходимо, во-первых, уточнить, разрабатывается ли понятие «неопределенность» в классической науке и философии специальным образом или используется стихийно; во-вторых, обозначить предпосылки формирования современного значения данного понятия на основе ретроспективного анализа близких по смыслу понятий. Оговоримся, что в данной главе мы не будем детально останавливаться на конкретных примерах использования данного понятия и сходных по смыслу с ним понятий с точки зрения хронологии, а, в первую очередь, определим саму стратегию исследования понятия «неопределенность» в истории философии и науки.

Обращение к истории становления того или иного понятия в философии неизбежно ставит вопрос о целесообразности подобного рода исследований. Мы считаем такие исследования необходимыми по двум основным причинам. Во-первых, философия отличается от научного знания наличием в ней так называемых «вечных», неразрешимых вопросов. Во-вторых, изучение феномена неклассической философии сталкивает нас с необходимостью обращения к философской классике, к анализу противопоставления «классическое» - «неклассическое».

В отечественной философской литературе вопрос о необходимости целостного анализа философии как с точки зрения ее истории, так и современного состояния стал наиболее обсуждаемым после выхода статьи М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева, В.С. Швырева «Классика и современность - две эпохи в развитии буржуазной философии» (Москва, 1972). Сопоставление классического и

неклассического находится в центре внимания и современных исследователей, например, авторов сборника «На пути к неклассической эпистемологии» (Москва, Российская академия наук, Институт философии, 2009).

Одним из центральных положений коллективной статьи М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева, В.С. Швырева является утверждение наличия сложной связи между классической и современной философией, которое может быть охарактеризовано как «взаимораскрытие» или «взаимопрояснение»¹. Другими словами, невозможно раскрыть сущность неклассической философии без обращения к исследованию специфики философии классического периода. Таким образом, исследование понятия неопределенности в контексте неклассической философии необходимо начинать, обращаясь к поиску смыслов, которые закладывались в данное понятие философами-классиками.

Основываясь на этом допущении, изучение понятия «неопределенность» в системе «классика – неклассика» приобретает следующие особенности.

Утверждая в качестве предмета исследования и критики классическую философию, неклассика демонстративно декларирует отказ от нее. Определенность классических систем отбрасывается, поскольку вскрываются их внутренние противоречия. «Ныне существующие философские направления, - отмечают авторы статьи, - при ближайшем рассмотрении оказываются не чем иным, как последовательным и откровенным развертыванием внутренних неувязок, содержательных противоречий классического мышления, которых оно могло избежать лишь путем значительных огрублений и упрощений, путем весьма жестких абсолютизаций и умолчаний»². Истинность классических философских систем ставится под сомнение, однако, новые системы не создаются.

¹ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность - две эпохи в развитии буржуазной философии. М., 1972 // URL: <http://www.psylib.org.ua/books/mamsosh/index.htm> (дата обращения: 23.09.2015)

² Там же.

Следует признать, что отношения между классической и неклассической философией принципиально иные, нежели между классической и неклассической наукой. «В философии, как она развивалась на Западе, не произошло соответствующего сдвига в способе рационального понимания новых проблем, не появилось новой системы мыслительных навыков, аналогичной той, которая была разработана, скажем, при создании теории относительности или квантовой механики»³. Создание новой естественнонаучной картины мира и нового категориального аппарата отличает неклассическую науку от неклассической философии, использующей традиционные понятия для осмысления вновь возникших научных, социальных и других проблем. Поэтому применять понятие неклассики по отношению к философии и науке следует, учитывая данное обстоятельство.

Вместе с тем, следует признать изменение трактовки субъект-объектных отношений неклассической философией. В соответствии с классической гносеологической традицией субъект познания рассматривается изолированно от окружающей его действительности, не испытывает влияния других субъектов. Это можно объяснить стремлением философов изобразить познавательный акт в «идеальных условиях», в ситуации полной независимости познающего разума от всего того, что может помешать процессу познания. Конструирование «чистого» сознания, где рефлексия выступала как путь постижения структур объективного бытия, - это так называемое «декартово-кантовское»⁴ отображение действительности. Для него характерна полная десубъективация внутреннего опыта и, как следствие, - его общезначимость, воспроизводимость, разумная контролируемость, именно вследствие чего знание и считалось объективным. Н.С. Автономова замечает, что при этом, «никакая, даже самая яркая

³ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность - две эпохи в развитии буржуазной философии. М., 1972 // URL: <http://www.psylib.org.ua/books/mamsosh/index.htm> (дата обращения: 23.09.2015)

⁴ Там же.

“неклассика” или “постклассика” не отменяют того, быть может, самого важного, на чем держалась еще классическая философия, – рационально-рефлексивную установку, которая не может быть упразднена, если философия хочет быть философией⁵. Неклассическая философия зачастую демонстрирует в ней наличие «экзистенциально-ценностных установок»⁶, но они выступают в качестве стимула познания, его провокатора, но не определяют его методологию.

Таким образом, раскрытие смысла понятия «неопределенность» в контексте «классика – неклассика» является достаточно сложной задачей. Ее решение требует специального анализа феноменов неклассической философии, эпистемологии, рациональности. К рассмотрению данных вопросов обращаются, например, авторы монографии «Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии» (под ред. Касавина И.Т. и Ворониной Н.Н., Н. Новгород, 2018).

С нашей точки зрения, обращение к исследованию эволюции понятия неопределенности, требует рассмотрения данного понятия в историческом аспекте становления субъект-объектных отношений. Однако зачастую, пытаюсь подвести под то или иное понятие историческую основу, некоторые исследователи пытаются искусственным образом приписать более древней философии наличие в ней «нужного», но, в действительности, более позднего, понятия. Н.В. Мотрошилова справедливо замечает, что «самыми адекватными историко-философскими работами были бы, по моему мнению, такие, которые объясняли бы проблемы и излагали соответствующие тексты, учения философии прошлого строго в их собственных терминах, а при интерпретации их объясняли

⁵ Автономова Н.С. «Статья трех авторов» в свете опыта пост-современности: сопоставительные заметки // На пути к неклассической эпистемологии. М., 2009. С. 38

⁶ Там же. С. 38

бы, какова была историческая тенденция впоследствии, когда обсуждение сходной проблематики велось уже в тех или иных поздних терминах»⁷.

Мы признаем, что понятие «неопределенность» получает широкое распространение в XX веке в связи с открытиями в области физики. Конечно, ранее данное понятие, так или иначе, присутствовало в философских и научных рассуждениях мыслителей, но не разрабатывалось специальным образом. Скорее, мы можем говорить о стихийном, обыденном использовании данного понятия.

Здесь следует оговориться, что под «обыденным» (или «стихийным») использованием понятия неопределенности в истории философии и науки мы будем понимать такие ситуации, когда авторы так или иначе используют данное понятие в контексте, но не разрабатывают его специальным образом, не задумываются о его смысле. «Неопределенность» в данном случае является ничем более, кроме как удобным синонимом, используемым для описания некоторых познавательных ситуаций. В данном случае понятия «обыденное» и «стихийное» мы будем рассматриваться в качестве тождественных по смыслу, поскольку эти понятия в данном контексте являются взаимозависимыми: обыденное употребление понятия неопределенности осуществляется стихийно, случайным образом. Исходя из этого, в последующих трех параграфах нам необходимо раскрыть те смыслы, которые мыслители прошлого вкладывали в понятие неопределенности, так или иначе используя его в своих произведениях.

Кроме того, анализируя ситуации неопределенности в истории философии и науки, мы находим понятия, которые содержательно близки понятию «неопределенность». В качестве таковых выступают понятия «сомнение» и «интуиция», которые в той или иной мере присутствуют в учениях от Античности до немецкой классики.

⁷ Мотрошилова Н.В. Синтез гносеологии и социокультурного исследования знания, познания, сознания как ракурс творчества В. А. Лекторского // Человек в мире знания: К 80-летию Владислава Александровича Лекторского. М., 2012. С. 222

1.1. Неопределенность и философия Античности

В данном параграфе мы попытаемся проследить, в каких аспектах учений античных философов мы находим понятие неопределенности или смежные по смыслу понятия. Для решения данной задачи для начала попробуем выделить главные особенности античной философии, актуальные с точки зрения исследуемого вопроса.

Во-первых, философия Античности не рассматривает вопрос о разделении субъекта и объекта познания. Вместе с тем, в предложенной нами схеме исследования неопределенности объект и субъект познания выступают в качестве так называемых «осей координат». Здесь следует оговориться, что, несмотря на то, что анализируемые нами философы не выделяют в познании объективную и субъективную стороны, при анализе их учений мы исходим из критерия источника познания. Это дает нам основание изучения понятия неопределенности в философии Античности в онтологическом и гносеологическом смыслах.

Во-вторых, следует заметить, что философия Античности (до Аристотеля) не оперирует понятиями, а основывается на непосредственном, чаще всего интуитивно-образном, отношении к миру.

Что касается логики изложения материала, то мы не будем применять здесь хронологический принцип. Вполне удачной нам кажется попытка американского исследователя Р. Тарнаса рассматривать античную философию в аспекте двух основных тенденций. Первая тенденция связывается с учением Платона, вторая наиболее явно просматривается в процессе «того смелого и многостороннего интеллектуального развития, диалектика которого приводила к синтезу досократической философской традиции натуралистического эмпиризма, идущего от Фалеса, рационализма, идущего от Парменида, механистического

материализма, идущего от Демокрита, и скептицизма, индивидуализма и светского гуманизма, идущих от софистов»⁸.

С онтологической точки зрения, учение Платона не содержит высказываний, характеризующих мир как обладающий чертами неопределенности. В основании платоновского учения о бытии лежит представление о Космосе как упорядоченном целом, определяющими элементами которого выступают Идеи (или формы). Платоновские Идеи – это отнюдь не результат мышления по обобщению явлений опыта. Наоборот, объекты земного мира представляют собой «подобие» Идеи; то, что в земном мире мы воспринимаем как некоторый предмет, является выражением общей Идеи. «Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, - читаем у Платона, - это подъем души в область умопостигаемого»⁹. Таким образом, с онтологической точки зрения, для платоновской картины мира неопределенность нехарактерна.

Что касается вопроса о познании вообще, то Платон пишет об этом так: объяснять – «значит иметь какой-либо знак, по которому искомую вещь можно было бы отличить от всего остального... Кто соединяет с правильным мнением отличительный признак вещи, тот и окажется знатоком того, о чем он прежде имел лишь мнение»¹⁰. Однако это не означает, что эмпирический мир следует познавать эмпирическим способом, при помощи ощущений: нет оснований «полагать, что знание есть ощущение и что каждая вещь для каждого такова, какой она ему кажется»¹¹. Знание, основанное на данных органов чувств, не является истинным знанием, а представляет собой лишь субъективное мнение. «Стало быть..., - заключает Платон, - мы никак не можем согласиться [с

⁸ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 64

⁹ Платон. Государство // <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt> (дата обращения: 14.05.2019 г.)

¹⁰ Платон. Теэтет // URL: <http://nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/teate.htm> (дата обращения: 14.04.2018 г.)

¹¹ Там же.

Протагором], что мера всех вещей – любой человек, даже и какой-нибудь неразумный. Не согласимся мы и с тем, что, согласно учению о всеобщем движении, знание есть ощущение»¹². Истинным же является исключительно знание, основанное на созерцании непосредственно Идей. Следует заметить, что связь между познающим человеком, мудрецом и миром Идей возможна благодаря тому обстоятельству, что человеческий разум устроен подобно упорядоченному Космосу, обладает сходной структурой.

Теперь зададимся вопросом о том, каким же образом осуществляется процесс познания. Сложность в данном случае заключается в том, что Платон с равной силой убеждает нас как в ценности процедуры логического анализа, умственных усилий, интеллектуальных тренировок в процессе обучения, так и в определяющей роли интуиции в познании. Р. Тарнас соотносит эти два вида познания в платоновском учении так: «Умственный анализ на своем глубочайшем уровне обнаруживает некий вневременной порядок, трансцендентный по отношению к своему временному, конкретному проявлению. Видимый мир содержит внутри себя более глубокий смысл – одновременно и рациональный, и мистический по характеру постижения. Это содержание, отражающееся в порядке эмпирического мира, исходит из вечного измерения, которое является и источником, и целью всякого существования»¹³. Получается, что эти два способа не противоречат друг другу, а являются последовательными этапами сложной процедуры познания сущности явлений. Более детальное рассмотрение этого аспекта гносеологии Платона интересно с точки зрения обнаружения таких характеристик, которые можно назвать неопределенностными.

Итак, в первом случае, Платон говорит о том, что «не во впечатлениях заключается знание, а в умозаклчениях о них, ибо, видимо, именно здесь можно

¹² Платон. Теэтет // URL: <http://nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/teate.htm> (дата обращения: 14.04.2018 г.)

¹³ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 62-63

схватить сущность и истину, там же – нет»¹⁴. Инструментами познания идеального мира в данном случае выступают математика и диалектика.

Б. Рассел полагает, что с Пифагора начинается свое развитие античная традиция поиска методов исследования, приближающихся к математическому идеалу: «Математическое знание казалось определенным, точным и применимым к реальному миру; более того, казалось, что это знание получали, исходя из чистого размышления, не прибегая к наблюдению. Поэтому стали думать, что оно дает нам идеал знания, по сравнению с которым будничное эмпирическое знание несостоятельно»¹⁵. Итак, если речь идет о познании путем логических размышлений и математических построений, то причин для возникновения неопределенности обнаружить не удастся.

Диалектика как способ поиска истины (его можно также назвать «методом Сократа») представляет собой процедуру вопрошания. Специфика задаваемых вопросов состоит в том, что они наталкивают отвечающего на уже имеющиеся у него познания относительно изучаемого предмета. Тем самым Платон приводит нас к концепции «знания как припоминания», согласно которой человек лишь вспоминает то знание, которым когда-то обладала его душа.

Но каким же образом Платон приходит к идее, что наиболее достоверным из всех является интуитивный способ постижения мира Идей? Некоторые исследователи Античности, в частности Б. Рассел, делают вывод о том, что данное предположение было сделано на основе изучения Платоном математики как учения о превосходстве идеальных конструкций над явлениями феноменального мира. С другой стороны, диалектический метод предполагает наличие так называемого скачка в познании, когда душа «припоминает» истину.

¹⁴ Платон. Теэтет // URL: <http://nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/teate.htm> (дата обращения: 14.04.2018 г.)

¹⁵ Рассел Б. История западного мышления и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. М., 2009. С. 59

Подобная неоднозначность определения Платоном процесса постижения истины посредством интуиции дает нам возможность использования понятия неопределенности, ибо процедура этого самого «скачка» к созерцанию мира Идей является наиболее темным местом учения Платона.

В отличие от Платона Аристотель исключает элемент неопределенности из учения о познании, утверждая возможность достижения истинного знания через чувственное восприятие к разуму. Э. Кассирер специальным образом анализирует учение о познании Аристотеля, подчеркивая определяющую роль принципа последовательности развития всего живого (и познания) из низших форм к высшим: «Чувственное восприятие, память, опыт, воображение и разум — все это включено в общую связь, элементы которой суть лишь различные стадии и выражения одной и той же основополагающей деятельности, которая достигает высшего совершенства у человека»¹⁶. Для Платона характерно наличие разрыва между идеальным и эмпирическим мирами.

Следует отметить, что обретению знания о сущности мира способствуют не только логические тренировки, но и стремления человека осмыслить мир как поэтическим, так и религиозным способом, приблизиться «к трансцендентному позволяют также миф и поэтическое воображение или же подключение к некоему эстетическому резонансу, возникающему в душе при соприкосновении с архетипами, которые присутствуют в скрытом виде в феноменальном мире»¹⁷. Видимо, в этом заключается особенность философии как особого вида творчества, включающего как рациональную, так и иррациональную, интуитивную стороны. Философия в таком ракурсе предстает как специфический вид интеллектуального труда, характеризующийся наличием элемента неопределенности.

¹⁶ Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. - М.: Гардарики, 1998. С. 445

¹⁷ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 50

Теперь обратимся ко второй обозначенной нами тенденции в античной философии с целью обнаружения в учениях древних мыслителей таких идей, которые позволили бы нам говорить о применимости понятия неопределенности в онтологическом и гносеологическом плане.

С онтологической точки зрения, со значительно долей условности, мы можем объединить в единую группу философов тех, которые обращались к исследованию физической природы. Главным объектом познания выступает естественный, природный мир, который представляет собой единый Космос, упорядоченный на основе первопринципов.

Идея о строении мира как едином целом, в основании которого заложены некие изначальные принципы, как мы видели, получает развитие у Платона. Однако в платоновском учении эти принципы идеальны, находятся вне земного мира. В рассматриваемой нами философской тенденции Античности данные первоначала носят исключительно материальный характер; заметим, что формирование учений о существовании изначальных в земную природу принципах выстраивалось на основе наблюдений за реальным миром. Достаточно назвать имена Фалеса, «началом всего он полагал воду»¹⁸, Гераклита, полагающего, что «все составилось из огня и в огонь разрешается»¹⁹, и Демокрита, который учил, что «начала Вселенной суть атомы и пустота, все остальное лишь считается существующим... Качества существуют лишь по установлению, по природе же существуют только атомы и пустота»²⁰. Феноменальный мир во всем многообразии его проявлений считается единым и целым, поскольку в его основу заложены вечные и неизменные первоэлементы. Онтологическая неопределенность, таким образом, устраняется, поскольку объяснение любого явления сводится к его происхождению от первого элемента.

¹⁸ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1998. С. 62

¹⁹ Там же. С. 334

²⁰ Там же. С. 346

Однако следует заметить, что многообразие учений первых натурфилософов усугубляет общую неопределенность в выработке единой картины мира, не дает основы для выбора, а лишь предлагает альтернативу.

Интересным с этой точки зрения выступает учение Анаксимандра, который в качестве первоосновы мира полагает беспредельное, или апейрон, и не сводит его ни к одному из элементов, не определяет его «ни как воздух, ни как воду, ни как что-либо иное»²¹. Особенность рисуемой Анаксимандром картины мира заключается в изображении происхождения мира из некоего неопределенного элемента, не сводящегося ни к одному из известных природных элементов. Это принципиально отличает его от первых натурфилософов, создающих собственную концепцию устройства природного мира, основывающихся на одном первоэлементе. Учение Анаксимандра демонстрирует попытку ухода от этой неопределенности и открывает возможность подвергать сомнению учения предшественников.

В аспекте поиска предпосылок гносеологических смыслов понятия неопределенности в античной философии, мы сосредоточим внимание на двух учениях, интересных нам с точки зрения теории познания. Первое – учение Гераклита, показательное с точки зрения применения в античной философии образов-понятий, второе – направление скептицизма, берущее начало от философии Парменида и софистов.

Гераклит Эфесский знаменит не только своей онтологией (учением о становлении мира из огненной стихии), но и способом изложения своего взгляда на мир. «Все совершается по судьбе и слаживается взаимной противоположностью»²², - объявляет Гераклит. Исследователи отмечают особый стиль Гераклита, за который он снискал себе прозвище «Темный». А.В. Лебедев

²¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1998. С. 62

²² Там же. С. 334

отмечает, что есть две основные причины, по которым стиль Гераклита можно считать «темным», или неясным: во-первых, «темноту» его прозы можно связать с метафорическим употреблением имен, аллегоризмом; во-вторых, наличие грамматических особенностей, таких как бессоюзная речь и синтаксическая двусмысленность²³.

Следует заметить, что такой способ выражения находится в гармонии с онтологией мыслителя: в слове он выражает противоречивость мира, его постоянную изменчивость. Это, в свою очередь, накладывает отпечаток на специфику познания: использование образов-метафор устраняет однозначность определений, но вместе с тем, формирует особое отношение к познаваемой реальности – примирение познающего субъекта с принципиальной изменчивостью мира. «Мышление - это то, что не просто воспринимает и описывает сущее, конструирует отношения, устанавливает порядок, а то, что осмысливает все это согласно своему способу бытия, оно темное потому, что пытается осветить основания бытия, само погружаясь в темноту»²⁴. Это дает нам основание полагать, что способ мысли Гераклита является примером первого проявления гносеологической неопределенности в философии Античности.

Обратим внимание на второй из обозначенных нами аспектов исследования предпосылок гносеологической неопределенности в античной философии – скептической традиции. Когда мы говорим о том, что следует рассматривать направление скептицизма как берущее свое начало от учения Парменида и софистов, это означает, что понятие «скептицизм» мы используем в более широком смысле, нежели понимая под этим словом философскую школу. Речь идет о формировании специфического отношения к миру, где познание неразрывно связано с возникновением ситуации рефлексии, сомнения над основаниями получения истинного знания.

²³ Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. СПб., 2014. С.43-44

²⁴ Хофмайстер Х. Что значит мыслить философски. СПб., 2006.С. 45

Особо следует отметить вклад элейской школы, в частности учений Парменида и Зенона Элейского, в вопросе о сущности познания, соотношения познающего и познаваемого. Заметим, что предшествующие натурфилософы не ставили этого вопроса, а лишь утверждали ту или иную онтологическую концепцию. Исследуя учения античных авторов с точки зрения разработки в их учениях научных понятий, П.П. Гайденко замечает, что проблема познания в школе элеатов возникает в связи с исследованием понятия бесконечности: «Зенон вскрыл противоречия, в которые впадает мышление при попытке постигнуть бесконечное в понятиях. Его апории - это первые парадоксы, возникшие в связи с понятием бесконечного»²⁵. Таким образом, элеаты сосредотачивают внимание на самом процессе мышления, что было не свойственно предшествующим философам.

В работе «История греческой философии в ее связи с наукой» П.П. Гайденко указывает на то, что натурфилософия периода конца V века представляла собой форму философии, близкую к «саморазложению»: в ней «назревали противоположности, которые уже невозможно было примирить средствами натуралистической космологии»²⁶. Этот процесс преодоления натурализма старой космологии стал возможен только благодаря нарождающемуся индивидуализму, с появлением которого логические и этические потребности стали выходить на первый план. Эта рефлексия способствовала переключению внимания с онтологических проблем (космологии, натурфилософии) на вопросы гносеологического плана. Дальнейший вклад в развитие проблем теории познания внесли софисты.

Учение софистов нам интересно, прежде всего, с точки зрения их трактовки процедуры получения истинного знания. Софисты полагали, что каждый человек

²⁵ Гайденко П.П. История греческой философии в ее связи с наукой // URL: <http://www.koob.ru> (дата обращения: 16.07.2015)

²⁶ Там же.

имеет собственный опыт, а значит, свое представление о реальности. Так Протагор заявлял, что «о всяком предмете можно сказать двояко и противоположным образом»²⁷. Из этого можно заключить, что любое знание субъективно. «Человек есть мера всем вещам – существованию существующих и несуществованию несуществующих»²⁸, - так Протагор начинает одно из своих сочинений.

П.П. Гайденок объясняет склонность софистов к субъективизму следующим образом. Во-первых, их практическая деятельность сводилась к тому, чтобы научить человека убеждать оппонента в своей правоте. Кстати, это обстоятельство является главным основанием критики просветительской деятельности софистов, с точки зрения Платона. Во-вторых, софисты «прокладывали путь к обретению такого знания, которое хотя и было бы опосредовано субъективностью индивида, но не сводилось бы к ней. Именно деятельность софистов, релятивизировавшая все предшествующее знание, положила начало поискам новых форм достоверности знания - таких, которые могли бы устоять перед судом критического сознания»²⁹. Софисты (а еще ранее Сократ) способствовали осуществлению перехода от метафорического к логическому способу мышления и доказательства. В этом – их несомненная заслуга для становления научной мысли в будущем. Кроме того, именно софисты способствовали изучению субъективной составляющей познания, без чего также невозможно современное понимание научного познания.

Античный скептицизм как оригинальное учение возникает, таким образом, на основе идей и учений, характерных для мышления представителей более раннего периода. В некотором смысле Платона можно рассматривать как

²⁷ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1998. С. 348

²⁸ Там же. С. 348

²⁹ Гайденок П.П. История греческой философии в ее связи с наукой // URL: <http://www.koob.ru> (дата обращения: 16.07.2015)

философа скептического направления. «Многие диалоги, - замечает Б. Рассел, - не содержат положительных заключений и имеют целью оставить читателя в состоянии сомнения»³⁰. Действительно, Платон в лице Сократа неоднократно подчеркивает, что не обладает знанием о предмете рассуждения, или вообще ничего знает. Нередко Сократ не приходит ни к каким выводам и не дает однозначных определений.

Если говорить о скептицизме в строгом смысле этого слова, то ни одно из обозначенных выше учений не может быть охарактеризовано как скептическое. «Античный скептицизм — оригинальное учение, если иметь в виду понимание задачи философии и ее содержание»³¹.

Однако специальное обращение к учению скептицизма демонстрирует нам отсутствие каких-либо оригинальных гносеологических концепций, в их учении «не много нового, за исключением некоторой систематизации и формулирования более старых сомнений»³². Исходя из принципа сомнения, скептики (Горгий, Пиррон и др.) не обращаются к поиску положительных оснований познания, а исходят лишь из отрицания наличного знания.

Возведение сомнения в абсолют дает основание некоторым исследователям Античности (например, Б. Расселу) упрекнуть представителей скептицизма в догматизме: «Скептицизм как философия является не просто сомнением, а тем, что можно назвать догматическим сомнением»³³. С противоположной точки зрения характеризует скептиков Диоген Лаэртский: «Цель свою скептики полагали в опровержении догматов всех школ, но сами ни о чем догматически не высказывались. Даже приводя и излагая мнения других, они ничего не определяли, не определяли и того, что они делали: они отрицали даже, что они

³⁰ Рассел Б. История западного мышления и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. М., 2009. С. 295

³¹ Асмус В.Ф. Античная философия. М., 2005. С. 406

³² Рассел Б. История западного мышления и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. М., 2009. С. 292

³³ Там же. С. 293

ничего определяют (не говорили, например, «Мы ничего не определяем»), ибо эти они высказывались бы определенно»³⁴. В любом случае следует признать, что скептики пытались выдвинуть такие аргументы, которые могли бы подорвать привычное отношение к миру как познаваемому объекту и отказать субъекту в возможности получения истинного знания.

Понятие «сомнение», используемое в философии софистов и получившее распространение в школе скептиков, позволяет нам говорить о том, что в гносеологическом плане в Античной философии существовали предпосылки для формирования понятия «неопределенность». Следует заметить, что в строгом смысле слова, школа скептиков не внесла значительного вклада в понимание понятия «сомнение», а сосредоточила свое внимание сугубо на отрицании положительных учений предшествующих мыслителей, не выдвинув при этом своей оригинальной гносеологической концепции.

Если же говорить о скептицизме как тенденции, то с точки зрения теории познания, черты неопределенности можно усмотреть в аспекте формирования представления о субъективности познания: каждый индивид обладает личным опытом, собственным знанием о реальности; следовательно, объективное знание недостижимо.

Таким образом, основной вклад античной философии с точки зрения темы нашего исследования заключается во включении принципа сомнения в субъект-объектные отношения. Как мы заключили в данном параграфе, для античной философии не свойственна онтологическая неопределенность. Если мыслитель утверждает, что обладает инструментом для познания мира (например, имеет знание о наличии некоего первоэлемента), то это дает ему основание выстраивания картины мира, лишенной какой-либо неопределенности. В гносеологическом плане скептицизм как стремление все подвергать сомнению,

³⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1998. С. 356

рефлексии (а не наивному отрицанию) способствовал формированию критического отношения к процессу получения знания, которое отличает классическую науку.

Следует заметить, что скептицизм однажды сыграет свою позитивную роль в период эпохи Возрождения, подвергнув сомнению догматические истины христианского вероучения и сделав ставку на принципы опытного естествознания. В классической философии и науке принципу сомнения отводится одна из ключевых ролей в познании.

Однако прежде чем перейти к анализу специфики онтологических и гносеологических аспектов философских и научных теорий Нового времени, обратимся к поиску специфических смыслов, которые закладывались в понятие неопределенности и тождественных ему понятий в период Западного Средневековья.

1.2. Неопределенность в аспекте вопросов богопознания эпохи Средневековья

Целью данного параграфа является рассмотрение предпосылок формирования понятия неопределенности в средневековой философии в аспекте онтологических и гносеологических воззрений ее главных представителей. Вместе с тем, обращение к исследованию Западного Средневековья как историко-философского феномена требует некоторых предварительных замечаний.

Во-первых, под понятием «Западное Средневековье» принято понимать явление духовной культуры, растянувшееся во времени в период со II (зарождение патристики) по XV (период поздней схоластики) век. Этот временной период характеризуется разнообразием религиозно-философских концепций. В связи с этим, невозможно говорить об онтологии или гносеологии «Средневековья в целом», уровень обобщения здесь может сводиться к

характеристике конкретной исторической эпохи. Поэтому в логику изложения материала данного параграфа заложен хронологический принцип.

Во-вторых, при всем многообразии философско-религиозных учений Средневековья, главными вопросами, занимающими умы ее представителей, были вопросы соотношения Бога и мира (включая человека и его существование в мире) и богопознания. Не смотря на то, что онтология и гносеология как самостоятельные разделы философии представителями Средневековья не разрабатывались, обращаясь к изучению средневековой философии сегодня, мы, несомненно, пытаемся определить, какие из воззрений можно причислить к числу так называемых учений о бытии, т.е. онтологии, а какие из них поднимают вопросы познания и знания. Принимая во внимание данные вводные замечания, перейдем к анализу философии Средневековья в контексте становления представлений о мире объектов, субъективном восприятии и возможности субъект-объектного взаимодействия.

Обращаясь к исследованию онтологических учений эпохи Средневековья, становится очевидным их главное отличие по отношению к учениям о бытии Античности – это наличие единой божественной картины мироздания. В античную эпоху каждый философ пытался представить свое собственное учение о мире, исходя из первоначала, которое он закладывал в основание своей системы. Средневековье изначально выстраивает единую систему мира с жестко установленной иерархией, в которой Богу, человеку и всему остальному тварному миру отводятся определенные роли. По сути, философская картина мира сменяется религиозной.

В период патристики (II-V века) это дает основание некоторым мыслителям (например, Тертуллиану) призывать к отказу от философии, под которой понималось все античное наследие. Религия не нуждается в излишних спекуляциях на божественные темы, а философия скорее может принести вред, нежели пользу в постижении Божественного Откровения. Однако находятся и другие мыслители (Климент), которые полагают, что античная философия (а

именно метафизика Платона) вполне вписывается в христианское представление о реальности, и поэтому не стремятся к радикальному отказу от античных учений. Следует заметить, что в дальнейшем свое развитие получает вторая из обозначенных тенденций.

Дальнейшее становление средневековой религиозной философии представляет собой углубление в онтологическую проблематику, не ограничивающейся знаниями, содержащимися в Библии. Ключевой фигурой христианской онтологии является фигура Бога, а центральной проблемой – богопознание. В аспекте указанной проблемы весьма продуктивным является поиск предпосылок, которые могут привести нас к использованию понятия «неопределенность» в аспекте описании Бога.

В V веке благодаря учению Псевдо-Дионисия Ареопагита формируется два типа богословия – апофатическая и катафатическая теология. Катафатическая (или «положительная») теология понимается как возможность формирования положительных высказываний о Боге и его творении. «Основа катафатической теологии, - отмечает В.В. Соколов, - аналогия между реальным миром предметов, в особенности человеческих существ, и богом как их верховным и единственным творцом»³⁵.

Катафатическая теология более содержательна по отношению к апофатической, ибо дает возможность дальнейшему развитию богословской проблематики: учению о Троице, Христе, спасении человека и т.д. Христологическая и тринитарная проблематика являлась причиной созыва так называемых «соборов», на которых богословские суждения утверждались в качестве доктрин и не подвергались сомнению с момента утверждения. Любой отход от догматики признавался еретическим. Исходя из этого, можно заключить, что понятие «неопределенность» в данном случае неприменимо для

³⁵ Соколов В.В. Средневековая философия. – М., 1979. С. 86

характеристики онтологических воззрений в рамках катафатической теологии. Подтверждением тому является утверждение в 325 году на Никейском Соборе «Символа веры» - краткого изложения христианских догматов, признание которых вменялось в обязанность каждому христианину.

Признание принципиальной непостижимости, непознаваемости, а значит, и неопределенности образа Бога характерно для апофатической («отрицательной») теологии. Для характеристики божественной истины Псевдо-Дионисий использует такие понятия, как «невидимая», «необъемлемая», «недоступная», «безграничная», «запредельная», «сверхсущественная», «сокровенная»³⁶. Наряду с тем, что Бог есть Причина всего существующего, «Она не знание, не истина, не царство, не премудрость; Она не единое и не единство, не божественность или благодать; Она не есть дух в известном нам смысле, не сыновство, не отцовство, ни что-либо другое из доступного нашему или чьему-нибудь из сущего восприятию; ... Ей не свойственны ни слово, ни имя, ни знание; ... к Ней совершенно не применимы ни утверждение, ни отрицание; и когда мы прилагаем к Ней или отнимаем от Нее что-то из того, что за Ее пределами, мы и не прилагаем, и не отнимаем, поскольку выше всякого утверждения совершенная и единая Причина всего, и выше всякого отрицания превосходство Ее, как совершенно для всего запредельной»³⁷.

Несмотря на то обстоятельство, что апофатическая теология достаточно скоро сменилась катафатической, история Средневековья демонстрирует примеры апофатики в виде роста мистически настроенных богословских учений (Максим Исповедник, Иоанн Скот Эриугена). Так Эриугена соглашается с Псевдо-Дионисием, что «о Боге нельзя сказать ничего, что соответствовало бы

³⁶ Псевдо-Дионисий Ареопагит. О божественных именах // URL: <http://www.hesychasm.ru/library/dar/tname.htm> (дата обращения: 21.09.2015 г.)

³⁷ Псевдо-Дионисий Ареопагит. О мистическом богословии // URL: <http://hesychasm.ru/library/dar/theol.htm> (дата обращения: 21.09.2015 г.)

Его достоинству, - ни имени, ни глагола, ни других частей речи, поскольку знаки в собственном смысле не могут быть приписаны Богу»³⁸.

Понятие «неопределенность», таким образом, применимо для характеристики Бога как принципиально непознаваемого, ибо его характеристики несводимы ни к одному из возможных определений. При всем этом неопределенность не может применяться в онтологическом смысле для характеристики мира в целом, поскольку наличие в нем жесткой иерархии устраняет любую неопределенность. В то же время наличие определенной онтологической иерархии открывает возможность человеку осознать свое место в божественным образом устроенном мире, определить свою значимость и наделить жизнь смыслом.

Особое место человека в христианской картине мира объясняется его нахождением между материальной и божественной сферами: находясь в тварном мире, человек, обладая сознанием, может приблизиться к Богу. Отсюда – внимание мыслителей к индивидуальному человеческому познанию, постижению конкретным верующим божественной сущности. В аспекте данных рассуждений обратимся к творчеству А. Августина, а именно проблеме времени и характеристике сомневающегося субъекта.

Августин подвергает сомнению существование трех времен: «Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего»³⁹. Эти три вида времени соответствуют состояниям человеческой души: памяти, непосредственному созерцанию и ожиданию. В.В. Соколов называет такой подход «субъективизацией

³⁸ Эриугена И.С. О божественном предопределении // <http://www.mediagnosis.ru/HISTORY/HTML/LITER/HRESTOM/E/Eriugena.htm> (дата обращения: 21.09.2018 г.)

³⁹ Блаженный Августин Аврелий. Исповедь. М., 2007. С. 438-439

времени»⁴⁰, поскольку время, с этой точки зрения, не имеет объективного существования, а зависит от его осмысления субъектом, исходя из настоящего.

Именно внимание к внутреннему «переживанию» времени говорит о возможности развития проблематики субъективного восприятия в средневековой философии. Это обстоятельство дает основание Р. Тарнасу считать Августина «самым современным из древних»: «Он обладал самосознанием экзистенциалиста с характерной для него высокоразвитой способностью к самоанализу и противостоянию самому себе, с его интересом к феномену памяти, сознания и времени, с психологической прозорливостью, сомнениями и угрызениями совести, с его ощущением одиночества и заброшенности человеческого «Я», оторванного от Бога, с его напряженными внутренними конфликтами, с его интеллектуальным скептицизмом и мудрствованиями»⁴¹. Благодаря «Исповеди» становятся доступными факты жизни Августина, благодаря которым видно, что он проделал огромный путь к христианской вере, подвергая сомнению другие религиозные верования. Обратившись к ортодоксальному христианству, Августин не перестает подвергать осмыслению его основные положения. Сомнение – один из основных принципов его учения.

В гносеологическом плане сомнение играет позитивную роль, позволяя подтвердить существование сомневающегося «Я», которое, в свою очередь, онтологически сохраняет свою зависимость от Бога. Принцип сомнения, таким образом, признает существование не только субъекта познания, но и обосновывает объективное существование Бога.

С другой стороны, христианская религия связывает понятия сомнения и греха: верующему человеку не следует подвергать сомнению то, что содержится в Священном Писании или учениях Отцов Церкви. В процедуру сомнения привносится эмоциональный аспект, не позволяющий религиозному философу

⁴⁰ Соколов В.В. Средневековая философия. М., 1979. С. 60

⁴¹ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 124

продолжать познание посредством сомнения. Человеческая личность понималась исключительно как звено в иерархии божественно устроенного мира и, тем самым, теряла свою самодостаточность и независимость от церковного авторитета.

Представление о познании в период становления христианства и патристики ограничивается сферой постижения Библии. Исключительно в Библии открывается истинное устройство мира как Божьего творения, а любые попытки иным (например, научным) путем проникнуть во внутреннюю логику природы более не казались необходимыми. Впредь человеку не следует самостоятельным путем постигать мир, поскольку истина в полной мере содержится в Откровении, а правом толкования и разъяснения Священного текста обладают исключительно представители Церкви. Разработанный Античностью метод наблюдения за объектами естественного мира теряет свою ценность.

Однако обсуждение вопросов богопознания (с VI века на Востоке, с VIII века на Западе) позволяет говорить об этом периоде Средневековья как о творческом историко-философском периоде, поскольку эти вопросы не только способствуют становлению новых оригинальных теологических концепций, но и приводят к анализу «забытой» платоновской и аристотелевской философии.

Своего высшего развития философско-религиозная философия получает в VIII - XIII веке, в период схоластики. И хотя общераспространенным является утверждение о «философии как служанке богословия», благодаря разработкам в области логики, унаследованным от Аристотеля, этот период можно по праву считать расцветом Средневековой интеллектуальной мысли.

Признавая авторитет аристотелевской философии, наряду с текстом Откровения, философы-схоласты полагают, что знание можно представить в виде двух уровней – естественного знания, полученного при помощи человеческого разума, и сверхъестественного, почерпнутого из Библии. Однако в отличие от индуктивного метода познания, используемого в Новое время, путь естественного познания в схоластике строится по примеру экзегетики Священного текста:

дедуктивным способом в форме интерпретации текста (в данном случае – учения Аристотеля). Интерпретируя текст, ученый-схоласт выстраивает в соответствии с правилами силлогистики цепь логических умозаключений. Таким образом, гносеология выступает в форме интерпретации авторитетного текста, не допуская ни малейшего проявления творческой активности познающего субъекта. Другими словами, как таковой проблемы познания в то время не существует: деятельность разума направлена на воспроизводство в философско-теологической системе онтологического устройства мира в полном соответствии с текстом Библии.

Однако более детальное исследование творчества религиозных мыслителей XIV-XV веков позволяет говорить об этом периоде схоластики как «исток» возникновения науки Нового времени. П.П. Гайденко связывает это с тем обстоятельством, что «для XIV–XV веков характерна атмосфера скептицизма, связанная с переходом от объективно-онтологического к субъективно-психологическому обоснованию познания»⁴². По мнению П.П. Гайденко, именно скептицизм поздней схоластики способствует осуществлению тех «интеллектуальных сдвигов», которые привели к становлению науки Нового времени.

Здесь особо следует подчеркнуть значение доктрины У. Оккама, выступающего против объединения веры и разума, другими словами, использования познавательных способностей разума для доказательства истинности христианских догматов. Происходит принципиальное разделение теологического и философского знания: теология опирается на Откровение, а философия — на разум и опыт. Таким образом, можно говорить о существовании двух родов истин – истины Божественного откровения, которая принимается исключительно на веру и не нуждается в каких-либо доказательствах и подтверждениях, и истины, полученной посредством эмпирического наблюдения

⁴² Гайденко П.П. У истоков новоевропейской науки // Человек в мире знания. М., 2012. С. 127

и рационального осмысления наблюдаемого. На вопрос: «Может ли теологическая истина, одна и та же по виду или числу, доказываться в теологии и в естественном знании?» - У. Оккам отвечает отрицательно: «...поскольку заключение, одно и то же по виду, не может постигаться двумя различными типами знания; но различные по смыслу термины в теологии и в естественном познании являются причиной знаний разного типа; следовательно, заключения необходимо будут заключениями разного типа»⁴³.

Таким образом, особенность первой истины в том, что, будучи принятой на веру, она представляет собой определенное знание о Боге, ибо источником такого знания может быть только Слово Божие. Откровение дарует эту определенность, однако само оно может утвердиться только через веру. Объектом постижения разума является естественный мир, источником познания – чувственные данные. Но поскольку чувства не могут привести к полному знанию о природе во всех ее многообразных проявлениях, то такое познание не может гарантировать определенности полученного знания.

В концепции У. Оккама получает развитие скептическая тенденция по отношению к основанному на чувствах знанию. Более того, утверждение прямой зависимости между проявлениями Божьей воли и процессами природного мира, с одной стороны, и невозможность постижения разумом божественного всемогущества, с другой, лишает человека возможности приобщения к божественной истине собственными силами. «В таком контексте, - отмечает В.В. Соколов, - достигалась полная иррационализация богословия, которое должно опираться только на документы Священного писания»⁴⁴. Такая позиция отрицает возможность постижения божественной истины при помощи человеческого разума.

⁴³ Оккам У. Избранное. М., 2002. С.143

⁴⁴ Соколов В.В. Средневековая философия. – М., 1979. С. 410

С точки зрения теории познания, показательное решение номиналистами вопроса об универсалиях (общих понятиях). Известно, что номиналисты, представителем которых считается У. Оккам, отрицают онтологическое существование универсалий, поскольку они являются порождением деятельности человеческого ума. Это отличает номинализм от реализма, утверждающего существование вне сознания объективной реальности как бытия идеальных объектов; исторически реализм исходит из учений Платона и Аристотеля и достигает своего расцвета в творчестве Альберта Великого и Фомы Аквинского. Реализм признает онтологический статус общих понятий, подчеркивая их независимость от человеческого разума. В противоположность этому номинализм отказывается универсалиям в возможности онтологического существования.

С точки зрения У. Оккама, познание конкретной вещи больше не нуждается в познании субстанции, как это считалось со времен Аристотеля. Процесс познания выстраивается как постижение явлений, данных эмпирическим путем, и впредь не нуждается в онтологической опоре. В связи с этим меняется представление о предмете познания. П.П. Гайденко отмечает: «Если в схоластике от Бонавентуры до Фомы предметом всеобщего и необходимого знания являются субстанции, которые суть умопостигаемые реальности, то, согласно Оккаму, познание должно быть направлено не на сущность вещи, т. е. не на вещь в ее всеобщности, а на единичную вещь. Таково интуитивное познание — *cognitio intuitiva*. И это потому, что познаем мы не субстанции, а акциденции: открывается возможность толковать знание как установление связи между акциденциями, т. е. ограничить его уровнем явлений»⁴⁵.

В связи с упрощением онтологической системы мира меняется представление об уме. Человеческий ум впредь лишается одного из высших мест в иерархической структуре Богом сотворенного мира, ум есть свойство субъекта.

⁴⁵ Гайденко П.П. У истоков новоевропейской науки // Человек в мире знания. М., 2012. С. 126

По мнению П.П. Гайденко, утверждение номиналистами человеческого ума как познавательной способности человека, а также концепция «двойственной истины», разделяющая предметы познания теологии и философии, способствовало, в конечном счете, становлению нового типа мышления, которое утвердилось в Новое время: «В номинализме намечается та тенденция к самостоятельности гносеологии по отношению к онтологии, которая была чужда античному мышлению и развернулась полностью только в Новое время»⁴⁶.

Итак, рассмотрев становление представлений средневековых философов в контексте субъект-объектных отношений с точки зрения выявления предпосылок понятия неопределенности, можно заключить следующее:

- с точки зрения онтологии, понятие «неопределенность» уместно использовать применительно к апофатической теологии, отрицающей возможность формирования каких-либо определений относительно описания божественной сущности;

- о неопределенности можно говорить в тех случаях, когда имеет место проявление экзистенциальных, глубоко личных мотивов, которые являются индивидуальным проявлением человеческого сознания (например, в творчестве А. Августина);

- разработанный в эпоху Средневековья номиналистический подход также предполагает возможность использования понятия неопределенности с точки зрения гносеологических установок, лежащих в основе данного подхода. Номинализм утверждает независимость человеческого познания от веры и основан исключительно на познании эмпирических фактов. А поскольку мир многообразен в своих проявлениях, то познание ограничено сферой опыта и не может дать в полной мере определенного знания.

⁴⁶ Гайденко П.П. У истоков новоевропейской науки // Человек в мире знания. М., 2012. С. 126

Дальнейшее рассмотрение субъект-объектного взаимодействия неразрывно связано с процессами становления научного знания и анализом того влияния, которое оказывает научное знание на философию.

1.3. Идея неопределенности в философии и науке Нового времени

Исследование специфики философии Нового времени невозможно провести без оценки того влияния, которое оказало на нее становление научного знания. Можно отметить два основных вектора влияния науки на философию: во-первых, формирование новых онтологических и гносеологических представлений в соответствии с передовыми достижениями науки; во-вторых, внимание к самой познавательной способности человеческого разума формировать истинное представление о действительности, или вопрос об установлении соответствия между познаваемым объектом и знанием субъекта.

Рассмотрение этих вопросов определяет структуру данного параграфа. В контексте решения данных вопросов мы подробнее остановимся на рассмотрении классических понятий, наиболее близких по смыслу понятию «неопределенность». Таковыми выступают понятия «сомнение» и «интуиция». Кроме этого, отметим некоторые онтологические и гносеологические принципы классической философии, которые оказали влияние на становление неклассического смысла понятия «неопределенность».

Растущий успех научного знания оказывает значительное влияние на положение философии Нового времени: более того, получает развитие тенденция построения философского знания подобно научному. Образцом научного подхода к действительности считается физика И. Ньютона.

И. Ньютон утверждает, что в «натуральной философии» допустимы только такие принципы, которые вытекают из надежных экспериментов, обобщают их результаты. Одним из требований выступает простота принципов теории: «Не

должно принимать в природе иных причин сверх тех, которые истинны и достаточны для объяснения явлений... природа ничего не делает напрасно, а было бы напрасным совершать многим то, что может быть сделано меньшим. Природа проста и не роскошествует излишними причинами вещей»⁴⁷. В соответствии с физической картиной мира, которую предлагают нам открытия И. Ньютона, возникают эмпирически направленные философские учения, согласно которым мир есть совокупность физических тел, взаимодействующих посредством установленных механистических законов. Остановимся более детально на специфике учений французских просветителей с целью установления отношений, которые складываются между философией и наукой Нового времени⁴⁸.

В соответствии с «порядком» в природе, трактуемым в механистическом духе И. Ньютона, формируется представление о процессе познания. Он представляет собой непрерывное следование от вещей, полученных опытным путем, к вытекающим следствиям. По мнению А.П. Огурцова, развитие научного знания в XVIII в. связано с формированием специфического подхода к исследуемому миру, который можно назвать «механистическим способом мысли»⁴⁹. Механизм понимается как фундаментальный принцип объяснения.

Подход природному миру как к механической системе позволяет проанализировать природу как рационально устроенное целое. Но еще более существенным является замечание философов-просветителей о том, что, будучи отражением этого «великого целого», все науки представляют собой единую систему объективно отражающих мир и постоянно развивающихся знаний. М. Хоркхаймер и Т. Адорно отмечают, что здесь «разумом не привносится ничего, кроме идеи систематического единства, кроме формальных элементов жесткой

⁴⁷ Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. С. 502

⁴⁸ Идея о том, что знание физических законов позволяет человеку раскрыть тайны природы отмечена в работах: Гольбах П. Система природы или о законах мира физического и мира духовного. М., 1940; Дидро Д. Сочинения: в 2-х т. М., 1986; Кондильяк Э. Сочинения: В 3-х т. М., 1982.

⁴⁹ Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. М., 1993. С. 41

понятийной связности... Без такого рода схематизма, одним словом, без интеллектуальности восприятия ни одно впечатление не соответствовало бы понятию, ни одна категория не соответствовала бы экземпляру, никогда бы дело не дошло до воцарения единства мышления, не говоря уже о таковом системы, а ведь именно на него нацелено тут все»⁵⁰. Установление такого единства является основной задачей философии.

Т.Б. Длугач отмечает, что для философов-просветителей, выступающих от лица науки, философия постепенно утрачивает свои прежние привилегии и занимает подчиненное по отношению к естествознанию место: «Она не признавалась больше самостоятельной наукой, ибо, по их представлению, это означало бы возрождение ее средневековой схоластической формы; в отличие от этого ... философия должна стать рефлексией науки»⁵¹. Иначе говоря, функция философии сводится к систематизации и обобщению полученных знаний в области других наук и выражению этих совокупных знаний в однозначных результатах.

Более детально анализирует сложившуюся ситуацию отношения между философией и наукой Э.Г. Юдин, который подчеркивает, что это не значит, что философия теряет свою самостоятельность и предстает исключительно в форме «восхваления» науки. Э.Г. Юдин замечает, что даже в такое время безусловной ориентации философского познания на науку, просветители стремились сохранить специфический предмет философского анализа. «Философия продолжала выступать как самосознание культуры. А поскольку средоточием нового типа культуры стала наука, постольку и философия развивалась прежде всего как самосознание науки»⁵². Это и находит свое выражение в преобладании

⁵⁰ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. М. – С-Пб., 1997. С. 105

⁵¹ Длугач Т.Б. Дени Дидро. М., 1975. С. 57-58

⁵² Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997. С. 93

методологической и гносеологической проблематики в творчестве французских просветителей.

Таким образом, можно отметить, что методологическая задача философии французского Просвещения заключается, главным образом, в систематизации конкретных наук, основывающихся на фактах, зафиксированных в опыте: изучение природы исходит не из смутных и произвольных гипотез (что, с точки зрения французских просветителей, демонстрирует нам рационалистическая философия XVII в.), а выстраивается путем внимательного изучения явлений, стремясь к максимально краткому выявлению принципов, их объясняющих.

Подводя некоторый итог рассуждениям о специфике гносеологии философов Нового времени, можно отметить, что знание, по мнению данных мыслителей, представляет некую упорядоченную целостность. Однако проблематичным остается вопрос об установлении соответствия между объектом и знанием, вырабатываемым субъектом. Можно сказать, что французские материалисты стоят на позиции репрезентативизма, полагая, что между миром и человеческим знанием существует полное соответствие.

Но философия Нового времени помнит и другие примеры. Выделяя два уровня познания, основанных на ощущениях и понятиях, Дж. Локк сомневается в том, что человеческие идеи в полной мере отображают реальные характеристики вещей. Действительно, если человеческое знание имеет дело только с идеями, данными субъективного опыта, то каким образом возможно достижение истинного знания об объекте?

Утверждение о том, что знание является истинным отражением объекта действительности, разделялось далеко не всеми мыслителями Нового времени. Принцип сомнения получает новый импульс развития, главным образом, благодаря возрождению идей античного скептицизма, в частности творчеству М. Монтеня. Возможность достижения какого-либо определенного знания ставится под сомнение, поскольку чувства не являются надежным фундаментом, а разум подвержен ошибкам. Подобная гносеологическая позиция вызывает резкую

критику со стороны догматически настроенных мыслителей того времени. Например. Б. Паскаль комментирует творчество М. Монтеня и «ему подобных» следующим образом: «Они нейтральны, безразличны, непричастны не только к другим, но и к себе»⁵³. На самом деле, критика Паскалем скептицизма того времени не совсем обоснована. Дело в том, что утверждавшийся М. Монтенем принцип сомнения был направлен, главным образом, против утверждения средневековых схоластических систем и религиозных догматов, но ни достижений современной ему науки. Сомнение как гносеологический принцип предполагает формирование критического отношения к этическим, культурным, социальным влияниям, Церковным авторитетам. Соответственно создание абсолютно объективного знания возможно посредством опоры исключительно на деятельность разума.

Принцип сомнения занимает центральное место в теории познания Р. Декарта. Провозглашая принципиальное требование философствования как радикального сомнения в чем бы то ни было, Р. Декарт требует начинать процесс рассуждения с положений, истинность которых не вызывает сомнения. Такие истины не могут принадлежать сфере опыта, поскольку эмпирическое знание само по себе не достоверно, опосредовано сферой чувственного. Поэтому единственным источником знания, по мнению мыслителя, выступает интуиция.

В философии Р. Декарта мы встречаемся с идеей раздвоенности, деления мира на две части, взаимного исключения телесной и духовной субстанций. В онтологическом плане эти сферы бытия оказываются изолированными друг от друга, исчезает возможность их взаимодействия. Вместе с тем, проблема установления соответствия между вещами и получения объективного знания о

⁵³ Паскаль Б. Мысли (п.438) // URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/mysli-paskal/2_2_1 (дата обращения: 21.09.2018 г.)

них не является неразрешимой, если попробовать вернуться, согласно учению Декарта, к исходной точке любого человеческого знания: феномену интуиции.

С онтологической точки зрения, интуиция есть проявление «естественного света», источником которого выступает Бог. «Мир», выступающий в качестве объекта познания, реконструируется «Я» согласно изначально заданным дедуктивным правилам. А так как «мы познаем все, что необходимо выводится из чего-либо достоверно известного»⁵⁴, в системе Декарта нет места сомнениям возможности определения вещей и явлений физического мира, нет предела познанию.

Следует признать, что философия Р. Декарта как радикальное противопоставление субъекта и объекта познания является уникальным в истории философии. По мнению О. Розенштока-Хюсси, именно в лице Декарта человечество, создав дистанцию между человеком и природой, преобразовало «темный хаос природы в предметы, которыми можно овладеть с помощью рассудка»⁵⁵. Кроме того, начиная с Декарта, познание перестает трактоваться в значении пассивного отражения субъектом мира; внимание философов переносится на значение активной деятельности субъекта в процессе создания знания об объекте.

Исследование субъективистской проблематики в философии Нового времени, в том числе в аспекте развития направления субъективного идеализма, приводит нас к поиску концепций, которые позволили бы нам говорить о возникновении таких познавательных ситуаций, которые мы могли бы описать при помощи понятия неопределенности. Субъективный идеализм как направление, акцентирующее внимание на сомнениях в достоверности объективного мира характерно для таких мыслителей, как Дж. Беркли и Д. Юм.

⁵⁴ Декарт Р. Сочинения. СПб., 2006. С. 36

⁵⁵ Розеншток-Хюсси О. Прощание с Декартом // Великие революции. Автобиография западного человека. М., 2002. С. 612

Однако процедура сомнения приводит данных мыслителей к утверждению, что окружающий мир не имеет реального существования и является исключительно проекцией мыслительной деятельности. Объективный мир недоступен для субъекта, об этом можно утверждать с определенностью.

С позиций субъективного идеализма, мы не можем утверждать что-либо помимо чувственных впечатлений. Известное утверждение Дж. Беркли о том, что «быть – значит быть воспринимаемым», ограничивает познание сферой восприятия, а функция человеческого разума трактуется как механизм по выработке идей.

В творчестве Д. Юма мы находим дальнейшее развитие представлений о мыслительных способностях человека, которые по-прежнему сводятся к чувственным восприятиям. Группируя чувственные данные определенным образом, человеческий рассудок индуктивным способом создает себе понятия пространства и времени, причинности. Истина – сфера чувственно воспринимаемого знания.

Возникает закономерный вопрос: каким же образом возможно осуществление научного познания, если такие его характеристики как причинность, достоверность и необходимость являются субъективными образованиями? Согласно субъективному идеализму, научная «определенность относится к сугубо субъективной области, определяемой не природой, а человеческой психологией»⁵⁶; другими словами, наука может иметь дело исключительно с явлениями, регулярные свойства которых фиксируются разумом. Таким образом, объекты, которыми оперирует научное знание, фактически ничем не отличаются от объектов обыденной жизни: это объекты феноменального мира.

⁵⁶ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 286

Резюмируя вышесказанное, заметим, что, отталкиваясь от позиции разделения Р. Декартом субъекта и объекта в процессе познания, мыслители акцентируют внимание на сложной структуре мыслящего «Я», все более ограничивая степень познаваемости мира объектов.

Наибольший вклад в учение о познании, в частности, роли субъекта в познавательной деятельности вносит И. Кант. Основываясь на учениях предшественников, И. Кант признает, что познание человека ограничивается сферой феноменального мира. Субъект в его понимании не пассивно воспринимает окружающий мир, но активно обрабатывает чувственный опыт. Разрабатывая учения об априорных формах чувственности и рассудка, И. Кант впервые пытается рассмотреть процесс непосредственного взаимодействия субъекта и объекта. В теории познания И. Канта «не представления о вещах, как они нам даны, сообразуются с этими вещами как вещами самими по себе, а скорее эти предметы как явления сообразуются с тем, как мы их представляем»⁵⁷.

В понимании И. Канта, в основе определения объективного мира как условие «возможности всего существующего, к которому должна сводиться всякая мысль о предметах вообще касательно их содержания»⁵⁸, лежит трансцендентальный идеал. Это есть единственный идеал, доступный человеческому разуму, благодаря которому становится возможным формирование понятий о вещах и как следствие этого представление о самом индивидууме-субъекте познавательного акта. В этом аспекте лишь субъект обладает «исключительным превосходством» относительно других вещей, о сущности которых мы остаемся в полном неведении.

Особое место в гносеологии Канта занимают два разработанных понятия: это мир «вещей-в-себе» и «вещей-для-нас». «Вещь-в-себе» - это мир ноуменальный, принципиально не познаваемый. Это мир, находящийся вне сферы

⁵⁷ Кант И. Критика чистого разума. - М., 2008. С. 25

⁵⁸ Там же. С. 441

нашего понимания. Но и мир «вещей-для-нас» не есть объективный мир. Человек познает «вещь-для-нас» посредством априорных форм, подстраивая и согласуя с ними все чувственные данные. Таким образом, потенциально возможный для понимания мир «вещей-для-нас» оказывается не более чем сферой субъективного состояния. Т. Рокмор называет «конструктивистским» подход И. Канта: «Мы можем обоснованно говорить, что знаем объекты, которые сами в некотором смысле конструируем»⁵⁹. Другими словами, объекты зависимы от конструирующего их разума.

Познавая, человек формирует мир явлений. Исходя из этого, он способен познать нечто, соответствующее его сознанию, но не объективную природу вещей. Такое заявление находится в духе субъективного идеализма: мы имеем дело с принципиальной невозможностью определения мира, выходящего за пределы чувственных ощущений. Что касается возможности использования понятия неопределенности для характеристики мира объектов у И. Канта, то можно сказать, что «вещь-в-себе» определенно непознаваема. Соответственно использование понятия неопределенности в данном случае неуместно.

Познание «вещей-для-нас» ограничено сферой чувственного восприятия. Однако вера мыслителя в прогресс научного знания, в частности поддерживаемый открытиями Ньютоновой механики, не позволяет включить в эмпирическое знание элемент неопределенности.

Скептические идеи обнаруживаются у И. Канта в контексте недоверия к схоластическим утверждениям относительно природы Вселенной, Бога и свободы человека. В контексте теории познания И. Канта о применимости понятия неопределенности уместно говорить тогда, когда анализируется подобная познавательная способность разума мыслить «идеи» (о мире, Боге, свободе), не имеющие аналогов в сфере опыта. Именно тогда можно говорить о

⁵⁹ Рокмор Т. Гегель о конструктивизме // Человек в мире знания. М., 2012. С. 503

возникновении противоречий или антиномий - противоположных утверждений, истинность которых доказуема в равной степени. Возникает парадоксальная гносеологическая ситуация, в которой доказать истинность одного из представленных в антиномии тезисов и ложность второго не предоставляется возможным. С гносеологической точки зрения, это исключает из рационального познания процедуру выбора в пользу того или иного тезиса. Мы сталкиваемся с принципиальной неопределенностью познания.

Антиномия может быть разрешена, только в случае выхода за пределы знания – в сферу практического действия; решение антиномий имеет нравственный источник. И. Кант полагает, что даже если невозможно знать, существует ли Бог на самом деле, необходимо верить в Его существование, чтобы совершить нравственный поступок. Тем самым вера в Бога получает нравственное и практическое обоснование. Таким образом, этика как учение о должном, в представлении И. Канта, является независимым от теории познания учением, в свою очередь нацеленном на постижение внешнего мира с господствующей в нем причинной обусловленностью явлений.

Человек как «вещь-в-себе» независим от детерминированных событий внешнего мира, обладает свободой воли и способен совершать самостоятельные поступки. Тем самым И. Кант задает направление экзистенциалистски настроенным учениям: человек должен выстроить свою жизнь в соответствии с собственными представлениями, опираясь на свой личный опыт, не ссылаясь на внешние обстоятельства. Принципиальное отличие этики И. Канта от этических представлений экзистенциалистов (например, Ж.-П. Сартра) заключается в том, что кантовское учение о должном имеет формальный характер; нравственность поступка определяется как соответствие категорическому императиву: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу всеобщего

законодательства»⁶⁰. Согласно Ж.-П. Сартру, не существует универсальных законов нравственности, сам человек ответственен за совершаемый им поступок.

Далее обобщим рассмотренные выше аспекты взаимодействия философии и науки Нового времени, для характеристики которых мы можем использовать понятие «неопределенность» и близких по содержанию понятий, таких как «сомнение» и «интуиция».

Рассмотрение вопроса о взаимодействии философского и научного знания Нового времени позволяет заключить, что философское знание того времени не только формально повторяет знание научное: его содержание все более включает в себя передовые достижения, главным образом, физических открытий. Такая позиция соответствует познавательным установкам материалистически настроенных философов XVIII в., неопределенность в смысле незнания устраняется из онтологической и гносеологической сферы.

Получившая распространение в философских кругах тенденция исследования вопроса об установлении соответствия между познаваемым объектом и знанием субъекта, открывает перспективы исследования ситуаций неопределенности в классической философии. Это и признание интуитивного компонента познания, получившее дальнейшее распространение не только в философии, но и науке неклассического периода; и принцип сомнения наличия соответствия между познаваемыми объектами и идеями, формируемыми на их основе. Наконец, критическая мысль И. Канта, показавшая невозможность познания вещей-в-себе и, как следствие, основ мироздания в целом. Дальнейшее развитие критической гносеологии И. Канта вызывает наш интерес с точки зрения того влияния, которое оно оказало на становление неклассических представлений о характере субъект-объектных отношений.

⁶⁰ Кант И. Критика практического разума. М., 1965, т. 4 (1). С. 347

В первую очередь, И. Кант принципиально меняет представление о взаимодействии субъекта и объекта познания: впредь субъект не подчинен объекту, не ограничивается пассивным восприятием со стороны объекта, а находится в состоянии активной деятельности. С этого момента берет начало гносеологическая «революция» с точки зрения формирования нового представления о субъективной стороне познания, продолженная в работах И.Г. Фихте, Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля: мир, каким мы его знаем, является результатом познания субъекта. Каждый из упомянутых здесь философов является создателем уникальной гносеологической системы, однако каждая из них является натурфилософской по характеру включения научных знаний в область философии.

Своеобразие взаимодействия философии и науки заключается в том, что естествознание, представленное в форме натурфилософии, представляет собой обобщенную систему миропонимания. Шеллинг Ф. В «Введении к наброску системы натурфилософии» отмечает: «Первая максима каждой подлинной науки о природе — объяснять все силами природы — принимается нашей наукой во всей ее широте и распространяется даже на ту сферу, границы которой не преступало до сих пор ни одно объяснение природы, например, на те органические явления, которые как будто позволяют предположить наличие аналога разума»⁶¹.

Предложенная концепция природы служит своеобразной формой включения новых естественнонаучных знаний в философское знание. Однако история философии и науки демонстрирует, что такая модель взаимодействия философии и науки обречена на неудачу. Сегодня принято считать, что философ не может являться создателем универсальной философской системы. В первую очередь это связано с тем, что успехи наук в ее отдельных, специализированных

⁶¹ Шеллинг Ф. Сочинения в 2 т. Т.1. М., 1987. С. 184

областях уже не являются делом философа, а осмысливаются профессиональными учеными. Кроме того, современная философия, испытывающая на себе влияние научного знания, чаще всего стремится сосредоточиться в рамках узкого круга научных дисциплин, чтобы добиться своего рода успеха теоретических разработок. Примерами могут служить философия языка, психоанализ и др. А в стремлении преодолеть принцип системного характера философского знания особенно преуспели представители постструктурализма и постмодернизма.

Признание главенствующей роли разума в процессе познания, позволяющей Шопенгауэру назвать «великим открытием» установление зависимости знания от субъекта (субъект «сам укоренен в этом мире, находит себя в нем как индивида, т. е. его познание, которое является обуславливающим носителем целого мира как представления, все же неизбежно опосредствуется телом, чьи состояния, как показано, служат рассудку исходной точкой для познания мира»⁶²) – это вместе с тем и раскол знания на две несводимые сферы – вещей-в-себе и субъективного Я. Если сначала можно было говорить о невозможности познания вещей-в-себе, то дальнейшая философия говорит уже о невозможности познания самого субъекта, являющегося частью мира как вещи-в-себе. Н.А. Бердяев считает такую ситуацию закономерной, «необходимым опытом человечества»⁶³, следствием гуманистического сознания, утверждающего антропоцентризм субъективно-психологического толка. Действительно, история философии демонстрирует тенденцию создания представлений о субъекте в духе релятивизма: рост научного знания и утверждение человеческой свободы вызвали противоположные следствия в мироощущениях мыслителей. Начиная с открытий Ньютона, когда человек смещается из центра Вселенной на ее периферию, субъект все более

⁶² Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // URL: http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_0040.shtml (дата обращения: 10.05.2018)

⁶³ Бердяев Н.А. Смысл творчества // URL: <http://predanie.ru/berdyaev-nikolay-aleksandrovich/book/69714-smysl-tvorchestva/> (дата обращения: 10.05.2018)

неустойчиво осознает себя в мире, усугубляя состояние тревоги. Сегодня человек – продукт эволюции, поведение которого определяется бессознательным механизмами.

Отсюда формирование нового подхода к человеческому существованию, осознающему свое отличие от научного мышления, а также рациональности и эмпиризма. Речь идет о создании так называемой «философии жизни» и смежных с этим направлением философских учений, акцентирующих внимание на тех иных сторонах человеческого опыта, которые замалчивались или отвергались просветительским духом воинствующего рационализма. Специфика понятия неопределенности в контексте двух указанных тенденций в философии и науке будет рассмотрена нами в следующих главах.

Таким образом, проведенный анализ историко-философского материала представленного периода позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, анализ употребления философами-классиками понятия «неопределенность» указывает на стихийный, обыденный характер использования данного понятия.

Во-вторых, исследование понятий «сомнение» и «интуиция» в истории философии и науки классического периода намечает те смыслы, которые позволяют нам говорить о применимости понятия «неопределенность» для описания данного историко-философского периода. Мы можем говорить об исторических предпосылках современного значения понятия «неопределенность».

Рассмотрение понятия неопределенности и смежных по смыслу понятий с точки зрения источника познания позволяет установить, что в онтологическом плане философы-классики пытались устранить неопределенность из картины мира. Исключение представляет собой средневековая апофатическая теология, отрицающая возможность формирования каких-либо определений относительно описания божественной сущности. Но и в данном случае речь идет лишь о

некотором элементе системы мира (пусть даже главном, первостепенном). В целом, можно говорить о том, что мир лишен неопределенности.

Неопределенность как субъективная характеристика находит свое проявление в творчестве А. Августина как констатирование наличия в индивидуальном сознании экзистенциальных, глубоко личных мотивов поведения.

В гносеологическом плане элементы неопределенности обнаруживаются уже в античном скептицизме как стремлении все подвергать сомнению, рефлексии. Возникнув в Античности, скептицизм продолжает играть позитивную роль в период эпохи Возрождения, подвергая сомнению догматические истины христианского вероучения и ориентируясь на принципы опытного естествознания.

Введенный Р. Декартом принцип разделения субъекта и объекта в процессе познания обращает внимание мыслителей на сложную структуру мыслящего «Я», приводя к заключению об ограниченности познаваемости мира объектов. Гносеологическая неопределенность в полной мере проявляется в теории познания И. Канта в тот момент, когда философ говорит об антиномиях - противоположных утверждениях, истинность которых доказуема в равной степени. С гносеологической точки зрения, это исключает из рационального познания процедуру выбора в пользу того или иного тезиса. Мы сталкиваемся с принципиальной неопределенностью познания.

Далее на примере современных научных и философских концепций мы обратимся к анализу современного значения понятия «неопределенность». Заметим, что достаточно распространенным является заявление, согласно которому неклассика не выработала «собственных средств для выявления позитивного философского смысла процессов, происходящих в современной

науке. Ей доступны только их негативные смыслы»⁶⁴. Мы же попытаемся обосновать, что понятие «неопределенность» обладает самостоятельным современным значением, а не является простым отрицанием классической «определенности».

⁶⁴ Пружинин Б. Неклассическая классика (о стиле эпистемологического мышления В. А. Лекторского) // Человек в мире знания. М., 2012. С. 20

2. Понятие «неопределенность» в неклассической науке и современных концепциях философии науки

В начале главы мы остановимся на обозначении некоторых умозаключений, которые, в силу их общего характера, не совсем укладываются в рамки обозначенных нами параграфов. Но и без особого внимания к этим положениям нам не удастся обойтись, поскольку они во многом определяют методологию диссертационного исследования.

В первую очередь обратим внимание на то, что в нашей работе понятие неопределенности в неклассической науке и неклассической философии анализируется отдельно (этим обстоятельством объясняется выделение отдельных глав), специальным образом. Это разделение неслучайно. Мы действительно разделяем эти две сферы, не сводя философское знание к научному, допуская существование в философии иных, ненаучных форм.

Вместе с тем, данная глава включает в себя рассмотрение некоторых концепций философского осмысления науки в контексте понятия неопределенности. Это объясняется тем, что объектом исследования данных концепций является научное познание в контексте его структуры, обоснования, роста.

В последнее время все чаще можно слышать о необходимости анализа научного знания, не только в аспекте достижения объективного знания, но и исходя из субъекта науки, личности ученого. О подобного рода преобразованиях в осмыслении человека науки, который является воплощением двух типов культур (научно-технической и гуманитарной), особо подчеркивают в своих работах В.Г. Торосян (идея, что «любой ученый... имплицитно выражает объективные потребности всей культуры»⁶⁵), Б.Г. Юдин («недоопределенность,

⁶⁵ Торосян В.Г. История науки как древо возможностей // Неизбежность нелинейного мира. М., 2012. С. 167

непредзаданность человеческой природы может восприниматься... как поле для реализации разного рода конструкторских замыслов»⁶⁶) и др.

Вместе с тем, наше исследование не предполагает отдельного рассмотрения понятия неопределенности в контексте разделения естественных и гуманитарных наук. Наша методология во многом определяется «археологическим» подходом М. Фуко, а точнее, его представлением об «эпистеме». Под эпистемой М. Фуко понимает «совокупности связей, которые могут объединить в данную эпоху дискурсивные практики, которые предоставляют место фигурам эпистемологии, наукам и любым возможным формализованным системам»⁶⁷. Другими словами, мы признаем существование некоторой совокупности условий, или исторических правил («дискурсивных практик») для выполнения высказывания, дающих возможность развития знания независимо от его конкретных особенностей. Таким образом, знание (мы рассматриваем научное знание) предстает как единое культурное, исторически изменчивое образование. Конечно, называя примеры использования понятия «неопределенность» в той или иной науке, мы обозначаем специфический характер исследуемого понятия в контексте конкретной науки. Однако выявление подобного рода специфики, исходя из противопоставления естественных и гуманитарных наук, не является целью нашего исследования. Диссертационное исследование придерживается заявленной еще во введении схемы рассмотрения понятия неопределенности в контексте субъект-объектного взаимодействия, которое и определяет стратегию исследования.

Специального осмысления требует также вопрос об исторической и содержательной обусловленности феномена неклассической науки. Сегодня специфика исторического развития науки в аспекте выделения различных этапов ее становления довольно часто становится предметом анализа. Наиболее

⁶⁶ Юдин Б.Г. В.С. Швырев об открытой рациональности // На пути к неклассической эпистемологии. - М., 2009. С. 65

⁶⁷ Фуко М. Археология знания. К., 1996. С.190

распространенной является концепция В.С. Степина, согласно которой выделяются классическая, неклассическая и постнеклассическая наука⁶⁸. Формирование идеалов и норм неклассической науки он связывает с третьей глобальной научной революцией, включающей в себя перемены в различных областях знания, например, в физике, химии и биологии.

В.А. Лекторский представляет историю научного знания сквозь призму классификации классическая – неклассическая эпистемология⁶⁹. Среди особенных черт неклассической эпистемологии В.А. Лекторский отмечает, прежде всего, включение элемента веры в сферу науки, представление о научном субъекте как продукте коммуникаций, отказ от наукоцентризма и прочее.

Мы полагаем, что неклассическая наука берет начало в 30-е годы XX века, и связана, в первую очередь, с открытиями в области квантовой механики, теории относительности и принципа дополнительности. В содержательном аспекте неклассическую науку отличает создание новой картины мира, наличие нового категориального аппарата науки, изменения в сфере практики, «в реальных отношениях человека с внешним миром»⁷⁰.

Наше исследование понятия неопределенности в контексте современных научных достижений носит «открытый» характер. Другими словами, решая поставленные задачи, мы не придерживаемся какой-либо конкретной философской школы или направления. Мы рассматриваем философские направления (имеющие отношение к исследуемому понятию) в их многообразии, не основываясь изначально на желаемом результате. Или как говорил П. Фейерабенд, «мы прекращаем пользоваться ассоциированной с ними методологией, начинаем разрабатывать науку иными способами и смотрим, что из

⁶⁸ См. об этом, например, Степин В.С. Теоретическое знание. М., 1999.

⁶⁹ См. об этом, например, Лекторский В.А. О классической и неклассической эпистемологии // На пути к неклассической эпистемологии. М., 2009. С. 7-24

⁷⁰ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность - две эпохи в развитии буржуазной философии. М., 1972 // URL: <http://www.psylib.org.ua/books/mamsosh/index.htm> (дата обращения: 23.09.2015)

этого получается»⁷¹. Мы допускаем, что в результате исследования возможно получение отрицательного результата по поставленной задаче, или же какая-то проблема окажется неразрешимой в рамках данного исследования.

2.1 Онтологическая неопределенность в науке

Онтологическая неопределенность сквозь призму обозначенной нами схемы исследования появляется лишь в одном случае – когда мы описываем некоторые свойства объекта. Наиболее известным примером онтологической неопределенности является неопределенность, открытая В. Гейзенбергом и понимаемая как отсутствие точности одновременно наблюдаемых величин (положения и скорости) в квантовой механике. Согласно копенгагенской интерпретации, квантовая механика описывает не микрообъекты сами по себе, а их свойства, проявляющиеся в макроусловиях, создающихся классическими измерительными приборами в процессе акта наблюдения. В данном параграфе мы обратимся к поиску первоначальных смыслов, которые закладывались учеными-естествоиспытателями в понятие неопределенности, и проследим, какое значение приобретает данное понятие в результате его распространения в другие области научного знания.

В первую очередь отметим, что использование понятия «неопределенность» для характеристики свойств объектов ведет к созданию такой картины мира, атрибутами которой выступают статистичность и вероятность: наши представления об объектах микромира носят сугубо вероятностный характер. В. Гейзенберг пишет об этом: «В экспериментах с атомными процессами мы имеем дело с вещами и фактами, которые столь же реальны, сколь реальны любые явления повседневной жизни. Но атомы или элементарные частицы реальны не в

⁷¹ Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М., 2007. С. 296

такой степени. Они образуют скорее мир тенденций или возможностей, чем мир вещей и фактов»⁷². Заметим, что по мере распространения понятия «неопределенность» в другие науки, такое «вероятностное» толкование неопределенности пользуется особой популярностью.

По мере использования понятия вероятности в науке, развиваются две его основные интерпретации. Это так называемая классическая вероятность, где учитывается соотношение числа благоприятствующих шансов к общему числу всех возможных вариантов развития ситуации, и статистическая, предполагающая наличие длительных наблюдений за массовыми событиями и определяющая возможность наступления того или иного сценария развития объекта. Наиболее распространенным в науке является статистический вид вероятности, который отождествляется некоторыми представителями естественных и общественных наук с понятием неопределенности. Рассмотрим такие примеры отождествления вероятности и неопределенности и выявим их основные достижения и недостатки.

Сегодня одним из приоритетных в естественных науках является исследование вероятностной неопределенности через призму понятия «моделирование»⁷³. Моделирование имеет важное познавательное значение, поскольку позволяет представить в наглядной форме познаваемые объекты или связи между частями объекта как целого. Следует обратить особое внимание на соотношение понятий «модель» и «моделируемый объект». Осуществление процесса моделирования возможно исключительно в результате установления соответствия между моделью и реальным объектом; только при наличии этого

⁷² Гейзенберг В. Физика и философия // URL: <http://lib.ru/FILOSOF/GEJZENBERG/physicsandphilosophy.txt> 9 (дата обращения: 25.04.2014)

⁷³ Гоменец О.М. Анализ неопределенности в вычислении критических нагрузок азота, серы и фосфора на различные экосистемы: Дис. канд. биол. наук. Самара, 1999; Новосельский К.И. Прогнозирование развития регионов в условиях неопределенности: Дис. канд. геогр. наук. Иркутск, 1990; Попов С.В. Механизмы поведения млекопитающих: роль стресса и неопределенности среды: Дис. док. биол. наук. М., 2011

допущения прием моделирования позволяет исследовать области реальности (которые мы наделяем собственными характеристиками).

Прием моделирования активно используется при анализе социальных процессов. В последнее время все большее количество работ посвящается исследованию неопределенности в экономике⁷⁴. Чаще всего неопределенность понимается как условие, принимаемое для составления более точного прогноза будущей экономической ситуации. В данном случае близким по содержанию выступает понятие риска⁷⁵. «Современные общества, - отмечает Г. Бехманн, - осовременивают свое будущее в качестве риска и тем самым находят собственный специфический способ обращения с неопределенностью, что отличает их от всех предшествующих обществ»⁷⁶. Задачи исследования неопределенности в экономических исследованиях зачастую сводятся к попыткам

⁷⁴ Ахапкин Ю.К. Интерпретация социально-гуманистической трансформации в условиях неопределенности: Дис. канд. соц. наук. М., 2008; Биджев И.А.-Г. Ситуации неопределенности как фактор российского политического процесса: Дис. канд. полит. наук. Ставрополь, 2009; Веселкова В.С. Определенность и неопределенность в социальном познании: Дис. канд. филос. наук. Саранск, 2006; Диев В.С. Принятие решений в условиях неопределенности: методологические аспекты: Дис. канд. филос. наук. М., 1991; Майнцер К. Перспективы современной науки и образования с точки зрения теории сложных систем // Экономические стратегии. – 2010. - №12. - С.84-93; Чередниченко И.А. Отношения собственности в условиях неопределенности социальной трансформации (социально-философский аспект): Дис. канд. филос. наук. Волгоград, 2006; Chance B.L., Rossman A.J. Investigating Statistical Concepts, Applications, and Methods // Available at: <http://www.rossmanchance.com/iscam/preface.pdf> (accessed: 23.01.2017); Freund J.E. Mathematical statistics. Prentice-Hall, 1971; Philosophy of Statistics // Stanford Encyclopedia of Philosophy // Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/statistics/> (accessed: 20.03.2018); Pluralism // Philosophy Pages. Encyclopædia Britannica // Available at: <http://www.philosophypages.com/dy/p5.htm> (accessed: 18.04.2018); Turner J. Logic and ontological pluralism. Journal of Philosophical Logic. 41 (2).

⁷⁵ Вихляева В.В., Попова С.В. Вероятность как инструмент поиска оптимального решения в условиях неопределенности // Современные наукоемкие технологии. 2014. №5. С. 146-148; Матюх Е.Т. «Неопределенность» общества как причина возникновения социальных рисков современности // Вестник СГУ. 2011. №72. С. 180-186; Орлова М.А. Терминология и классификация понятия «неопределенность» // Вестник ТГУ. 2010. Выпуск 7 (87). С. 43-46; Родионов В.Г. Технология моделирования динамики социально-экономических систем в условиях роста неопределенности // Вестник УГТУ-УПИ. 2008. №5. С. 105-115

⁷⁶ Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М., 2010. С. 75

расчета степени неопределенности: «Для оценки риска сначала необходимо «измерить» неопределенность, возникающую в результате принятия решений субъектом, т.е. определить и дать количественную характеристику вероятности возможных событий»⁷⁷. Таким образом, в экономике неопределенность используется для характеристики ситуации нестабильности, когда прогностические суждения носят сугубо вероятностный характер.

Некоторые работы в области технических наук зачастую используют понятие неопределенности для оценки ожидаемого риска, исходя из используемых данных, методов и моделей. Так в статье Е.Ю. Куликовой отмечается: «Анализ неопределенностей предусматривает определение изменений и неточностей в результатах моделирования, которые являются следствием отклонения параметров и предположений, применяемых при построении модели»⁷⁸. Поскольку неопределенность является неким параметром, который характеризует модель, то это означает, что ее можно увеличить или уменьшить, другими словами, исчислить.

Однако попытка Е.Ю. Куликовой увязать понятие «неопределенность» с тем обстоятельством, что научное знание имеет дело исключительно с моделируемым объектом, является, с нашей точки зрения, не совсем удачной. Конечно, прием моделирования довольно часто встречается в современных научных исследованиях при описании не только природных, но и социальных, технологических и других систем. Этот прием предполагает возможность отвлечения от частных и упрощением описания связей в сложных системах. Однако заявление о том, что естествознание изучает только модели, а не

⁷⁷ Диев В.С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 86

⁷⁸ Куликова Е.Ю. Понятие «неопределенность» и прогнозирование оптимального вектора развития природно-технической геосистемы // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2006. № 6. С. 14

действительность, реальность, вряд ли будет поддержано философами и естествоиспытателями.

Во всяком случае, следует признать, что объектом естествознания зачастую выступает не реальность, а идеализированные объекты. В определенной мере эти идеализированные объекты можно считать моделями. Другими словами, опытное, экспериментальное естествознание работает с реальными объектами, а также использует приборы, фиксирующие определенные состояния реальных объектов. В случае построения теоретической модели используются объекты, мыслимые исключительно в понятиях, то есть идеализированные объекты.

Некоторые современные работы в области философии математики также стремятся распространить понятие неопределенности на анализ онтологического статуса математических объектов⁷⁹. Например, указанная статья посвящена важной онтологической проблеме – выяснению отношения математики к миру реальных объектов; сложность и неоднозначность решения данного вопроса философами математики позволяет автору статьи использовать понятие «неопределенность».

Обзор современных исследований понятия неопределенности демонстрирует, что примеров его использования в науке, действительно, очень много. Однако довольно часто исследователи используют это понятие стихийно. Показательно замечание С.М. Сучковой: «Неопределенность и раньше была элементом познания, однако в классических системах рассматривалась как специфический, нетипичный, экстремальный феномен, связанный либо с неполнотой математического и физического описания, либо с особенностями восприятия познающего субъекта»⁸⁰. В качестве принципа неопределенность стала использоваться после становления квантовой механики. Современное

⁷⁹ Например, Михайлова Н.В. Онтологическая неопределенность философии современной математики // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Т.10, вып. 2. С. 29-35

⁸⁰ Сучкова С.М. Феномен научной неопределенности (эпистемологический и парадигмальный аспекты): Автореф. дис. канд. филос. наук. Саратов, 2006. С. 1

использование понятия неопределенности для характеристики объектов макро- и мегасистем, «поставили перед современной эпистемологией задачу примирить традиционную методологию исследования с непредсказуемостью поведения изучаемых объектов»⁸¹.

Не следует путать понятие неопределенности как таковое и причины, ведущие к неопределенности. А.А. Тягунов среди причин, позволяющих использовать понятие «неопределенность» называет следующие: стихийность, случайность явлений окружающей действительности (1); другие участники, интересы, их столкновение (2); неполнота знаний о процессе, явлении, по отношению к которым принимается решение (3); в современной экономике источник неопределенности – развивающаяся система индустриальных технологий, определяемая научно-техническим прогрессом (4); творчество как неповторимое, оригинальное, уникальное (5)⁸². Анализ использования понятия неопределенности в естествознании, обществознании и экономике показывает, что так называемая вероятностная неопределенность может вызываться любой из перечисленных причин. Однако заголовок статьи Н.В. Михайловой – пример ошибочного отождествления причины, вызывающей неопределенность, и самого понятия неопределенности. В данной работе было бы уместнее использовать понятия: «проблема», «статус», «предмет исследования».

Анализируя неопределенность в контексте построения моделей, мы упомянули, что современное естествознание при формулировке теории может использовать идеализированные объекты, а на практике эксперимент всегда опосредован прибором. Рассмотрим эти два обстоятельства более детально с точки зрения понятия неопределенности.

⁸¹ Сучкова С.М. Феномен научной неопределенности (эпистемологический и парадигмальный аспекты): Автореф. дис. канд. филос. наук. Саратов, 2006. С. 1

⁸² См. об этом: Тягунов А.А. Философский анализ ситуации риска, случайности и неопределенности: Дис. док. филос. наук. Тверь, 1999

В неклассической физике вследствие невозможности наблюдения за объектами микромира, наблюдение за реальными физическими явлениями заменяется описанием поведения идеализированных объектов; физический эксперимент заменяется мыслительным экспериментом. Это так называемый косвенный эксперимент, который основывается на допущении о наличии некоторой связи между ненаблюдаемыми объектами и наблюдаемыми их свойствами в результате взаимодействия исследуемого объекта с другими объектами. «Фундаментальное отличие анализа явлений в классической и в квантовой физике состоит, однако, в том, - отмечает Н. Бор, - что в первом случае взаимодействием между объектами и измерительными приборами можно пренебречь (или же его можно компенсировать), тогда как во втором случае это взаимодействие составляет существенную часть явлений»⁸³. Для неклассической науки характерно все большее увеличение количества косвенных экспериментов в связи с усовершенствованием приборов, когда ученый фиксирует результат взаимодействия объекта исследования с прибором.

Таким образом, взаимодействие объектов микромира и измерительных приборов становится неотделимой частью познания атомных объектов. «Поэтому при прогнозировании квантовомеханических процессов можно говорить только о вероятности их наступления, но не о естественно необходимой достоверности. – Отмечает Ф. Гернек. - Все положения теории атома имеют вероятностный характер. Все законы атомной физики являются вероятностными законами»⁸⁴.

Проблему сопоставления реальных и идеализированных объектов рассматривает А.Л. Никифоров: «В основе распространенного понимания научного знания лежит представление о том, что теоретические термины научных теорий непосредственно описывают идеальные объекты, которые не существуют

⁸³ Бор Н. Единство знаний // URL: http://old.pskgu.ru/ebooks/bor_nils_06.html (дата обращения: 12.03.2017)

⁸⁴ Гернек Ф. Пионеры атомного века // URL: <http://n-t.ru/ri/> (дата обращения: 20.04.2014)

в реальности и являются абстракциями или идеализациями по отношению к реально существующим вещам и явлениям. Эти абстрактные объекты лишь косвенно могут быть связаны с реальностью»⁸⁵.

В.А. Лекторский рассматривает проблему сопоставления реальных и идеализированных объектов, анализируя подходы реализма, антиреализма и конструктивизма в современной науке: «Именно наличие определенной онтологической рамки — она может быть естественно и стихийно принята, если речь идет об обычном опыте, и специально сконструирована, если мы имеем дело с научным познанием — т.е. принятие существования определенного типа объектов с их свойствами и отношениями между ними, дает возможность критического отношения к существующему опыту и поиску нового типа опыта, в котором можно было бы эмпирически наблюдать иные свойства того же объекта»⁸⁶. В.А. Лекторский выступает против идеи о том, что наука имеет дело исключительно с теориями и входящими в нее идеализированными объектами, объясняя это тем, что ненаблюдаемые объекты и объекты идеализированные не есть одно и то же. Статья В.Г. Сидорова и А.Г. Сидорова представляет собой попытку решения вопроса о наблюдаемости объектов микромира, поставленную В.А. Лекторским: авторы полагают, что необходимо принципиально различать процедуры наблюдения и измерения, «и если наблюдение в гносеологическом отношении можно рассматривать как отражение объекта субъектом, то измерение предстает как отражение объектом субъекта, поскольку количественные характеристики исследуемого объекта выявляются путем сопоставления его с единицами измерения, т.е. через отношения, в которые он должен вступить «по

⁸⁵ Никифоров А.Л. Наука и ее роль в развитии человечества // Наука и социальная картина мира. М., 2014. С. 337

⁸⁶ Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Человек в мире знания. М., 2012. С. 431

воле» субъекта»⁸⁷. Этим объясняется противоречивость, изначально характеризующая эксперимент: его описание может проводиться как на «языке наблюдений», так и «языке измерений» (Сидоров В.Г., Сидоров А.Г.), «идеализированных объектов» (Лекторский В.А.).

Именно выделение особого статуса измерения в процессе проведения эксперимента в квантовой механике позволяет выявить смысл возникающей в этих обстоятельствах неопределенности: «Наблюдение за квантовым объектом опосредовано прибором как средством наблюдения, позволяющим констатировать качественную определенность его состояния в виде пространственной локализации, постоянства импульса и т.п. Такая констатация означает создание внешних для микрообъектов условий, соответствующих целям и задачам эксперимента... Поэтому однозначно определенные макроскопические характеристики прибора, а ими выступают ширина дифракционной щели, разрешающая сила электронного микроскопа и другие, становятся одновременно и мерой неопределенности либо положения микрообъекта, либо его импульсного или энергетического состояния»⁸⁸. Как было отмечено выше, результат эксперимента носит статистический характер, выражается при помощи понятий «вероятность» и «соотношение неопределенностей».

Подводя итог проведенному исследованию значений понятия неопределенности с точки зрения его использования для характеристики объективного мира, отметим следующее.

Процедура моделирования, являющаяся одной из главных процедур теоретического познания в приведенных концепциях, накладывает отпечаток на понятие «неопределенность». Неопределенность здесь носит исключительно вероятностный характер.

⁸⁷ Сидоров В.Г., Сидоров А.Г. Эпистемологическое содержание основных положений квантовой теории // Неизбежность нелинейного мира. М., 2012. С. 194-195

⁸⁸ Там же. С. 197-198

По нашим представлениям, понятие онтологической неопределенности чаще всего используется в работах, посвященных естественнонаучным и экономическим проблемам. При этом, практически все они характеризуют неопределенность как невыявленную адекватность или неадекватность модели оригиналу. Довольно часто (особенно в последних работах) употребляется понятие риска как невыявленного несоответствия модели оригиналу. Основным недостатком этих работ мы усматриваем в том, что не выявлено основание, по которому оригинал определяется таковым. Это известная Юмовская проблема, однозначного решения которой до сих пор не найдено.

Мы называем эту неопределенность онтологической, т.к. в данном случае сравниваются две онтологические реальности: модельная и «настоящая». Однако при этом возникает еще один вопрос: насколько модельную реальность можно считать онтологической? Конечно, существует так называемое «физическое» моделирование, когда реальный процесс заменяется его физическим аналогом. Рискнем отметить, что перспективы выявления онтологической неопределенности в контексте понятия моделирования весьма туманны.

Кроме того, следует обратить особое внимание на тот факт, что в неклассической науке при изучении микрообъектов наблюдение за реальными физическими явлениями заменяются теоретическим осмыслением объектов. Это означает, что, по сути, научное знание ограничивается теорией, а следовательно, не может подтверждаться эмпирически. Другими словами, онтологическая неопределенность является исключительно научной неопределенностью. Понятие «неопределенность» возникает вследствие невозможности проведения реального (наблюдаемого) эксперимента над исследуемыми объектами, поэтому не может быть выведено за рамки теоретической науки. Таким образом, возможности для распространения в другие, вненаучные, сферы знания получает гносеологическая неопределенность, понимаемая как зависимость объективного мира от субъекта познания и принципиальная невозможность их разделения. Анализ научного

познания в понятиях «модель», «наблюдение», «идеализация» отсылает нас к необходимости исследования особой роли познающего субъекта.

Наконец, рассматриваемый в данном параграфе вопрос о взаимодействии между изучаемыми объектами и измерительными приборами приводит нас не только к проблеме сопоставления субъекта и объекта научного познания, но и особой роли условий, при которых осуществляется научное познание.

2.2 Неопределенность как условие взаимодействия субъекта и объекта научного познания

Неопределенность, выражающая второй из обозначенных нами феноменов – как условие взаимодействия субъекта и объекта научного познания – представляется более сложной для анализа. В полном смысле слова онтологической она не является, вместе с тем, и гносеологической ее назвать нельзя.

В предыдущем параграфе мы показали, что специфической чертой современного научного познания является постижение мира посредством моделирования и идеализации. Человек «смотрит в мир и видит повсюду в нем, как в зеркале, свое собственное лицо: картина мира в известной мере носит печать познающего его субъекта... То, что происходит в мире, и активность человека, познающего мир, неразделимы. Субъект и объект познания находятся в интерактивной связке, связке энаktivации (т.е., вдействования друг в друга)»⁸⁹. Философия науки знает примеры, близкие по своему содержанию описанной позиции относительно взаимосвязи субъекта и объекта. Например, теория автопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы, в частности, выступающая одной из

⁸⁹ Князева Е.Н. Удивительный мир нелинейности и сложности // Неизбежность нелинейного мира. М., 2012. С. 75

концепций более общего направления, именуемого эволюционной эпистемологией.

Эволюционная эпистемология утверждает: поскольку люди являются результатом эволюции, то их ментальные характеристики также определяются механизмами эволюционных процессов. Учитывая тему исследования, для нашего анализа наиболее интересной выступает концепция биоэпистемологии, которая использует представления об эволюции (как биологической, так и эволюции сознания) для анализа физических характеристик ментальных способностей людей, исходя, в первую очередь, из понятия адаптации. Теперь проследим, какое значение имеет понятие неопределенности в контексте данной концепции.

Теория, получившая название «Эволюционная теория познания», впервые разрабатывается К. Лоренцем и основывается на предположении об адаптации человеческого мышления к окружающей среде. Это открывает новые горизонты к познанию человеческого мышления: поскольку и воспринимающий субъект, и объект восприятия принадлежат одному типу реальности, то субъективная составляющая доступна для научного познания в такой же степени, как и окружающая его среда. Еще одно важное следствие данной теории: эволюция понимается как непрекращающийся процесс познания, поскольку адаптация предполагает восприимчивость субъекта некоторой информации о реальности. Познание оказывается зависимо от исторически меняющихся механизмов восприятия, разворачивающихся в процессе филогенеза.

Последователи К. Лоренца, в частности К. Хахалвег и К. Хукер, развивая идеи о зависимости когнитивных способностей человека от эволюции, обратили внимание на слабые места его теории. В первую очередь речь идет о принципиальном разделении субъективного опыта и физиологических процессов внутри человеческого организма. К. Лоренц утверждает автономное существование личного субъективного опыта, которое необъяснимо на языке биологии. Субъективный опыт внутренне связан и открыт для объективного

анализа аналогично изучению физиологических особенностей. Однако структура когнитивных особенностей человека такова, что наука не имеет возможности раскрыть ее сущность. Исторически возникнув благодаря наследованию накопленных навыков, когнитивный аппарат человека, приспособленный для оперирования культурной информацией, существует независимо от биологической эволюции. Биоэпистемология, развитая К. Лоренцем, «ничего не говорит об отношении онтогенеза знания к его филогенезу и о существенных особенностях знания в связи с взаимодействием организма и его окружающей среды»⁹⁰; сегодня концепция онтофилогенеза не оспаривается представителями естественных наук, а исследование комплекса психических явлений как системного объекта осуществляется посредством установления связи между биологическими и социальными факторами и человеческим сознанием.

Еще одной современной научной теорией, представляющей новое видение проблемы взаимодействия с окружающей средой познающего субъекта, является теория познания и концепция автопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы. Данная теория представляет собой новый этап становления эволюционной эпистемологии: взаимодействие живого организма с окружающей средой осуществляется посредством познавательных отношений. Понятие познания тесно связано с понятием автопоэзиса. Автопоэтическая система – это живая, познающая система, претерпевающая «непрерывные структурные изменения, при этом сохраняя паутинообразную организационную модель»⁹¹. Живая система устанавливает связь с окружающей средой посредством периодических актов взаимодействия, при которых происходят структурные изменения системы. Это и есть акты познания.

⁹⁰ Hahlweg K., Hooker C. A. Issues in Evolutionary Epistemology. Available at: <https://philpapers.org/rec/НАНПЕ> (accessed: 20.03.2018)

⁹¹ Capra F. The hidden connections // Available at: https://www.e-reading.club/bookreader.php/91865/Капра_-_Skrytye_svyazi.html (accessed: 23.01.2017)

С точки зрения гносеологии, теория автопоэзиса решает одну из основных проблем философии – соотношения разума и тела. Соотношение между разумом и телом аналогично установлению связи между процессом и структурой.

Представленный обзор концепций эволюционной эпистемологии позволяет обозначить характер неопределенности в системе представлений об эволюционном взаимодействии человека и окружающей среды. Современная философия науки полагает, что сегодня представления о познающем субъекте нужно реконструировать как «субъекта спонтанно осознающего нередуцируемую сложность самой природы и человека как органической составной части «внутри» эволюционирующего целого»⁹².

Такая позиция характерна, например, для Э. Морена. «Неопределенность означает незавершенность всякого процесса познавательной и практической деятельности, непредзаданность, открытость и нелинейность исхода этой деятельности. Всякое предпринимаемое нами действие определяется условиями окружающей природной и/ или социальной среды и может оказаться, что оно отклонится от того направления, которое было ему первоначально задано»⁹³. Поскольку среда, в которой осуществляется действие, и познающий субъект являются сложными системами, результат действия оказывается непредсказуемым и может характеризоваться как неопределенный.

Понятие окружающей среды приобретает особое значение не только в биологических концепциях, но и теориях, анализирующих общество. Так Н. Луман говорит о том, что «конкретные люди являются не частью общества, а частью его окружающей среды»⁹⁴. Исходя из этого тезиса, нет смысла утверждать, что общество состоит из «отношений» между людьми, более точное

⁹² Аршинов В.И. Синергетика: от нелинейности к сложности // Неизбежность нелинейного мира. М., 2012. С. 65

⁹³ Князева Е.Н. Удивительный мир нелинейности и сложности // Неизбежность нелинейного мира. М., 2012. С. 84

⁹⁴ Луман Н. Понятие общества // http://www.soc.pu.ru/materials/golovin/reader/luhmann/r_luhmann1.html (дата обращения: 12.07.2019)

выражение несет в себе понятие коммуникации. Дело в том, что привычные элементы общества (люди, индивидуальные сознания, общественные объекты и т.д.) должны быть представлены, с точки зрения Н. Лумана, коммуникативно. Анализ общества должен основываться на рассмотрении замкнутой последовательности соотносящихся друг с другом операций.

Концепция Н. Лумана отталкивается от важной для социологии проблемы: общество представляет собой «само себя толкующим», т.е. обнаруживает себя в предмете описания, превращается в «описание описания».

Теперь посмотрим, каким образом в современных концепциях связываются понятия «неопределенность», «язык» и «коммуникация».

Специальному анализу неопределенности в аспекте коммуникации посвящена статья О.Б. Соловьева: под неопределенностью понимается состояние непонимания как нарушения системы коммуникационного взаимодействия. Сложность выстраивания коммуникации напрямую зависит от того, что понимание как феномен находится «на границе между миром внешнего (экстериоризированного) и миром внутреннего (интериоризированного). Это точка проникновения мира внутреннего, субъективного в мир внешний, объективный. Но это также и точка обратного перехода, когда внешний мир становится внутренним, строится в феноменальном, символическом пространстве мыслящего «я». Первый переход осуществляется как объективация субъективного содержания мыслительной деятельности, второй – как идентификация субъекта с объективно данным ему культурой смысловым содержанием предметной деятельности и коммуникации»⁹⁵.

«Эффект неопределенности» возникает в ситуации нарушения коммуникативной связи между субъектами. Но вместе с тем, по мнению автора, неопределенность может быть преодолена в результате доступа субъекту

⁹⁵ Соловьев О.Б. Неопределенность: интенциональные и аспектуальные горизонты понимания // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2008. Т. 2, выпуск 1. С. 63

коммуникации социальных кодов, «социокультурного плана объективной предзаданности понимания индивидуальному человеческому сознанию и ментального плана субъективной интерпретации смысла»⁹⁶. Итак, неопределенность понимается в данном случае как нарушение коммуникации и результат непонимания.

Р.В. Шамолин отмечает, в нашем существовании «мы имеем дело с неопределенностью в двух случаях: когда фиксируем ее присутствие в попытках схватить неотчуждаемую суть собственной идентичности и когда, обращаясь к миру явлений, пытаемся удержать о нем стабильное представление. Неопределенность имманентна нам в качестве нашей субъективной природы и трансцендентна в качестве природы окружающего объективного мира, в который мы включены»⁹⁷. Это приводит нас к идее, что человека как единичного существа уже не существует, а доминирует лишь некая изначально заданная социальность. Однако и эта социальность не познаваема, поскольку существует посредством символов.

Здесь для нас открывается возможность рассмотреть понятие «неопределенность» в контексте понятия «интерсубъективность». В социальных науках интерсубъективность понимается как наличие взаимодействий, взятых в их символическом, прежде всего, языковом выражении. Исходя из анализа интеракций, или взаимодействий, распространенное в социологии и социальной психологии направление символического интеракционизма фиксирует сложность познания субъектом такого сложного объекта, как общество. Конструирование реальности осуществляется посредством непосредственного и символического взаимодействия (языкового общения), причем приоритет отдается символическому взаимодействию. Таким образом, в социальном взаимодействии

⁹⁶ Соловьев О.Б. Неопределенность: интенциональные и аспектуальные горизонты понимания // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2008. Т. 2, выпуск 1. С. 66

⁹⁷ Шамолин Р.В. Гуманизм и неопределенность субъективной идентичности // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2011. Т.5, выпуск 1. С.73-74

субъект имеет дело не с объектами, а с символами и интерпретациями посредством символов.

Однако следует признать активную роль языка в познавательном процессе, а в нем отражены все существующие типы общественных отношений. Это так называемая гипотеза Сепира-Уорфа, согласно которой наше мышление определяется структурой нашего языка, используемого в повседневной практике.

Согласно рассматриваемому направлению символического интеракционизма, социальность не укоренена в бытии, это не есть онтологическая категория, а существует исключительно посредством коммуникации. Вместе с тем, речевой акт не может отобразить субъективную сторону говорящего, а всегда, согласно гипотезе Сепира-Уорфа, бессознательно определяет мышление носителя данного языка.

Современная наука не отрицает влияния языка на субъективное мышление и восприятие. Однако следует признать, что язык не является единственным источником, формирующим человеческое мышление. Познание может осуществляться не только посредством языкового выражения, но и в форме практического действия, где особое значение отводится так называемым «неявным» компонентам знания. Известная концепция личностного знания, разработанная М. Полани, прекрасно это иллюстрирует. В данном случае отметим два ее положения.

Во-первых, изучение некоторых дисциплин основано на практической деятельности и производстве манипуляций. Это обстоятельство свидетельствует о том, что «в самом сердце науки существуют области практического знания, которые через формулировки передать невозможно»⁹⁸. Можно допустить, что то большое количество учебных часов, которое студенты химических, биологических и медицинских факультетов посвящают практическим занятиям,

⁹⁸ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Б., 1998. С. 89

демонстрирует важную роль, которую играет передача практических знаний и умений от учителя к ученику.

Во-вторых, освоение учебной дисциплины не ограничивается уяснением и запоминанием словесных высказываний, а включает в себя и постижение «немых интеллектуальных актов; ... артикуляция всегда остается неполной, ... наши словесные высказывания никогда не могут полностью заменить немых интеллектуальных актов»⁹⁹. Таким образом, формальное обучение вызывает в нас систему эмоциональных реакций, преобразовывающих полученное знание в свое, личностное.

Современная философия науки фиксирует существенные изменения в структуре познавательного действия; по словам В.С. Швырева, объектом познания «выступает уже не мир независимых от человека объектов, а познавательное отношение человека к миру, которое реализуется в сложных взаимодействиях различных позиций научных сообществ как коллективных субъектов, являющихся носителями отдельных парадигм и исследовательских программ»¹⁰⁰. Здесь мы отмечаем новый аспект исследования понятия неопределенности с точки зрения коллективного субъекта.

О неопределенности как понятию в системе субъект-объектных отношений мы будем говорить в смысле соотношения между желаемым знанием и наличным знанием. Попытки обнаружения такого рода неопределенности в науке приводят нас к рассмотрению ситуации, когда наличное, настоящее знание одного субъекта может быть соотнесено с наличным знанием другого субъекта, обладающего более глубокими и основательными знаниями о реальности. Например, учитель может и вправе посчитать знание ученика о реальности недостаточными. В случае убеждения в этом ученика, последний может характеризовать свои знания как

⁹⁹ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Б., 1998. С. 105, 128

¹⁰⁰ Швырев В.С. Мой путь в философии // На пути к неклассической эпистемологии. М., 2009. С. 233

неточные, неполные, неопределенные. Таким образом, здесь в наше изначальное субъект-объектное рассмотрение вводятся субъект-субъект-объектные отношения. И.А. Герасимова отмечает, что сегодня в научных исследованиях на первый план выходят «гуманитарные методологии организации коллективного мышления и действия, включающие как интеллектуальные, так и психологические, духовно-нравственные и эстетические аспекты»¹⁰¹.

Приведем другой пример. Ученый, обладающий определенной познавательной практикой и фиксирующий прогрессирующие шаги в познании реальности, может полагать, что его наличное знание должно характеризоваться им как неполное или неточное. Неопределенность используется здесь как характеристика уже прошедшего знания, которое, исходя из современного состояния, уже кажется таким. «Столь большая неопределенность, отмечает М. Полани, - в целях и устремлениях... присуща любому крупному научному исследованию. Эта неопределенность обусловлена тем, что власть над исследователем образа предвосхищаемой им реальности не является абсолютно жесткой»¹⁰². Отметим, что особая заслуга концепции М. Полани заключается не только в обосновании «явных» и «неявных» элементов «личностного знания», но и анализе такой особенности современной научной деятельности как интерсубъективность.

Таким образом, анализ понятия неопределенности в аспекте условий взаимодействия субъект-объектных отношений позволяет сделать следующие выводы.

Рассмотрение неопределенности в рамках представленных концепций такого направления в философии науки как эволюционная эпистемология позволяет говорить о возникновении ситуации неопределенности относительно

¹⁰¹ Герасимова И.А. Неопределенность в познании и в социальных практиках // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 17

¹⁰² Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Б., 1998. С. 316

эволюционного взаимодействия человека и окружающей среды. Поскольку среда, в которой осуществляется действие, и познающий субъект являются результатами эволюции, а человек как часть природы подвержен постоянным воздействиям среды, результат взаимодействия зачастую может характеризоваться как неопределенный.

Мы отметили новый аспект выявления неопределенности – систему субъект-субъект-объектных отношений, где ситуация неопределенности возникает в случае сопоставления наличного знания с желаемым.

Кроме того, анализ современных исследований неопределенности позволяет нам использовать понятие неопределенности в контексте установления коммуникативной связи между субъектами: неопределенность может означать «потерю» собственного «Я» в социуме, размывание границ собственной «самости» в ситуации доминирования социального (символический интеракционизм) или нарушение коммуникации.

В данном параграфе нами неоднократно отмечалось, что понятие неопределенности может возникнуть в результате анализа проблемы субъективного восприятия в науке. Теперь рассмотрим этот вопрос более подробно.

2.3 Субъективное восприятие в науке и неопределенность

В данном параграфе мы рассмотрим вопрос о соотношении понятий «неопределенность» и «субъективность» в научном творчестве, определим значение понятия «ценность» в данном соотношении, и обозначим, какие варианты сопоставления данных понятий предлагают неклассические концепции философии науки.

Как было показано нами ранее, представления об активной роли субъекта в познавательном процессе развиваются уже в трудах Дж. Беркли, Д. Юма, И.

Канта и других философов-классиков. В эпистемологию эта идея проникает благодаря направлению конструктивизма в математике. В.Ф. Петренко замечает, что конструктивизм в математике, в свою очередь, формируется благодаря теории относительности А. Эйнштейна и принципа дополнительности Н. Бора, которые представляются как «учитывающие позицию наблюдателя (исследователя и интерпретатора) и постулирующие возможность сосуществования и взаимодополнения альтернативных теорий и моделей»¹⁰³. Работы А.А. Маркова, Н.А. Шанина и других подчеркивают определяющую роль субъекта в конструировании математического объекта, а дедукция, считавшаяся ранее основным математическим методом, сбрасывается со счетов. По мнению Б.И. Пружинина и Т.Г. Щедриной, именно конструктивизм стимулировал в дальнейшем «становление таких философско-методологических направлений, как инструментализм, конвенциализм и пр.»¹⁰⁴. В дальнейшем мы воспользуемся предложенной Л. Лауданом в работе «Наука и ценности» классификацией философско-методологических концепций, но прежде более детально рассмотрим вопрос о соотношении понятий «субъективность» и «неопределенность».

Л. Лаудан в своей теории уделяет особое значение ценностному измерению науки, а также выступает против слепого следования социологизаторским и релятивистским концепциям. Подобное разделение ценности и субъективизма становится возможным благодаря преодолению традиционного понимания данных понятий. Дело в том, что в истории философии и науки на протяжении длительного времени формируется представление о субъективных элементах знания, в том числе ценностях, как неопределенностных, т.е. мешающих достижению объективной истины. Субъективность понимается как недостаток, от

¹⁰³ Петренко В.Ф. Конструктивизм в науках о человеке // Человек в мире знания. М, 2012. С. 484

¹⁰⁴ Пружинин Б. И., Щедрина Т.Г. Конструктивизм в контексте культурно-исторического подхода // Человек в мире знания. М., 2012. С. 489

которого необходимо избавиться в процессе познания, поскольку отождествляется с незнанием.

Данное представление основывается на допущении, что познание субъективного доступно только его носителю, воспринимающему (или чувствующему) субъекту. В этом смысле субъективное одного человека будет неопределенно для другого, закрыто для него, недостижаемо. Однако развитие психологии в XX веке и становление этой сферы знания в качестве научной, меняет отношение к познанию внутренней жизни человека. Впредь, основываясь на фактических данных, становится возможным объяснить поведение и мысли конкретного человека научным способом.

Т. Кун при решении вопроса о выборе теории не является сторонником релятивизма, в чем заключается обращенная против его концепции критика. На примерах из истории науки он демонстрирует, что субъективные факторы играют значительную роль в научной деятельности, а они, благодаря современным достижениям в области наук о человеке, не являются недоступными, закрытыми, неопределенными, а доступны объективному постижению: «Некоторые ученые более, чем другие, склонны рисковать, некоторые же предпочитают более широкие объединяющие теории точным и детальным решениям задач в относительно узкой области... С моей точки зрения, всякий отдельный выбор между конкурирующими теориями зависит от смеси объективных и субъективных факторов и критериев, разделяемых группой, и индивидуальных критериев»¹⁰⁵. Таким образом, говоря о возможности объективного постижения субъекта, преодолевается неопределенность в смысле незнания.

Концепция Л. Лаудана схожа с концепцией Т. Куна в плане утверждения зависимости деятельности ученого от научного сообщества. Однако Л. Лаудан

¹⁰⁵ Kuhn T. Objectivity, value judgment, and theory choice. Available at: <https://philpapers.org/rec/KUHOVJ> (accessed: 25.02.2018)

идет дальше и анализирует известные ему концепции философии науки с точки зрения достижения консенсуса или наличия диссенсуса при выборе теории.

Так консенсус характерен большей частью для естественных наук, так как «большая часть ученых, работающих в какой-либо области или подобласти естествознания, вообще говоря, обычно находится в согласии относительно подавляющего числа посылок своей дисциплины»¹⁰⁶. Такое согласие существует, например, среди химиков, единодушно принимающих теорию об атомной структуре, или же биологов, разделяющих представления об общих механизмах эволюции. Консенсус достигается и в смене старой парадигмы на новую, когда большинство членов научного сообщества принимает новую точку зрения на центральные вопросы изучаемой дисциплины. Роль консенсуса в научном творчестве отмечает и М. Полани: «Неявное согласие, интеллектуальная страстность, владение языком, наследование культуры, взаимное притяжение братьев по разуму – вот те импульсы, которые определяют наше виденье природы вещей и на которые мы опираемся, осваивая эти вещи»¹⁰⁷. Современная философия науки объединяет данные концепции под единым термином – конвенционализма.

В рамках исследуемого нами вопроса наиболее интересным является второй вид концепций, ставящих в центр внимания так называемый диссенсус. Напомним, что Л. Лаудан выступал против релятивистских концепций в философии науки, поэтому некоторые аспекты аргументации, которые, как принято считать, подорвали классическую точку зрения на консенсус (в частности, тезисы о несоизмеримости и недоопределенности теорий) осмысливаются им крайне скептически.

¹⁰⁶ Laudan L. Science and Values: The Aims of Science and Their Role in Scientific Debate. Available at: <https://philpapers.org/rec/LAUSAV> (accessed: 25.02.2018)

¹⁰⁷ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Б., 1998. С. 277

Л. Лаудан полагает, что в науке не одна парадигма сменяет другую, а смена научной парадигмы является результатом нескольких конкурирующих теорий. Вместе с тем, смену парадигм можно подвергать объективной оценке, поскольку ценности и нормы, лежащие в ее основе, подлежат рациональному объяснению. Теории оценивают по их способности решать проблемы, поэтому они могут сравниваться между собой. Таким образом, в философию науки вводится понятие ценности, ставящей под сомнение тезис о несоизмеримости теорий. Оценочные критерии, сформулированные научным сообществом, позволяют осуществить выбор одной теории в пользу другой. Свою концепцию роста научного знания Л. Лаудан противопоставляет двум основным позициям: первую можно обозначить как тезис Дюгема-Куайна, согласно которому эмпирический опыт не может служить основанием для доказательства или опровержения теории, второй связан с представлением о размытости, расплывчатости критериев выбора теории, недоступности их рациональному анализу. Главное, что объединяет эти концепции – признание принципиальной алогичности выбора одной теории в пользу другой.

Релятивистские концепции П. Дюгема и У. Куайна демонстрируют позицию о невозможности опровержения некоторого предложения теории, исходя из данных опыта. Данный тезис связан с еще одним утверждением – о недоопределенности теории опытом, подрывающим роль аналитических предложений в формировании теоретического знания. Ключевым в данной концепции является понятие относительности, которое означает как зависимость разрабатываемых научных представлений, или онтологии, от теории, интерпретацией которой она выступает, так и относительность некоторой исходной, наличествующей системы знания.

На наш взгляд, понятие «неопределенность» наиболее точно характеризует субъективное восприятие в рамках данных концепций. Наиболее четко понятие неопределенности прослеживается при анализе процедуры перевода с одного языка на другой, которая проявляется как непреодолимые препятствия к

познанию смысловых эквивалентов переводимых слов. «В своей системе рассуждений Куайн справедливо отрицает “абсолютную онтологию” знания, - отмечает Л.А. Микешина, - подчеркивая тем самым проблематичность и трудности выделения объекта теории в условиях разных способов референции, регресса к языку, предпосылкам, интерпретации»¹⁰⁸. А поскольку онтология как некая система теоретических утверждений открыта для интерпретации, или другими словами, перевода, ее условность, степень неопределенности возрастает.

Поскольку У. Куайн отрицает влияние эмпирических данных на формирование теоретических утверждений, наука становится деятельностью, регулируемой исключительно внутренними стремлениями субъекта. Представления о науке как продукте свободного творчества, внимание к моральным характеристикам ученых, их личностным пристрастиям в выборе теории анализируется в статье Л.А. Марковой: «Страсти и интересы, тщеславие и пристрастие к собственной системе, слишком строгое отношение к системе других – все это затемняет здравый смысл»¹⁰⁹. Заключение такого рода мы можем обнаружить в трудах Т. Куна, к анализу концепции которого мы уже обращались выше.

На наш взгляд, ошибочно причислять Т. Куна к крайним релятивистам, поскольку, как мы показали ранее, субъективность в его концепции не ограничивается исключительно сферой эмоций, пристрастий и интересов. Он разрабатывает теорию, согласно которой наука представляет деятельность, регулируемую нормами научного сообщества. Отсюда новое понимание научного знания как «парадигмы», понимаемой как «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки

¹⁰⁸ Микешина Л.А. Способы представления онтологии в теоретическом и эмпирическом гуманитарном знании // Человек в мире знания. М., 2012. С. 455

¹⁰⁹ Маркова Л.А. Специфика социального характера неклассической науки // Наука и социальная картина мира. М., 2014. С. 356

проблем и их решений научному сообществу»¹¹⁰. Основываясь на анализе подобных аспектов бытия науки, возможно построить объективный анализ субъективного творчества.

Подводя промежуточный итог, отметим, что в анализируемых концепциях философии науки неопределенность появляется в ситуации невозможности объективного постижения, научного анализа субъективных сторон научного творчества. Данную позицию можно выразить словами Дж. Агасси: «Не имеет значения, что по мнению ученого является истинным, главное – что он считает важным и интересным, чему он отдает должное, что для него ценно»¹¹¹. Более убедительна позиция Л. Лаудана: «В философии науки раздавались голоса, утверждающие, что разногласие в целях, особенно познавательных целях, просто недоступны рациональному разрешению..., что восприятие (или изменение) базовых познавательных целей – такое субъективное и эмоциональное дело, по которому невозможны рациональные прения»¹¹².

Мы, в свою очередь полагаем, что исследование понятия неопределенности в аспекте отождествления его с субъективностью, выражающейся посредством понятия «ценность» не является перспективным. Это демонстрируют современные исследования в области психологии, исключая понятие неопределенность в смысле незнания, невозможности постижения субъективного мира. Современная психология открывает новые горизонты понятия «неопределенность».

Обзор возможных причин, ведущих к возникновению ситуации, которую мы можем характеризовать посредством понятия «неопределенность» предлагает

¹¹⁰ Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. The University of Chicago press, Chicago. 1978. P. 10

¹¹¹ Дж. Агасси Революции в науке – отдельные события или перманентные процессы? // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М., 1994. С. 97

¹¹² Laudan L. Science and Values: The Aims of Science and Their Role in Scientific Debate. Available at: <https://philpapers.org/rec/LAUSAV> (accessed: 25.02.2018)

Е.Ю. Лихачева: психологическое переживание в предельных, кризисных ситуациях, «ситуация, в которой происходит смена социальных позиций, ведущая за собой перестройку мотивационно-смысловой сферы; как потеря или кризис идентичности; как условие задачи, требующей решения, недостаток или избыток информации об альтернативах принятия решения и действия в психологии принятия решения»¹¹³.

Современные представления о неопределенности формируются психологами на основе уже разработанных концепций в истории психологии, в частности концепции А.Н. Леонтьева о возникновении психики как формирования целостного образа мира, устраняющего любого рода неопределенность. Л.М. Веккер¹¹⁴, автор теории психических процессов, описывает формирование психического образа посредством снятия неопределенности. Обзор данной концепции приводит О.Н. Первушина: «Сравнительный анализ эмпирических характеристик понятийного и допонятийного мышления показывает, что в основе допонятийного мышления лежит большой уровень неопределенности, нежели в основании понятийного мышления. Наиболее очевидным объяснением этого является нечувствительность ребенка к неопределенности, к противоречивости. Источником процесса мышления является осознание непонятного, попытка определения области неопределенности, неясности, неизвестности»¹¹⁵. Таким образом, онтогенетически психика человека устроена таким образом, что он стремится устранить неопределенность, иметь достаточную долю уверенности, стабильности, пытается

¹¹³ Лихачева Е.Ю. Смыслообразование как механизм преодоления неопределенности (на материале имитационных игр) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2010. №3. С. 23

¹¹⁴ Напр., Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М, 1998

¹¹⁵ Первушина О.Н. Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2007. Том 1, выпуск 1. С. 12

найти логичное объяснение происходящим процессам и принимать осознанные решения.

Основываясь на научно-психологической литературе, можно заявить, что ситуацию, которую можно классифицировать как неопределенностную, невозможно свести к ситуации выбора: «В случае столкновения с неопределенностью состояние человека иное: он встречается с чем-то новым, неизвестным, неожиданным и не имеет возможных вариантов решения и поведения – эти варианты необходимо сначала породить, изобрести, а затем уже анализировать, взвешивать, выбирать»¹¹⁶. Так американские психологи П. Клэмпитт и М. Уилльямс обозначают термином *uncertainty* ситуации, не содержащие никаких альтернатив, а для ситуаций, в которых наличествуют несколько альтернатив, используют термин *ambiguity*¹¹⁷. С этой точки зрения, ситуация неопределенности понимается как неструктурированная, не предполагающая наличие веера возможностей, ориентиров, направляющих поведение человека.

Таким образом, с точки зрения современной психологии, неопределенность формирует некое отношение, установку к познанию образа мира, принятие его изменчивости, нестабильности. Неопределенность связана с принятием субъектом принципиально нового, необычного, неподдающегося осмыслению в рамках заданной парадигмы.

С точки зрения эпистемологии, мы можем отметить новый аспект исследования неопределенности. В естествознании фиксация научных знаний происходит в следующих понятиях: научный факт, научная проблема, научная гипотеза, научная теория, научный концепт. Если рассматривать ситуацию

¹¹⁶ Первушина О.Н. Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2007. Том 1, выпуск 1. С. 12

¹¹⁷ Clappitt P. G., Williams M. L. Managing, organizational uncertainty: Conceptualization and measurement. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/f842/82134eb278afbfc9c5e0c9fa69667e814680.pdf> (accessed: 23.01.2017)

научного поиска как процедуру постановки и разрешения проблемы, то легко увидеть, что почти все перечисленные понятия используются для характеристики знания на стадии решения проблемы. В рамках гипотетико-дедуктивной модели факт служит для выбора истинной теории; проблема и гипотеза служат для приращения наличного теоретического знания. Нет ни одного понятия, которое характеризовало бы допроблемную стадию научного поиска. Для этого может использоваться понятие «интуиция», но его содержание и смысл мало известен, несмотря, например, на работы М. Полани и других, так или иначе затрагивающих понятие неопределенности. Нам представляется, что понятие неопределенности может в достаточно определенной мере выразить состояние знания субъекта на этом этапе.

В своей концепции личностного знания, М. Полани замечает, что ситуация, во время которой нечто провозглашается проблемой, полностью зависит от выбора исследователя: «Нечто может быть проблемой только в том случае, если это нечто кого-то озадачивает и беспокоит, а открытием – если снимет кого-нибудь бремя проблемы»¹¹⁸. Следует заметить, что М. Полани не указывает на понятие, при помощи которого можно было бы характеризовать допроблемную стадию научного поиска. С нашей точки зрения, наиболее уместным является здесь использование понятия «неопределенность».

Согласимся с мнением Б.И. Пружинина о том, что зачастую именно философское исследование направлено на выявление проблемы; первоочередной задачей философии становится выявление феноменов, «отклоняющихся от образцов, воспринимавшихся в определенное время и в определенной области культурной деятельности как ее сущностное выражение»¹¹⁹. Кстати, именно деятельность философа представляется М. Полани наиболее свободной от

¹¹⁸ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С.179

¹¹⁹ Пружинин Б.И. Рациональность как проблема: Владимир Швырев между классикой и неклассикой // На пути к неклассической эпистемологии. М., 2009. С.51

недостатков формализации и строгости в употреблении слов. Философия представляет собой систему личных суждений философа, где имеет место личная сопричастность философа к значению его текстов.

Близким к понятию неопределенности выступает в данном случае понятие интуиции. Склоняться в пользу той или иной теории – это значит «установить определенную концепцию правомочности, которой мы облачаем всякий основанный на нашем внутреннем доверии выбор, совершаемый в определенное время как выбор взвешенный и неизбежный, как наилучший из тех, на который способна личность»¹²⁰.

Наиболее очевидным образом вера ученого проявляется в момент открытия, озарения, или «логического разрыва», который характеризуется прерыванием цепи логических умозаключений и скачком к новому знанию. Данная ситуация не может быть описана, поскольку переживается экзистенциально, но известно, что представляет собой результат продолжительной умственной напряженности и неизбежно влечет большой эмоциональный подъем ученого. Интересны рассуждения Б. Рассела по этому поводу: «Каждый, кто занимался каким-либо видом творческого труда, находился в большей или меньшей степени в таком состоянии духа, когда после продолжительного труда истина или прекрасное представляется или кажется, что представляется, во внезапном озарении. ... Такое переживание бывает в эти моменты очень убедительным; сомнение может возникнуть позже, но в указанные моменты бывает чувство полной уверенности. Я думаю, что большинство самых творческих произведений в области искусства, науки, литературы и философии является результатом таких моментов»¹²¹.

Заметим, что в философии науки наиболее адекватным становится использование понятия «неопределенность» для характеристики допроблемной

¹²⁰ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Б., 1998. С.324

¹²¹ Рассел Б. История западного мышления и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. М., 2009. С. 163

стадии научного поиска, характеризующейся невозможностью точного описания процедуры постановки проблемы. Однако весьма распространенной ошибкой является попытка использования понятия неопределенности для характеристики исключительно стадии решения проблемы.

Мы же полагаем, что после того, как проблема или задача сформулированы, неопределенность, если она и присутствует в научном поиске, сводится лишь к проблеме выбора решения задачи, т.е. сводится к уже известной нам вероятностной неопределенности.

Подводя итог данному параграфу, подчеркнем следующее.

Традиционное понятие ценности тяготеет к субъективности, т.е. неопределенности. Однако современная психология демонстрирует, что ценность как субъективная характеристика доступна для объективного познания. С точки зрения современной психологии, неопределенность формирует некое отношение, установку к познанию образа мира, принятие его изменчивости, нестабильности. Неопределенность связана с принятием субъектом принципиально нового, необычного, неподдающегося осмыслению в рамках заданной парадигмы.

Переводя данные утверждения в плоскость эпистемологии, можно утверждать, что наиболее адекватным становится использование данного понятия для характеристики допроблемной стадии научного поиска, характеризующейся невозможностью точного описания процедуры постановки проблемы.

2.4 Научная неопределенность в аспекте соотношения новых знаний с наличным знанием

Наука, являясь одной из форм выражения познавательной деятельности, побуждается к функционированию посредством вопросов и ответов, вопрошания. Вопрошание в широком смысле можно понимать как наличие пустоты,

неопределенности в знании, нацеленного на преодоление этого состояния, а также выражение неточности и неполноты наличного знания.

Таким образом, вопрошание возникает в ситуации, когда исследователь не находит должного объяснения объективной ситуации в рамках уже имеющегося, наличного знания. Специфика науки заключается в том, что сталкиваясь подобно рода познавательной ситуацией, она стремится выйти из этого состояния, преодолеть его. Это, в свою очередь определяет практику поведения субъекта науки. Здесь можно выделить две возможных линии поведения исследователя.

Первая предполагает включение элемента нового знания в уже имеющееся знание, что может привести, в свою очередь, к трансформации наличного знания.

В одном из предыдущих параграфов мы уже описали, каким образом открытия квантовой механики изменили онтологические представления о реальности. Однако эти открытия привели к трансформации не только знаний о свойствах физических объектов. Возникла необходимость обращения познающему субъекту, определения его роли в исследовании. В первую очередь, внимание физиков привлекают особенности понятийного аппарата, который они используют в ходе описания наблюдаемых явлений.

В работе «Физика и философия» В. Гейзенберг подвергает специальному анализу использование понятий классической физики для описания квантовых явлений. Задаваясь вопросом о специфике соотношений между различными «системами понятий», известный физик приходит к выводу, что сегодня некоторые явления в физике могут быть осмыслены исключительно с помощью новых понятий. В перспективе эти новые понятия (по подобию понятий классического естествознания) могут образовать новую замкнутую систему, выраженную при помощи математических символов.

В данном контексте иначе решается вопрос об истинности той или иной теории. Основываясь на экспериментальных данных, полученных в процессе наблюдения за явлениями физической реальности, ученый-экспериментатор

обращается к наличествующей системе понятий. Находясь в этой системе, понятия наделяются определенным смыслом. «Фактически это происходит в том случае, если понятия становятся частью системы аксиом и определений, которые непротиворечиво устанавливаются математически», - уточняет В. Гейзенберг¹²². Однако открытие новых характеристик физической реальности, базирующихся на основе новых экспериментальных данных, приводит физиков к идее о возможном переходе к иной системе понятий, адекватной новому состоянию науки. Критический анализ классических понятий приводит к пересмотру смыслов понятий классической физики.

Однако о разрушении системы понятий классического естествознания в строгом смысле слова говорить не приходится. Скорее, ученые осознают ограниченность их использования. Речь идет о том, что физики употребляют классические понятия «несколько неточным образом, соответствующим соотношению неопределенностей, попеременно употребляя различные классические понятия. Если бы эти понятия использовались одновременно, то это привело бы к противоречиям»¹²³. С другой стороны, характеризуя реальность, которая обладает чертами неопределенности и вероятности, сами понятия «приобретают в отношении реальности тот же самый статистический смысл»¹²⁴. В данном случае уместно говорить о наличии гносеологического смысла понятия «неопределенность», который заключается в том, что старые понятия не совсем точно описывают природные явления.

Н. Бор связывает подобную «неточность» в описании новых явлений понятиями старой теории с тем, что «всякое новое знание является нам в оболочке старых понятий, приспособленной для объяснения прежнего опыта, и что всякая такая оболочка может оказаться слишком узкой для того, чтобы

¹²² Гейзенберг В. Физика и философия // URL: <http://lib.ru/FILOSOF/GEJZENBERG/physicsandphilosophy.txt> 9 (дата обращения: 25.04.2014)

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

включить в себя новый опыт»¹²⁵. Получается, что проблема описания опытных фактов может быть устранена только в случае расширения прежней системы понятий.

Значение гносеологических выводов в осмыслении квантовой механики заключается, кроме прочего, в том, что они указывают на подобные ситуации, возникающие при описании и объяснении данных в других научных областях. Так, например, Е.В. Ковешников и В.Н. Савченко демонстрируют, что гносеологическая неопределенность характерна не только для физики, но и для других естественных наук, в частности, современной биологии и химии. Наличие таких дискуссионных на сегодняшний день естественнонаучных вопросов, как возникновение жизни (или более обще – разграничение понятий живого и неживого), установление точных характеристик химического элемента, химической связи и вещества можно считать причиной, позволяющей говорить о возникновении неопределенности в этих, на первый взгляд, «устойчивых» науках. По мнению авторов статьи, поиск ответов на данные вопросы возможен вполне в «духе» концепции Н. Бора: «Исследования и открытия в физике и химии могут помочь в разрешении некоторых неразгаданных вопросов биологии, а наблюдения за живыми системами смогут натолкнуть ученых на путь открытия в физико-химической области»¹²⁶, другими словами, необходим междисциплинарный подход, обеспечивающий «единство знания».

Проблема соотношения старых и новых понятий рассматривается некоторыми исследователями в аспекте анализа социологических понятий. С.Б. Быстрянец отмечает: «Научное наблюдение за социальной реальностью есть лишь ряд логически увязанных последовательностей, а все, выделяющееся в общественном континууме, имеет неясные, неопределенные границы... В

¹²⁵ Бор Н. Единство знаний // URL: http://old.pskgu.ru/ebooks/bor_nils_06.html (дата обращения: 12.03.2017)

¹²⁶ Ковешников Е.В., Савченко В.Н. Неполнота и неопределенность основных понятий в естественных науках // Вестник ТГЭУ. 2010. № 3. С. 113

описании социальной реальности границы терминов проводятся условно»¹²⁷. По мнению автора статьи, специфика соотношения старых и новых понятий в социологии заключается в том, что границы понятий устанавливаются в связи с решением некоторой задачи исследователя, его субъективным обозначением цели исследования социального объекта. Если посмотреть на данную проблему в контексте концепции единства знаний, то рассуждения автора статьи наталкивают нас на мысль о необходимости более внимательного анализа субъект-объектного взаимодействия, а также отказе от классических требований объяснения явлений опыта.

Теперь вернемся к исследованию проблемы, обозначенной нами вначале параграфа, - вопрошание в науке.

Второй вариант развития ситуации в случае столкновения нового с наличным знанием может демонстрировать нежелание исследователя каким-либо образом изменить существующее знание. Описанием подобного рода научных практик занимался Т. Кун. Он акцентировал внимание на том, что наука не занимается исключительно собиранием достоверных фактов мира, она является продуктом деятельности научного сообщества, преследующего сугубо свои цели.

Философы науки отмечают, что с возникновением ситуации в науке, когда неясно, куда должен быть определен «инородный» для существующей системы знания элемент, ключевую роль играет процесс решения проблемы, формулировка ответа-утверждения на поставленный вопрос. Другими словами, если возникает вопрос – необходим ответ на него. Вместе с тем, из поля внимания исключается процесс постановки вопроса. Возможно, дело в том, что научное знание, стремящееся к доказательности и неоспоримости фактов, тяготеет к своей завершенности, устойчивости. С точки зрения Т. Куна, действуя в рамках заданной парадигмы, ученый не будет сознательно подрывать систему знания, в

¹²⁷ Быстрянец С.Б. Методологическая неопределенность социологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18 (156). С. 100

рамках которой он осуществляет свою научную деятельность, искать ее слабые места или задавать вопросы, которые негативно повлияют на сложившееся знание. Особая роль отводится традиции, психологии ученого, социальной обстановке. Отсюда новое представление о научном знании как «парадигме».

Вопросам в данной ситуации отводится вспомогательная роль инструмента. Задавшись вопросом, ученый стремится избавиться от него, либо сформулировав ответ, либо устранив сам вопрос.

Однако такое положение дел готовы принять далеко не все мыслители, анализирующие ситуацию в современной науке. Например, П. Фейерабенд, известный благодаря лозунгу «Все дозволено!», пропагандировал принцип плюрализма, в соответствии с которым должны создаваться и разрабатываться теории, зачастую несовместимые с установленной парадигмой, а также изобилующие противоречиями и гипотезами *ad hoc*. Л. Лаудан характеризует данную позицию следующим образом: «Согласно фейерабендовскому взгляду на вещи, нежелательно, чтобы ученые когда-либо о чем-либо достигали консенсуса. Его идеал науки – разновидность бесконечного вопрошания об основах, вопрошания, ассоциирующегося с досократовской философией. Ничто не берется как данное, все может быть подвергнуто разумному отрицанию и утверждению»¹²⁸.

Следует заметить, что вопрошание включает не только рациональный аспект, но и внерациональный, интуитивный компонент. На это обращает внимание А.И. Скоблик: «Научные понятия есть свободные творения человеческого духа, они не являются абстракциями, полученными из опытов, т.е. логическим путем (это подтверждает и общая теория относительности). Эта связь чисто интуитивная, а не логическая; система понятий – это творение человека. Теория не открывают, а изобретают, и здесь только интуиция может указать

¹²⁸ Laudan L. *Science and Values: The Aims of Science and Their Role in Scientific Debate*. Available at: <https://philpapers.org/rec/LAUSAV> (accessed: 25.02.2018)

путь»¹²⁹. О необходимости включения иррационального компонента в научное знание настаивает и П. Фейерабенд: «выживание» и дальнейшее принятие новых идей возможно исключительно благодаря тому, что «иррациональные элементы получили свободу действия».¹³⁰ Иррациональные составляющие, зачастую подчерпнутые из области мифа или религии, допускаются разумом специально с целью расширения познания.

По мнению К. Юнга, интуитивное мышление непродуктивно точки зрения взаимодействия человека с внешним миром, уводит мышление в область фантазии и воображения, поскольку не имеет вербального выражения, а выступает в форме образов. Знание такого рода является основой гуманитарно-художественного творчества, выступает источником мифологии и религии¹³¹.

Мы полагаем, что возможность включения интуитивного компонента в сферу науки открывает перспективу соотнесения науки с иными сферами интеллектуального творчества, такими как миф, религия, философия. Основываясь на тезисе К. Геделя, что «никакая вполне-определенная система правильных аксиом не может вместить в себя всю объективную математику, так как предложение, которое устанавливает непротиворечивость системы, истинно, но не доказуемо в системе»¹³², заключим, что научное познание, используя научные аксиомы в качестве оснований знания, не может доказать истинность этих аксиом в рамках своей познавательной системы; вместе с тем, включение иных, ненаучных элементов в сферу науки может служить источником решения принципиальных научных вопросов.

¹²⁹ Скоблик А.И. Механизмы и формальные критерии научного творчества (синергетический подход) // Неизбежность нелинейного мира. М., 2012. С.97-98

¹³⁰ Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М, 2007. С. 155-156

¹³¹ О взаимосвязи художественного творчества и психологии см.: Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // URL: <http://www.psychiatry.ru/stat/150> (дата обращения: 23.01.2017)

¹³² Цит. по: Целищев В.В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вопросы философии. 2013. №8. С.19

Отталкиваясь от негативных оценок последствий научно-технического прогресса, П. Фейерабенд указывает на вытеснение современной наукой иных способов осмысления мира: «Я рекомендую поставить науку на ее место как интересную, но ни в коем случае не единственную форму познания, обладающую большими преимуществами, но не лишенную и многих недостатков»¹³³. Использование же ненаучных и даже антинаучных теорий в качестве источника критики науки полезно с точки зрения увеличения содержания этой критики: «Разделение науки и не-науки не только искусственно, но и вредно для развития познания. Если мы действительно хотим преобразовывать окружающий нас физический мир, мы должны использовать все идеи, все методы, а не только не большую избранную их часть»¹³⁴. Заметим, что П. Фейерабенд настаивает на невозможности достижения наукой истинного образа мира, такой образ вообще с его точки зрения не нужен. Наша позиция не столь радикальна, однако, согласимся с философом, что включение ненаучных элементов иногда способствует поиску ответов на сложные, казалось бы, неразрешимые, научные вопросы.

Сопоставляя научное знание с философией и религиозным знанием, Б. Рассел предлагает рассматривать философию как некую «промежуточную» сферу между теологией и наукой. В этой связи все определенное знание можно отнести к научной сфере, «все догмы, поскольку они выходят за пределы определенного знания, принадлежат теологии»¹³⁵. Соглашаясь с Б. Расселом, заметим, что основываясь на модели «вопрос-ответ», современная наука зачастую не может ответить на поставленные ей вопросы. Х. Ортега-и-Гассет замечает по этому поводу, что когда науки сталкиваются с неразрешимой проблемой, «они просто отказываются от ее рассмотрения. Философия, напротив, с самого начала

¹³³ Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М., 2007. С. 222

¹³⁴ Там же. С. 308

¹³⁵ Рассел Б. История западного мышления и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. М., 2009. С. 19

допускает возможность того, что мир сам по себе - неразрешимая проблема»¹³⁶. Специфика же теологического знания такова, что однозначные ответы теологов на неразрешимые для философии вопросы, не могут не вызывать сомнения. Таким образом, рассмотрение особенностей научного знания в аспекте сопоставления его с философским и религиозным знанием кажется нам весьма продуктивным. Осознавая свои отличия от сферы религиозного знания, наука находит точки пересечения с философским знанием. В первую очередь, заметим, что и философия, и наука не апеллируют к сверхъестественным причинам, а выстраивают теории на основе объективного знания.

В последнее время все более заметны тенденции к сближению философии и науки¹³⁷. Хрестоматийным является пример из истории философии, выражающийся в стремлении представителей французского Просвещения выстроить философское знание подобно научному: это выражалось в систематичности изложения материала, причинно-следственном построении теории и т.д. Мы не имеем в виду сведение философского знания к научному, или выстраивание того или иного философского учения в соответствии с нормами науки. Мы говорим об обратном – возможной пользе, которую может оказать философский подход в процедуре постановки и решения научных проблем.

Современные науки о человеке, такие как биология, психология, этнография в вопросах осмысления древнейших, мифологических вопросов антропологии зачастую не обходятся без обращения к историко-философскому подходу. Это и анализ мифологических форм познания мира, где человек еще не рассматривается как самостоятельная, отличная от природы или божества, сущность; и антропологические сведения эпохи зарождения религии и

¹³⁶ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? // URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/filosofia.txt> (дата обращения: 26.01.2015)

¹³⁷ Об этом см., например, Дорожкин А.М., Баранец Н.Г., Веревкин А.Б. Почему у философии есть будущее? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. №3(31). С. 120-124

возникновения философии. Таким образом, выстраивая общее современное представление о человеке, мы не должны ограничиваться сугубо научными данными, не должны пренебрегать никакими из возможных источников информации, будь то мифологические, религиозные или историко-философские сведения. Согласимся с суждением Э. Кассирера, что «язык, миф, религия, искусство, наука, история суть составные части, различные секторы»¹³⁸, составляющие целостное видение человека.

Еще одним примером сближения науки и философии является возникшее в XX столетии стремление самих представителей научного сообщества осмыслить сложившуюся ситуацию в естествознании в связи с революционными открытиями теории относительности и квантовой механики. Попытка взглянуть на науку как систему знания, открытую для изменений, в свое время позволила найти выход из кризиса классического естествознания. А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг – выдающиеся физики, которых можно считать и философами науки. Особенность их мысли заключается в том, что они смогли выйти за пределы традиционной системы естествознания и посмотреть на науку как на знание, открытое для изменений. «Естествознание описывает и объясняет природу не просто так, как она есть себе... Естествознание описывает природу, которая отвечает на наши вопросы и подвергается нашим методам исследования»¹³⁹, - замечает В. Гейзенберг.

Подводя итог вышесказанному, заметим, что осмысление науки в контексте ее сравнения с мифом, теологическим знанием и философией открывает возможности рассмотреть ту или иную научную проблему «со стороны», обеспечивает возможность выйти за рамки существующей парадигмы, ограничивающей мышление. Иные, ненаучные формы мышления позволяют

¹³⁸ Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 519

¹³⁹ Гейзенберг В. Физика и философия // URL: <http://lib.ru/FILOSOF/GEJZENBERG/physicsandphilosophy.txt> (дата обращения: 10.01.2015)

взглянуть на научное знание как на неустойчивое формирование, не определенное однозначно, но открытое для вопросов.

Таким образом, нами была рассмотрена проблема соотношения старых и новых понятий в науке, определена роль вопроса в науке. Вопрошание в широком смысле можно понимать как наличие пустоты, неопределенности в знании, нацеленного на преодоление этого состояния, а также выражение неточности и неполноты наличного знания. Вопрошание возникает в ситуации, когда исследователь не находит должного объяснения объективной ситуации в рамках уже имеющегося, наличного знания.

Специфика науки заключается в том, что, сталкиваясь подобного рода познавательной ситуацией, она стремится выйти из этого состояния либо игнорированием «инородного» элемента (аномалии), либо включением элемента нового знания в уже имеющееся знание, что может привести, в свою очередь, к его трансформации.

В данной главе проанализировано понятие неопределенности в неклассической науке и в контексте концепций философского осмысления науки. Структура главы была определена заявленной во Введении схемой анализа неопределенности, исходя из источника познания. Обращение к анализу неопределенности в аспекте субъект-объектного взаимодействия в науке позволило сформулировать следующие выводы.

Понятие неопределенности утверждает свой статус в науке в связи с открытиями в квантовой механике. Понятие наделяется онтологическим и гносеологическим смыслом. Онтологическая неопределенность как характеристика свойств объекта приводит к созданию такой картины мира, атрибутами которой являются статистичность и вероятность. По мере распространения понятия неопределенности в другие науки сохраняется такое «вероятностное» толкование неопределенности, данное понятие зачастую

анализируется в сопоставлении с понятием риска. Подчеркнем, что понятие неопределенности изначально разрабатывается в условиях невозможности проведения реального эксперимента над исследуемыми объектами микромира, соответственно, смысл понятия неопределенности сохраняется в рамках теоретической науки. Возможность для распространения в другие сферы знания получает гносеологическая неопределенность.

Понятие неопределенности разрабатывается учеными-физиками XX столетия еще и с точки зрения возможности использования понятий классической физики для описания квантовых явлений. Размышления о специфике соотношений между различными «системами понятий» позволяют заключить, что некоторые явления в физике могут быть осмыслены исключительно с помощью новых понятий.

Однако о разрушении системы понятий классического естествознания в строгом смысле слова говорить не приходится. Скорее, ученые осознают ограниченность их использования. Речь идет о том, что физики употребляют классические понятия неточным образом, попеременно употребляя различные классические понятия. В данном случае мы можем говорить о наличии гносеологического смысла понятия «неопределенность», который заключается в том, что старые понятия не совсем точно описывают природные явления.

Значение гносеологического смысла неопределенности, разработанного создателями квантовой механики, заключается, кроме прочего, в том, что гносеологическая неопределенность указывает на проблему сопоставления понятий в других научных областях (биологии, химии, социологии).

Значительный опыт накоплен авторами исследований неопределенности в психологии. Понятие неопределенности специальным образом разрабатывается учеными-психологами и выражает некое отношение, установку человека к познанию мира, принятие его изменчивости нестабильности.

Рассмотрение неопределенности в аспекте взаимодействия субъекта и объекта научного познания позволяет продемонстрировать разнообразный спектр

ситуаций неопределенности. С точки зрения отношений «человек – окружающая природная среда» познание оказывается зависимым от исторически меняющихся механизмов восприятия, разворачивающихся в процессе филогенеза. Анализируемые в рамках концепции автопоззиса отношения человека с окружающей средой понимаются как познавательные отношения, однако трактуются посредством понятий незавершенности, нелинейности результата этой деятельности.

Рассмотрение отношений «человек – окружающая социальная среда» и возникающих в рамках этих отношений ситуаций неопределенности, позволяет отметить новый аспект выявления неопределенности – в системе субъект-субъект-объектных отношений. Попытки обнаружения такого рода неопределенности в науке приводят нас к рассмотрению ситуации, когда наличное, настоящее знание одного субъекта может быть соотнесено с наличным знанием другого субъекта. Особое значение приобретает анализ ситуаций неопределенности в аспекте сопоставления с понятиями «коммуникация», «коллективный субъект» и «неявное знание».

В отмеченных аспектах взаимосвязи человека (субъекта) и окружающей природной или социальной среды (объекта) мы говорим о сложности фиксирования в однозначных терминах специфики данной взаимосвязи, а следовательно, получаем возможность трактовки данных ситуаций посредством понятия «неопределенность».

На наш взгляд, весьма перспективным и наименее изученным остается вопрос о характеристике допроблемной стадии научного поиска. В эпистемологии отсутствует понятие, характеризующее данную стадию познания. Поэтому «неопределенность» могла бы выступить понятием, характеризующим познание на данном этапе.

3. Специфика понятия неопределенности в неклассической философии

Прежде чем перейти к обозначенной теме, мы должны провести небольшую предварительную работу относительно прояснения смысла феномена неклассической философии, а также наметить специфику гносеологических представлений о субъект-объектном взаимодействии в рамках современного этапа философии. Анализ понятия неопределенности в контексте неклассической философии будет приведен в последующих параграфах.

Вопрос о времени возникновения неклассической философии, несмотря на широкий к нему интерес исследователей¹⁴⁰, не является окончательно решенным. Н.С. Автономова предлагает называть современной философией период интеллектуальной мысли, возникший на рубеже XIX и XX веков, и связывает его возникновение с кризисом в естественных науках и поиском «новых форм методологического самосознания»¹⁴¹. Однако Н.С. Автономова на этом не заканчивает свою периодизацию, а предлагает рассматривать этап так называемой «постсовременности», характеризующийся развитием социально-гуманитарного знания. Вместе с тем, внимание к гуманитарным проблемам, среди которых особое место следует уделить проблеме языка, в конечном счете, приводит к утверждению приоритета эстетического над эпистемологическим, образного над вербальным. Такой подход, растиражированный представителями постмодернизма, воплощается в отказе от традиционного построения философской мысли, смешению философии и различных жанров литературного творчества.

¹⁴⁰ Напр., Микешина Л.А. Идеи антропологизма в философии познания // Наука и социальная картина мира. М., 2014. С. 681-697; Никифоров А.Л. Революция в теории познания? // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 113-117; Warburton N. Philosophy. The basics. - New York, 2004.

¹⁴¹ Автономова Н.С. «Статья трех авторов» в свете опыта пост-современности: сопоставительные заметки // На пути к неклассической эпистемологии. М., 2009. С. 28

Если попытаться рассмотреть вопрос о времени возникновения неклассической философии сквозь призму персоналий, которыми она собственно и создавалась, то необходимо, в первую очередь, обратить внимание на предлагаемый сразу несколькими авторитетными исследователями список имен: неклассическая философия связывается с именами Ф. Ницше, К. Маркса и З. Фрейда. Так, исследуя смысл понятия интерпретации, М. Фуко объединяет эти имена в аспекте развития в творчестве указанных мыслителей идеи о незавершенности, неопределенности интерпретации как возможности существования конечного смысла тех или иных явлений: «Не существует ничего абсолютно первичного, что подлежало бы интерпретации, так как все, в сущности, уже есть интерпретация, любой знак по своей природе есть не вещь, предлагающая себя для интерпретации, а интерпретация других знаков»¹⁴². Именно начиная с Ницше, Фрейда и Маркса, обнаруживается двойственная сторона знака: впредь за ними не стоит сущность конкретной вещи, а скрывается другая интерпретация. По словам М. Фуко, таковыми являются понятие денег у Маркса, симптомов у Фрейда, масок у Ницше.

Действительно, современная философия прибегает к нескольким видам анализа, заслуга в создании которых принадлежит названным персоналиям: философское исследование сегодня может отталкиваться от социологического, лингвистического или психологического анализа. «Повсюду в интеллектуальной среде воцаряется пафос разрушения общепринятых установлений, развенчания различных притязаний, подрыва верований, разоблачения видимостей – своеобразная «герменевтика подозрений» в духе Маркса, Ницше и Фрейда»¹⁴³, - отмечает Р. Тарнас.

¹⁴² Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // URL: <http://www.lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (дата обращения: 7.03.2015)

¹⁴³ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 340

В статье М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева и В.С. Швырева отношение между классической и современной философией принципиально отличается от отношения, существующего, например, между классической и неклассической физикой. И в том, и в другом случае очевидны проблемные сдвиги, обусловленные изменениями в сфере практики, в реальных отношениях человека с внешним миром. «Но в философии, - отмечают авторы, - как она развивалась на Западе, не произошло соответствующего сдвига в способе рационального понимания новых проблем, не появилось новой системы мыслительных навыков, аналогичной той, которая была разработана в теории относительности или квантовой механике»¹⁴⁴. Таким образом, неклассическая философия переносит классические навыки мышления в другую эпоху с ее новыми социальными и научными проблемами. Острое переживание этих проблем вступает в противоречие с принятым от классики теоретико-понятийным аппаратом.

Неклассическая философия меняет представление о субъекте и объекте познания. Она рассматривает познающего субъекта не как дистанцированный от мира (объекта), а как находящийся внутри него. Сознание (разум – в классическом понимании) не обладает статусом суверенности. Мы можем говорить о «заброшенности» сознания в наличный социальный мир. Такая версия самосознания была предложена тремя направлениями современной западной философии: феноменологией, психоанализом и экзистенциализмом.

Что касается последних исследований неопределенности в контексте современного этапа философии, то здесь следует особо отметить диссертационное исследование В.О. Фабера, которое посвящено исследованию

¹⁴⁴ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность - две эпохи в развитии буржуазной философии. М., 1972 // URL: <http://www.psylib.org.ua/books/mamsosh/index.htm> (дата обращения: 23.09.2015)

неопределенности с точки зрения структуры философского знания¹⁴⁵. Данная работа сосредоточена, главным образом, на многообразии проявлений неопределенности в истории философии. С нашей точки зрения, специальный анализ неопределенности в контексте разведения понятий классической и неклассической философии позволяет отметить различия смыслов данного понятия в динамике становления философского знания в зависимости от той или иной исторической ситуации: разделить значения понятия «неопределенность» в традиционном, классическом, понимании и определить его современное значение.

Кроме этого, предложенный нами подход рассмотрения неопределенности с точки зрения взаимодействия субъекта и объекта философского познания, позволяет более детально исследовать специфику данного понятия с точки зрения принадлежности одной из сторон этого взаимодействия, избежать возможной путаницы и неясности значений онтологической и гносеологической неопределенности.

С точки зрения О.В. Фабера, исследование неопределенности в контексте современной философии приводит к необходимости рассмотрения антропологического аспекта неопределенности¹⁴⁶. Здесь возникает закономерный вопрос об определении статуса человека в философских исследованиях неклассики.

Понимание современной философии невозможно без обращения к антропологическому повороту, который утвердился в начале XX века. Однако последствия антропологического поворота двойственные: человек находится в центре исследования, но не в центре мироздания. Вспомним заявления Ж.-П. Сартра об отличии экзистенциалистского гуманизма от гуманизма эпохи Возрождения: «Человек находится постоянно вне самого себя. Именно

¹⁴⁵ Фабер В.О. Проблема неопределенности в структуре философского знания (онтологический, гносеологический, антропологический аспекты). Автореф. дис. канд. филос. наук. Саратов, 2004.

¹⁴⁶ Там же.

проектируя себя и теряя себя вовне, он существует как человек»¹⁴⁷. Человек есть центр, но центр «выхода за собственные пределы», в этом смысле он не замкнут на себе, а проявляет себя в мире.

Но позволяет ли современный мир проявить себя? Более того, в связи с современными научными достижениями, происходит стирание образа человека из картины реальности, человек как бы растворяется в системе биологических, социологических, бихевиористских, генетических, физиологических связей. Неудовлетворенность такой ситуацией приводит некоторых мыслителей неклассического периода к попытке создания специфической онтологии, в которой человек будет занимать достойное место. Один из родоначальников философской антропологии Х. Плеснер отмечает: «Человек в своем бытии отличается от всякого иного бытия тем, что он не является ни самым близким себе, ни самым далеким от себя, и именно в этой эксцентричности своей жизненной формы обнаруживает себя как отдельный элемент в стихии бытия, и тем самым, несмотря на несоразмерный бытию характер своего существования, входит в один ряд со всеми вещами этого мира»¹⁴⁸. На эту особенность человека как свободной и самобытной личности указывают создатели онтологии человеческого существования.

Предложенная нами ранее схема исследования неопределенности в контексте неклассической философии претерпевает значительные трансформации. Как мы уже отметили, современный этап философии характеризуется стремлением преодоления субъект-объектной дихотомии, поэтому рассмотрение объективной и субъективной сторон неопределенности мы не считаем продуктивным. Вместе с тем, мы не считаем целесообразным проведение специального анализа антропологического ракурса феномена

¹⁴⁷ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // URL: http://scepsis.net/library/id_545.html (дата обращения: 23.01.2016)

¹⁴⁸ Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М., 2004. С. 9

неопределенности. На наш взгляд, неклассическая философия в корне антропологична, различны лишь ракурсы рассмотрения человека в зависимости от направленности того или иного исследования.

3.1 Неопределенность в аспекте преодоления субъект-объектной дихотомии

Современные исследования философской неопределенности зачастую основаны на выявлении смыслов данного понятия в контексте понятия свободы. При этом сама категория свободы рассматривается либо как онтологическая¹⁴⁹, либо как антропологическая категория¹⁵⁰; причем в первом случае речь идет о наличии непредсказуемости будущего, когда субъектом осуществляется свободный выбор в пользу той или иной линии действия, в другом случае свобода выступает как антропологическая характеристика, рассматриваемая в контексте творчества. Мы же полагаем, что в том и другом случае проявляется иной, более сложный характер неопределенности, ниже поясним, что дает нам основания так полагать.

Достаточно распространенным ракурсом исследования философской неопределенности является ее анализ как онтологической характеристики, предстающей в качестве непредсказуемости, неизвестности будущего, перед которым стоит человек. Руководствуясь изначально свойственной человеку свободой, субъект осуществляет выбор в пользу той или иной стратегии поведения, зачастую не имея возможности предсказать, к каким последствиям приведет его выбор. Другими словами, наличие в жизни человека так называемых

¹⁴⁹ См. об этом, напр., Урманцев Н.М. Свобода человека и неопределенность его выбора // Вестник Тюменского государственного университета. 2007. №2; Модестов С.А. Бытие несвершившегося. М., 2000.

¹⁵⁰ См. об этом: Фабер В.О. Проблема неопределенности в структуре философского знания (онтологический, гносеологический, антропологический аспекты): Автореф. дис. канд. филос. наук. Саратов, 2004.

точек бифуркации означает ситуацию нестабильности, когда осуществляется выбор дальнейшего пути. Н.М. Урманцев замечает: «Чем больше возможных вариантов выбора, тем большей неопределенностью характеризуется будущее вообще, тем большей свободой полагания обладает человек. Тем самым происходит усиление степени проблематичности бытия человека, вытекающее из его фундаментальной особенности – из неопределенности, отсутствия специализации и программируемости человека. Отсюда и постоянный веер возможностей (человек – имманентная «точка бифуркации», постоянное определение (наделение пределом), означивание и выбор)»¹⁵¹.

Можно заметить, что здесь речь идет об уже известной нам вероятностной неопределенности, которую в строгом смысле слова назвать неопределенностью нельзя. Вероятность выступает в данном случае как количественная характеристика, которую можно каким-либо образом исчислить (например, уменьшить, предоставив человеку больше возможных вариантов), а как мы уже выяснили из предыдущих параграфов, неопределенность есть такая характеристика, которая не поддается количественному исчислению.

В работах французского философа-экзистенциалиста Ж.-П. Сартра мы находим описание ситуации выбора человеком своего будущего. Однако это уже не вероятностная неопределенность, поскольку результат действия становится совершенно непредсказуемым: неизвестно, к каким последствиям приведет данный поступок в будущем. Ж.-П. Сартр на одном из жизненных примеров пытается решить вопрос о возможности осуществления выбора, но, не исходя из предсказания наиболее благополучных последствий в будущем (такое принципиально невозможно), а основываясь на той или иной системе морали, религиозной или светской.

¹⁵¹ Урманцев Н.М. Свобода человека и неопределенность его выбора // Вестник Тюменского государственного университета. 2007. №2. С. 120

В любом случае, человек осуществляет личный выбор, исходя из собственных представлений о должном, не ссылаясь на внешние обстоятельства: «Если ценности неопределенны и если все они слишком широки для того конкретного случая, который мы рассматриваем... Он был вынужден изобрести для себя свой собственный закон»¹⁵². Таким образом, будущее может быть описано посредством понятия неопределенности, а человек понимается как проект будущего. «Ибо мы хотим сказать, что человек прежде всего существует, что человек – существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее... Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия. Не таким, каким он пожелает»¹⁵³. Экзистенциализм сосредотачивает свое внимание по трактовке бытия человека в аспекте его личного жизненного опыта. Отметим несколько аспектов, характеризующих специфическую онтологию экзистенциализма.

Во-первых, создается философия так называемого «маленького» человека, или человека, живущего повседневной жизнью. В этом, пожалуй, заключается привлекательность экзистенциализма, поскольку он является философией для каждого, акцентируя внимание на понятиях «поступок», «выбор» и «ответственность». Хрестоматийное выражение, приписываемое экзистенциалистски настроенным мыслителям, что существование предшествует сущности, означает, со слов Ж.П. Сартра, что «человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется»¹⁵⁴. Сущность человека определяется посредством его реальных поступков и совокупностью отношений, из которых эти поступки складываются. Человек представляет собой

¹⁵² Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // URL: http://sceptis.net/library/id_545.html (дата обращения: 23.01.2016)

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же.

облик, определенный его жизненным существованием, где нет места мечтам, надеждам и ожиданиям.

Во-вторых, отметим, что одним из ключевых понятий экзистенциализма является понятие времени. Рассматривая существование человека сквозь призму понятия «телесность», один из продолжателей Ж.П. Сартра, М. Мерло-Понти называет традиционную онтологическую категорию времени движущим мотивом любого философского понимания. Понятия субъекта и времени, по мнению М. Мерло-Понти, неразрывно связаны, поскольку именно определение одного понятия через другое является условием собственного существования: «Я не мыслю и не наблюдаю переход от одного настоящего к другому, я осуществляю его, я уже нахожусь в наступающем настоящем, как мой жест уже находится у своей цели, я сам есть время — время, которое «пребывает», а не «течет» и не «меняется»»¹⁵⁵. Категорию «время» М. Хайдеггер выдвигает в качестве самой существенной характеристики бытия, поскольку именно во временности, конечности человек находит онтологическую основу существования.

Теперь рассмотрим еще один обозначенный ранее аспект неопределенности: в контексте понятия «творчество». Действительно, природа творчества не поддается описанию в количественных терминах и зачастую характеризуется как проявление личной, экзистенциальной стороны субъекта. Б. Рассел характеризует философское творчество посредством понятий интуиции, внезапного озарения, нереальности, фантастичности: «Теряется контакт с повседневными вещами, пропадает ощущение надежности внешнего мира, и кажется, что душа - в полном одиночестве - извлекает из своих глубин безумно пляшущих фантастических призраков, которые до сих пор были реально существующими и живущими независимо от нас»¹⁵⁶. Поэтому характеризовать

¹⁵⁵ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. С-Пб., 1999. С. 533

¹⁵⁶ Russell B. Mysticism and Logic // <https://www.gutenberg.org/files/25447/25447-h/25447-h.htm> (дата обращения: 12.02.2015)

природу творчества мы можем лишь негативно, сказав, что оно не-определенно, недоступно рациональному постижению.

В работах Н.А. Бердяева творчество выступает уже в качестве основы онтологического учения, где оно понимается как основа человеческого существования, основа бытия. Познание мира в целом, Вселенной осуществляемо благодаря тому, что «в человеке есть весь состав вселенной, все ее силы и качества, что человек - не дробная часть вселенной, а цельная малая вселенная»¹⁵⁷, человек есть микрокосм. Соответственно понятие творчества определяет не только экзистенциальное существование человека, но и всю картину мира, онтологию.

Подобного рода рассуждения наталкивают нас на другой закономерный вопрос: является ли возникающая в данном аспекте неопределенность в полном смысле онтологической, или же следует говорить о наличии неопределенности, связанной исключительно с мыслящим и действующим субъектом, - в гносеологическом плане? У Н.А. Бердяева мы находим следующее замечание: «Творчество как опыт религиозный не знает дуалистического деления на субъект и объект»¹⁵⁸. Создание подобного рода онтологических учений выражает стремление философов к преодолению классической субъект-объектной дихотомии. Зачастую традиционное разделение субъекта и объекта определяется в таких учениях как характерная черта рационального мышления, в результате чего «вся действительность, в том числе и человек, предстает перед рационалистом только как объект научного исследования и практического манипулирования»¹⁵⁹. Напротив, использование таких категорий как свобода,

¹⁵⁷ Бердяев Н.А. Смысл творчества // URL: <http://predanie.ru/berdyayev-nikolay-aleksandrovich/book/69714-smysl-tvorchestva/> (дата обращения: 10.05.2018 г.)

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Гуревич П.С. Человек как объект социально-философского анализа // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 510

выбор и ответственность, устраняет разделение субъекта и объекта, создавая онтологию мыслящего субъекта.

Следует заметить, что создание онтологии человеческой субъективности – феномен неклассической философии. Если в традиционной онтологии речь шла о предельных основаниях мира и космоса, где человеческое бытие часто вовсе не было предметом внимания, либо рассматривалось как неспецифическая часть мира, то теперь бытие человека рассматривается как специфическая онтология. Отметим, что впервые идеи онтологической трактовки человеческой субъективности стали появляться в контексте развития исторического гуманитарного знания, в частности, они представлены у В. Дильтея: «В философе настоящего времени собственное творчество встречается с историческим сознанием, так как в настоящее время его философия без этого сознания охватывала бы лишь небольшую часть действительности. Его творчество должно сознавать себя звеном в исторической связи, в которой он сознательно добивается чего-нибудь условного»¹⁶⁰. Другими словами, одна из особенностей человеческого бытия состоит в том, что это историческое бытие: человек как носитель исторического сознания включен в историческую реальность.

Идея создания специфической онтологии субъекта была подхвачена мыслителями разной направленности, и основывалась, главным образом на трактовке самого субъекта.

С одной стороны, субъект может трактоваться как экзистенция, как бытие-в-мире. Особый вклад внесли философы-экзистенциалисты Ж.-П. Сартр, Г. Марсель, Н.А. Бердяев, об идеях некоторых из обозначенных мыслителей мы упоминали выше.

С другой стороны, субъект может описываться как эмпирический природный индивид, существующий в действительности. В данном случае он

¹⁶⁰ Дильтей В. Сущность философии // Философия в систематическом изложении. М, 2006. С. 36

изучается теорией познания с точки зрения развития интеллекта; так, например, исследование бессознательных структур человеческой психики является основой создания своеобразной онтологии бессознательного. Благодаря учениям З. Фрейда и К. Юнга создается учение, наделяющее психические состояния, изначально имеющие физиологический, материальный характер, особым онтологическим статусом.

Вклад К. Юнга в онтологию бессознательного заключается, главным образом, в разработке понятия архетипа коллективного бессознательного. Архетипы есть некие «праформы», проявляющиеся в виде сновидений, галлюцинаций, акте интуиции, сближающие рациональное сознание с мифологическим мышлением, снимающие традиционное субъект-объектное разделение. Понятие «коллективного бессознательного» К. Юнга отличается от «личностного бессознательного» З. Фрейда, основанного на вытесненных представлениях. «Коллективное бессознательное» в представлении К. Юнга является основой индивидуального сознания, это есть некий код, вбирающий в себя жизнь предыдущих поколений.

Принципиальное различие в понимании бессознательного у З. Фрейда и К. Юнга – в толковании его природы. Создатель психоанализа трактовал его сугубо посредством физиологических, натуралистических терминов. К. Юнг обращается к анализу социально-культурного окружения личности, ее исторического прошлого. Именно такой подход позволяет вскрыть личностные структуры бессознательного конкретной личности, исходя из опыта коллективного бессознательного всего человечества.

Подводя промежуточный итог обзору некоторых концепций, направленных на преодоление субъект-объектной дихотомии, заметим, что типичной, но явно не выраженной ошибкой является попытка обнаружения неопределенности между реальностью (познаваемым объектом) и нашим воспроизведением реальности (непосредственно субъектом). Однако возникает ряд вопросов: кто представляет эту познавательную реальность? Кто определяет, насколько верно мы отображаем

действительность? Кто и когда будет фиксировать эту познаваемую реальность и наше отношение к реальности? В рамках уже представленного нами субъект-объектного отношения, познавательная реальность есть сам объект исследования, а наше знание – чувственный или рациональный образ самого этого познаваемого объекта. В ходе познания мы, стремясь к истине, в наиболее доступной степени создаем знание об объективной реальности наиболее адекватно. В силу абсолютности истины на данный момент наше знание есть объективная реальность. Показательны замечания М. Полани по этому поводу: «Каждый обдуманый интеллектуальный акт должен быть своевременным... Поэтому тот, кто (в пределах своей компетенции и с учетом сложившихся обстоятельств) осуществляет некоторый мысленный акт, в момент действия уже не может корректировать ни его своевременность, ни его содержание. Откладывание решений на основании их возможной ошибочности неизбежно навсегда заблокировало бы все решения вообще, в результате чего риск, связанный с колебанием, возрос бы до бесконечности»¹⁶¹. Таким образом, говорить о неопределенности в аспекте противопоставления реальности и ее воспроизведением бессмысленно.

Ситуация неопределенности может быть описана либо теоретически, в последствии, как бы оглядываясь назад на уже осуществленный акт познания, либо (что наиболее вероятно) может возникнуть в случае включения в субъект-объектные отношения еще как минимум одного субъекта. В данном случае мы отмечаем новый аспект исследования неопределенности, который был обозначен нами на примере научного знания, а теперь будет рассмотрен в контексте неклассического этапа философии, - это отношения Я-Ты, Я-Другой, а также рассматривая понятия коллективного субъекта, интерсубъективности, коммуникации, диалога.

¹⁶¹ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Б., 1998. С. 322-323

Антропологический характер категорий «Ты», «Другой» расширяют смысл классического представления о субъекте познания. По словам Г. Марселя, благодаря своего рода «децентрированию» осуществляется переключение внимания с личного, собственного бытия (или «Я») к бытию «ближних». Бытие «ближних» оказывается в большей мере значимо для субъекта, нежели собственное бытие, поскольку их бытие «для него значит бесконечно больше, чем он сам, настолько, что он существует — не по своей природе, а по своему призванию - децентрированным или полицентрированным существованием»¹⁶². Такой взгляд позволяет рассмотреть мир в его «многомерности», не ограничивая познание субъективным восприятием, основанном на «Я».

Категория «Другой», по словам Ж.-П. Сартра, необходима не только для существования, но и для самопознания: «Открывается целый мир, который мы называем интерсубъективностью, ... [где] человек и решает, чем является он, и чем являются другие»¹⁶³. Или вот еще одно замечание: «Другой владеет тайной: тайной того, чем я являюсь... В плане сознания другой для меня — это одновременно похититель моего бытия и тот, благодаря которому “имеется” бытие, являющееся моим бытием»¹⁶⁴.

Субъект-субъектные отношения, противопоставленные традиционному разделению познания на субъект и объект, снимают сильнейшее чувство, отчуждения, разобщенности между «Я» и остальным миром. В контексте интерсубъективности на первый план выходят вопросы сложной связи между субъектами, где особую роль играют личностные характеристики, чувства, эмоции, интуиция, бессознательное, а не только здравый смысл и логика. Вместе с тем, возникающая в контексте субъект-субъектных отношений

¹⁶² Марсель Г. К трагической мудрости и за ее пределы // URL: http://bibikhin.ru/k_tragicheskoi_mudrosti (дата обращения: 23.01.2016)

¹⁶³ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // URL: http://sceptis.net/library/id_545.html (дата обращения: 23.01.2016)

¹⁶⁴ Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // URL: http://bibikhin.ru/pervichnoe_otnoshenie_k_drugomu (дата обращения: 23.01.2016)

неопределенность (в связи с использованием понятий интуиции, личностных характеристик) не является исключительно гносеологической, поскольку признание другого субъекта неизбежно включается в существование, онтологию познающего, предполагает со-бытие, со-существование. Таким образом, в контексте неклассической философии уместно говорить об онтогносеологическом смысле понятия неопределенности.

Антропологический характер субъект-объектных отношений приводит нас к необходимости специального анализа феномена интерсубъективности с точки зрения использования понятия неопределенности. В данном случае нас интересует такое направление мысли в неклассической философии, которое фокусирует внимание на характеристике объективного мира как текста, смысл которого открывается исключительно посредством интерпретаций. Принимая за исходную установку утверждение, что объект напрямую связан с субъектом, данное направление мысли заключает, что объективный мир есть не вещь-в-себе, а зависит от контекста, применительно к которому он будет интерпретирован. В данном направлении мыслили представители герменевтики, постструктурализма, социального конструктивизма, франкфуртской школы.

В данном аспекте о неопределенности мы можем говорить в следующих случаях. Во-первых, любое утверждение относительно объективного мира, каким бы оно истинным, на первый взгляд, не казалось, порождено некими символическими структурами, рационально постичь которые является практически неразрешимой проблемой. Так Р. Тарнас замечает: «Все человеческое познание осуществляется с помощью знаков и символов неясного происхождения, которые обуславливались исторической и культурной предрасположенностью, и испытывали воздействие – часто бессознательное – человеческих интересов»¹⁶⁵. Э. Кассирер отмечает по этому поводу: «По

¹⁶⁵ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 337

сравнению с другими животными человек живет не просто в более широкой реальности — он живет как бы в новом измерении реальности... Физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая активность человека»¹⁶⁶. Современный человек живет в мире символов, однако их содержание далеко не исчерпывается рациональным постижением.

Во-вторых, intersubъективный характер познания включает в себя значительную долю неопределенности. Дело в том, что мир, который кажется нам объективным, на самом деле может быть таковым в результате некоего «договора», или конвенции. В таком ключе трактует процесс познания в современных реалиях Ю. Хабермас. «Объективность» мира означает, что мир «дан» нам как «для всех идентичный». Для участников коммуникации это один и тот же объективный мир, о котором они могут «договариваться» и в который они могут «вмешиваться». Однако идея единства мира, являющаяся одной из центральных онтологических идей классической философии, по мнению философа, имеет лишь формальное значение для познающего субъекта, формирующего представления о предметах окружающего мира в некую целостную систему.

С гносеологической точки зрения на место трансцендентального идеализма, представляющего совокупность объектов физического мира, воспринимаемых при помощи опыта в качестве мира «для нас», Ю. Хабермас говорит о внутреннем реализме. В соответствии с ним «реально» все, что может быть представлено в истинных высказываниях, хотя факты интерпретируются на таком языке, который принимается участниками коммуникативного действия.

Переводя фокус внимания с онтологических проблем на проблемы познающего субъекта, где язык выступает в качестве главного средства коммуникации, Ю. Хабермас отмечает особую роль неких «идеализирующих»

¹⁶⁶ Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 470-471

предпосылок, которые определяют ход коммуникативного действия. Эти предпосылки являются условиями, которые дают возможность осуществлению коммуникативного акта: «Детрансцендентализация приводит, с одной стороны, к встраиванию социализированных субъектов в контексты жизненного мира, а с другой – к пересечению познания с языком и действием»¹⁶⁷. Практика аргументации нацелена на то, что перспективы толкования участников из их собственного жизненного мира децентрируются, происходит процесс взаимного «скрещивания». Вспомним Ж.-П. Сартра, который отмечал необходимость перехода от традиционной трактовки процедуры познания к децентрированному познанию как бытию-для-другого: «Язык не есть феномен, добавленный к бытию-для-другого; он и есть изначально бытие-для-другого, то есть тот факт, что некоторая субъективность воспринимается в качестве объекта. Язык ни в коем случае не смог бы быть “изобретен” в универсуме чистых объектов, поскольку он изначально предполагает отношение к другому субъекту»¹⁶⁸.

Возвращаясь к концепции Ю. Хабермаса, отметим, что в данном случае можно говорить о структурирующей человеческий опыт функции языка, многообразие языковых структур которого, по всей вероятности, на прямую не связано с объективной действительностью, поскольку наши представления об объективности, в свою очередь, переплетаются с интерсубъективностью соглашения о них. Отсюда негативная оценка характеристики познавательной функции языка, которую он приобретал в классический период философствования: «Кант работал в парадигме, которая не отводит языку конститутивной роли для теории и практики. ... До тех пор пока язык не начинает изводить дух своими представлениями, просто передаваемыми из поколения в

¹⁶⁷ Хабермас Ю. Коммуникативное действие и детрансцендентализированный разум // Между натурализмом и религией. Философские статьи. М., 2011. С.32

¹⁶⁸ Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // URL: http://bibikhin.ru/pervichnoe_otnoshenie_k_drugomu (дата обращения: 23.01.2016)

поколение образами и образами желаний, дух смотрит сквозь среду языка, будто сквозь прозрачное стекло»¹⁶⁹.

Своей крайней формы данная концепция достигает в философии постмодернизма, утверждающей, что языковое значение может быть крайне неустойчивым, поскольку контексты, определяющие это значение, никогда не бывают фиксированными, и за внешней видимостью связного контекста можно обнаружить целое множество несовместимых друг с другом значений. Ни одно истолкование текста не может претендовать на общее признание, поскольку то, что подвергается истолкованию, неизбежно содержит в себе скрытые противоречия, изнутри подрывающие его связность. Поэтому любой смысл есть нечто в высшей степени неразрешимое, а «истинного» смысла не существует вовсе... О природе истины ничего нельзя сказать с определенностью»¹⁷⁰. Постмодернизм указывает на радикальную неопределенность современного представления истине.

Однако подобная позиция однозначной релятивизации познания не является единственным способом решения проблемы коммуникации в неклассической философии. Е.О. Труфанова замечает, что понятие контекста, на разработке которого, главным образом, и останавливаются постмодернисты, в некоторых концепциях успешно заменяется понятием дискурса: «Наиболее важным для нас является представление о дискурсе как социокультурном контексте, выраженном языковыми средствами, влияющем на постижение человеком окружающего мира и позиционирование им своей самости. Под дискурсом мы понимаем, прежде всего, особый речевой способ описания мира, который использует данный индивид»¹⁷¹. Конструирование реальности посредством категории дискурса

¹⁶⁹ Хабермас Ю. Коммуникативное действие и детрансцендентализированный разум // Между натурализмом и религией. Философские статьи. М., 2011. С.53

¹⁷⁰ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С.

¹⁷¹ Труфанова Е.О. Социальный конструкционизм: истоки и перспективы // На пути к неклассической эпистемологии. М., 2009. С. 176

позволяет рассмотреть многообразие образов мира в зависимости от того или иного мироописания. Такой подход не снимает неопределенностного характера познания, но позволяет говорить о мире в полифонично, учитывая многообразие точек зрения.

Далее мы постараемся обобщить высказанные ранее размышления о характере неопределенности в контексте преодоления субъект-объектной дихотомии в неклассической философии, хотя многообразие представленных здесь концепций наталкивает на неизбежный схематизм и некоторое упрощение рассматриваемого вопроса.

Один из главных выводов данного параграфа заключается в признании онтогносеологического смысла неопределенности в неклассической философии. Современная философия, используя традиционные понятия субъекта и объекта, наполняет их иным содержанием. Речь может идти как о создании новой онтологии субъективности, так и о попытках отрицания возможности построения какой-либо онтологии, вывод у рассматриваемых концепций общий – преодоление классической субъект-объектной дихотомии и установление связи между двумя сторонами познания.

Неклассические проявления философской неопределенности рассматривались нами, исходя из трех основных ракурсов изучения познающего субъекта.

Первый – субъект как бытие-в-мире. В данном случае мы можем говорить о возникновении неопределенности в контексте ценностного выбора в пользу того или иного действия, последствия которого являются принципиально неопределенными для того, кто осуществляет выбор. В данном направлении представлены философы-экзистенциалисты, которые делали акцент на категориях ответственности, времени, выбора, наделяющих рассматриваемое нами понятие неопределенности новыми смыслами. Кстати сказать, заимствованная из науки характеристика неопределенности как вероятности наступления того или иного события, на наш взгляд, не имеет дальнейшей перспективы, поскольку в качестве

исчисляемой величины неопределенность использоваться не может. Здесь уместнее использовать понятия, характеризующие ситуацию, в которой речь идет о наличии вариантов выбора. Неопределенность же представляет собой невозможность обозначения каких-либо вариантов.

Второй ракурс рассмотрения субъекта определяется его эмпирическим существованием. В данном аспекте нами была рассмотрена концепция психоанализа с точки зрения обнаружения неопределенности в бессознательных структурах человеческой психики.

Третий способ представления субъекта неклассической философией – его обозначение как коллективного субъекта. Специальное обращение к понятиям языка, коммуникации, децентрации, Другого позволяет наметить новые неклассические смыслы понятия неопределенности в контексте невозможности установления истинного представления об объекте. Субъект впредь не может восприниматься независимо от других субъектов, его познание опосредовано Другими. Однако эта связь настолько сложна, что попытки установления объективной истины о мире, не зависимой от интерсубъективных наложений, становятся невозможными. Такая познавательная ситуация может как склонить к релятивизму в духе постмодернизма, так и признать плюрализм точек зрения на тот или иной вопрос относительности достижения истины.

Когда мы говорим о современной философии в целом, о ее будущем, мы неизбежно поднимаем вопрос: зачем же нужна сегодня философия, если неопределенность занимает в ней такое существенное место? Или это временное явление, и философия вскоре вернет себе статус знания, обладающего точностью и всеобщностью? На эти и другие вопросы мы постараемся ответить в заключительном параграфе, в котором определим роль неопределенности в современной философии и обозначим перспективы на сохранение неопределенности философского знания в будущем.

3.2 Философская неопределенность в контексте соотношения нового с наличным знанием.

Распространенным является прием определения философии через ее сравнение с наукой, религией и искусством. А сравнение предполагает нахождение отличий, «границы» между философским и нефилософским знанием. По нашему мнению, одним из отличительных признаков, который выделяет философию от других форм творчества, является вопрошание. Как было нами показано ранее, неопределенность в той или иной степени характерна и для осуществления научного познания, однако более явно неопределенность проявляется именно в философии. В данном параграфе мы отметим характерные черты неклассической философии, которые позволяют утверждать о существенной роли, которую в ней играет неопределенность.

Одним из отличительных признаков философского знания, в соответствии с которым принято говорить о его неопределенности, является факт того, что большинство вопросов, которыми задаются современные философы, существуют уже тысячи лет. Пытаясь определить специфику задаваемых философией вопросов, Б. Рассел спрашивает: «К чему же тогда ... тратить время на подобные неразрешимые вопросы?» И тут же замечает: дело философии – «исследовать эти вопросы, если не отвечать на них»¹⁷². Сопоставляя философию со сферами научного и религиозного знания, Б. Рассел предлагает рассматривать философию как некую «промежуточную» сферу между теологией и наукой.

Как мы уже показали, философия позволяет наукам взглянуть на ту или иную сферу знания с новой стороны, под другим углом зрения; философия может стимулировать постановку проблем. Однако отличие науки от философии заключается в том, что первая тяготеет к форме законченного знания,

¹⁷² Рассел Б. История западного мышления и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. М., 2009. С. 8

обладающего достоверностью и доказательностью. В свою очередь, философия может существовать в форме вопрошания.

Осмысление специфики так называемых «вечных» вопросов философии находится в центре внимания многих зарубежных и отечественных исследователей. Например, В.А. Лекторский связывает наличие неразрешимых в философии вопросов, на которые невозможно дать окончательный ответ, с тем обстоятельством, что «проблемы, с которыми имеет дело философия, особые — они относятся к предельным основаниям жизни и деятельности, к универсальным способам вписанности человека в мир. Это скорее некие рамки, которые наполняются конкретным содержанием в определенных культурных и исторических ситуациях. Последние меняются, в том числе потому, что меняется сам человек»¹⁷³. Таким образом, в зависимости от конкретной культурно-исторической ситуации, вопросы наполняются новым содержанием, соответственно требуют нового ответа.

Х. Хофмайстер определяет специфику философских вопросов, основываясь на ключевой роли, которую играет в их постановке вопрошающий субъект: «Там, где ставятся философские вопросы, мы оказываемся не просто сторонними наблюдателями, а самим предметом этого вопрошания»¹⁷⁴. Это накладывает свой отпечаток на образ вопрошающего, философа.

Кстати Ж. Делез предлагает рассматривать творчество того или иного мыслителя через его личный образ: «Человека отныне нагружают не извне — он сам взваливает на себя своё бремя. Философ будущего, философ-врачеватель, найдёт здесь всё ту же болезнь, хотя симптомы её будут другими: ценности могут меняться,.. неизменными остаются перспективы и критерии, от которых зависят эти ценности — как старые, так и новые. Так и выходит, что истинная философия,

¹⁷³ Лекторский В.А. Философия, общество знания и перспективы человека // Человек в мире знания. М., 2012. С. 225

¹⁷⁴ Хофмайстер Х. Что значит мыслить философски. СПб., 2006. С. 45

как и философия будущего, не будет ни философией истории, ни философией вечности: ей надлежит быть несвоевременной, всё время несвоевременной»¹⁷⁵.

Пожалуй, в этом заключается и трагизм жизни настоящего философа, - в том, что его сочинения оказывается несвоевременными, непонятыми современниками, оцениваются по прошествии лет. Ж. Делез примером такой трагической судьбы называет Ф. Ницше. Как известно, творчество Ф. Ницше отличается форма выражения - философ говорит афоризмами. Форма афоризма противопоставляется традиционному познанию как поиску истины, предполагая наличие частичного, фрагментарного смысла познаваемого явления, которым и наделяет его философ. С.Л. Фокин замечает: «Книга афоризмов ищет многообразия смыслов, многоголосия, в противном случае афоризмы неотличимы от догматизма, монологизма»¹⁷⁶.

Несвоевременность мыслителя Ж. Делез определяет через сопоставление понятий настоящего и актуального. Настоящее – это то, что преодолевается философом, актуальное – чем он становится: «Философ, как его понимает Делёз, никогда не существует — он становится «собой» через постоянное и постоянно изменчивое отношение с “другим”... Воля к вечному возвращению направляется не стремлением к победе, не жалким хотением того, чего у тебя нет, но тягой к росту, к усилению собственного могущества. Она сопровождается не столько борьбой с другим, сколько схваткой внутри себя»¹⁷⁷. Посредством оценок, афоризмов философ передает изменчивость смысла, которым он наделяет жизнь, постоянно изменяясь сам.

В соответствии с подобного рода рассуждениями меняется и представление о философии в целом. Под сомнение возводится вопрос о верности постановки

¹⁷⁵ Делез Ж. Ницше // URL: http://platon.net/load/knigi_po_filosofii/postmodernizm/deljoz_zhil_nicse/54-1-0-648 (дата обращения 4.03.2017)

¹⁷⁶ Фокин С.Л. Делез и Ницше: персонаж философа // URL: http://platon.net/load/knigi_po_filosofii/postmodernizm/deljoz_zhil_nicse/54-1-0-648 (дата обращения 4.03.2017)

¹⁷⁷ Там же.

той или иной проблемы, истинности ее решения, жизнеспособности философского персонажа. Философия впредь «вдохновляется» такими категориями, как Интересное, Примечательное или Значительное: «О многих книгах по философии следовало бы сказать, что они не ложны (ибо это значит ничего не сказать), а незначительны и неинтересны, — именно потому, что они не творят концепта, не привносят нового образа мысли, не порождают маломальски стоящего персонажа»¹⁷⁸.

Проведенный нами в предыдущих параграфах экскурс в историю рассматриваемого вопроса демонстрирует, что культурно-исторический контекст, в которых те или иные вопросы задавались и требовали ответа, накладывает на них свой отпечаток. Каждая эпоха определяет специфику задаваемых вопросов. В этом контексте уместно рассмотреть феномен основного вопроса философии. Хрестоматийный пример основного вопроса философии, который по-прежнему некоторыми философами признается в качестве основного, это вопрос, сформулированный Л. Фейербахом: «Вся история философии вращается вокруг вопроса... об отношении духовного к чувственному»¹⁷⁹.

Принципиально новое (в отличие от классической философии) понимание основного вопроса философии дает нам представитель французского экзистенциализма А. Камю: «Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное - имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями второстепенно»¹⁸⁰. А. Камю главной темой философии называет саму жизнь, теоретические вопросы (гносеологические, например) остаются вне сферы его внимания.

¹⁷⁸ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М. – С.-Пб., 1998. С. 108

¹⁷⁹ Фейербах Л. Лекции о сущности религии // URL: <http://www.twirpx.com/file/550604/> (дата обращения: 28.01.2015)

¹⁸⁰ Камю А. Миф о Сизифе // URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/kamu_mifosiz/ (дата обращения: 18.01.2015)

Таким образом, обращаясь к особенностям задаваемых вопросов, мы постигаем внутренний мир вопрошающих людей, философов. Н.А. Бердяев подытоживает рассуждения на подобную тему следующими словами: «На истории философии столь же отпечатлевалась индивидуальность ее творцов, как и на истории искусства»¹⁸¹.

Следует заметить, что процесс вопрошания включает не только рациональный аспект (сближающий философию и науку), но и внерациональный, интуитивный компонент. Феномен интуиции содержит элемент неопределенности, поэтому остановимся на определении значения интуиции в постановке философских вопросов и поиске ответов на них.

Интуиция как источник достоверного знания о мире рассматривается философами, начиная со времен создания мистических средневековых учений. Заметим, что зачастую создатели подобного рода учений не ограничивались описанием инстинктивно воспринятого ощущения реальности, а, основываясь на интуиции (или инсайте, просветлении и т.п.) выстраивали дальнейшую логику онтологического устройства мира¹⁸². Это, в свою очередь, могло привести к утверждению нереальности окружающего мира и доступности истинного познания для избранных, способных к «пробуждению» от иллюзий привычного восприятия (достаточно вспомнить гностические учения Средневековья).

Последующая философия помнит разделение на два вида интуиции – интеллектуальную и чувственную. Описание первой мы находим в работах Р. Декарта, вторая, осуществляясь как возможность восприятия в переживаниях пространства и времени, – у И. Канта. Оба вида интуиции принимает Э. Гуссерль.

Однако до сих пор философия не может найти ответа на вопрос о природе интуиции, ограничиваясь исключительно описанием самого акта озарения. Ф.

¹⁸¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества // URL: <http://predanie.ru/berdyaev-nikolay-aleksandrovich/book/69714-smysl-tvorchestva/> (дата обращения: 10.05.2018 г.)

¹⁸² Об этом см.: Russell B. *Mysticism and Logic* // <https://www.gutenberg.org/files/25447/25447-h/25447-h.htm> (дата обращения: 12.02.2015)

Ницше называет интуицию и инстинкт «творчески-удивительной силой»¹⁸³, а Н.А. Бердяев называет «интуицию бытия» источником философии, заключающей, однако, «запредельную тайну»¹⁸⁴. Оба мыслителя признают, что наличие интуитивного компонента в философии сближает философию с литературой, что история философии есть история развития культуры, человеческой воли, духовного напряжения и сил.

Таким образом, можно утверждать, что характерной чертой философии является именно наличие в ней элемента неопределенности. Неопределенность может пониматься как многозначность смысла того или иного высказывания, причастность философа к значению высказанного, открытость к интерпретациям. Подобные качества философского знания в его отличии от науки описывает М. Полани¹⁸⁵. Согласимся с мыслителем, что эти и другие черты являются теми точками различия, которые позволяют развести сферы научного и философского знания, определить своеобразие философии.

Более того, мы считаем, что философия имеет будущее, если не будет настаивать на существовании четких и однозначных ответов на поставленные вопросы, а сохранит имеющуюся в философском знании долю неопределенности. На это можно возразить, что философия никогда не была однозначным, конкретным знанием. Однако примеры из истории философской мысли демонстрируют обратное.

Вспомним заявление К. Маркса о том, что философию следует понимать как руководство к политическому действию. Приведем его известное выражение: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том,

¹⁸³ Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // URL: http://az.lib.ru/n/nicshe_f/text_0010.shtml (дата обращения: 13.03.2016)

¹⁸⁴ Бердяев Н.А. Смысл творчества // URL: <http://predanie.ru/berdyaev-nikolay-aleksandrovich/book/69714-smysl-tvorchestva/> (дата обращения: 10.05.2018)

¹⁸⁵ Об этом см.: Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Б., 1998. С. 257

чтобы изменить его»¹⁸⁶. Исходя из этого заявления, человечество должно совершить ряд определенных, социально направленных действий для достижения конкретно обозначенной цели. Общеизвестным является факт того, что проблему движения человечества к коммунизму К. Маркс мыслил не абстрактно, а сам лично участвовал в создании различных организаций, способствующих, по его мнению, прогрессу человечества. Достаточно обратить внимание на написанный им в 1848 г. «Манифест Коммунистической партии», чтобы понять характер философии, которая является ни чем иным как конкретным руководством к будущему развитию общества.

Еще один пример того, что философию следует понимать как процесс достижения конкретных целей, дает Л. Фейербах. Свою философию немецкий мыслитель называет «философией будущего». Предметом такой философии должен стать человек, а, следовательно, философия будущего должна иметь антропологический характер. «Новая философия, - отмечает Л. Фейербах, - превращает человека, включая и природу как базис человека, в единственный, универсальный и высший предмет философии, превращая, следовательно, антропологию, в том числе и физиологию, в универсальную науку»¹⁸⁷. Нетрудно заметить, что здесь - четкое указание на то, чем нужно заниматься философии в дальнейшем, а чем – бесполезно.

Наконец, еще одно четкое высказывание о будущем философии: классическая философия движется к своему завершению. Новая философия должна стать точной наукой. Характерным выразителем такой точки зрения является О. Конт, который полагал, что самой совершенной формой развития культуры является наука, которая в историческом процессе должна вытеснить философское знание.

¹⁸⁶ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // URL: <http://www.marxists.org/russkij/marx/1845/feuerb.htm> (дата обращения: 10.05.2018)

¹⁸⁷ Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Избранные философские произведения. Т. I. М., 1955. С. 203

Современное представление о будущем философии должно учитывать несколько основных замечаний. Во-первых, философия сегодня многоаспектна и представлена многообразием направлений. Это означает, что будущее философии в целом проследить практически невозможно, - нужно говорить о преимущественном развитии отдельных, специальных направлений. Во-вторых, следует признать два вида зависимости будущего развития философского знания (по аналогии с научным знанием) - интернализм и экстернализм. Согласно первой версии свое будущее философия определяет самостоятельно, исходя из ее предшествующих состояний. Так Н.В. Мотрошилова отмечает, что, в отличие от всех научных направлений, философия имеет особое отношение к своей истории: «Между новаторством в философии и глубоким постижением истории философии существует неразрывная связь, имеющая характер одной из закономерностей развития философии»¹⁸⁸.

По второй из обозначенных нами версий развития философского знания - наличествует социокультурная детерминация такого развития. Рассмотрение истории философии в контексте зависимости от социальных и культурных условий является особенностью подхода большинства отечественных и некоторых современных исследователей; среди зарубежных исследователей здесь можно сослаться на творчество Б. Рассела.

Мы отметили, что философия должна сохранить неопределенный характер своего знания, чтобы продолжить свое существование. На этот счет можно возразить, поскольку именно неопределенность философии зачастую трактуется негативно; неопределенность выступает своеобразным «симптомом» современной духовной ситуации, стимулируя разговоры о возможном конце философии. Данное состояние философии можно описать посредством следующих характеристик.

¹⁸⁸ Мотрошилова Н.В. История философии: Запад-Россия-Восток. М., 2000. 480 с. С. 10

Во-первых, неопределенность понимается как потеря жизненных ориентиров, целей, четких перспектив. Философия, признавая свою независимость от науки и религии, не дает смыслообразующих ответов, а может стимулировать проблемность мышления, «подобную эпоху окружающее нас пространство чудится распавшимся, шатким, колышущимся вокруг индивида, шаги которого тоже делаются неуверенными, потому что поколеблены и размыты точки отсчета»¹⁸⁹.

Второй признак, который позволяет говорить о неопределенности современной философии, - это плюрализм, равноправие философских учений, отсутствие приоритета одного учения над другим. Эта позиция есть воплощение фейерабендовского «Все дозволено!» в философии. Однако философия не останавливается на данном заявлении, а меняет традиционные гносеологические установки в соответствии с новыми обстоятельствами. Здесь следует говорить о признании изменчивости знания и формируемом представлении о действительности, субъективности познания и необходимости критической проверки представлений. Впредь «критический поиск вынужден смириться с неоднозначностью и множественностью, а обретенное решение в любом случае будет знанием скорее относительным и подверженным ошибкам, чем абсолютным или определенным»¹⁹⁰. Такую ситуацию Э. Кассирер называет «угрозой все нашей этической и культурной жизни»¹⁹¹, поскольку отсутствие концептуального единства разрозненных источников знаний о человеке лишает возможности понимания культуры, не позволяет упорядочить и организовать то богатство фактов, которые дают современные науки.

¹⁸⁹ Ортега-и-Гассет Х. Новые симптомы // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 203

¹⁹⁰ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 336

¹⁹¹ Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. - М.: Гардарики, 1998. С. 466

Но если оставить в стороне негативные трактовки эпистемологической неопределенности современной философии и апокалиптические прогнозы о ее будущем в связи с сохранением ее нынешнего характера, а обратиться к внутренней логике развития философского знания, то обнаруживается, что неопределенность выступает органичным элементом современной философии в аспекте осуществления роста философского знания, сопоставления нового с уже существующим, наличным знанием.

Проиллюстрируем данный тезис на следующем примере. Субъект, имеющий определенную познавательную практику и фиксирующий прогрессирующие шаги в познании реальности, в праве считать, что его прошедшие знания по отношению к наличному знанию, казавшиеся точными и полными, ныне должны характеризоваться им как неполные и неточные. Неопределенность применяется здесь как характеристика уже прошедшего знания, которое, исходя из современного состояния, уже кажется таким. Но такое отношение между прошедшим и новым знанием может быть неоднократным. Обладая познавательной практикой, в ходе которой мы узнаем, что любое из прошедших знаний характеризуется этим состоянием, мы наличное знание можем характеризовать как неопределенное. В этом смысле неопределенность можно трактовать как наличие специфической познавательной установки.

В контексте современных характеристик современного состояния философии показательным замечанием Н.М. Урманцева: «Стараться уйти от неисполнимого желания определенности и законченной осмысленности и встать на почву того, что Алан Уотте назвал «мудростью неопределенности» и открыть для себя то, что А. Камю пытался найти для себя – возможностью удовлетвориться неизвестностью. Если мы принимаем неопределенность в качестве своей философии, это могло бы помочь нам относиться с большим уважением и терпимостью к различным взглядам на жизнь и получать большое

удовольствие от разнообразия причудливых и удивительных толкований действительности»¹⁹².

Раскрыть смысл неопределенности позволяет также обращение к понятиям абсолютной и относительной истины. Относительное знание есть неполное знание об объекте. Таким образом, процесс познания оказывается неопределенно бесконечным: обращаясь к анализу одной стороны объекта, мы неизбежно наталкиваемся на неизвестные ранее его стороны - знание расширяется. В этом смысле истина недостижима, абсолютное знание об объекте во всем многообразии его свойств не может быть определенным.

Однако возникает вопрос о необходимости характеристики абсолютно любого знания как неопределенного. В строгом смысле слова, неопределенным в абсолютном смысле наше знание не является. Здесь неопределенность другого уровня, поскольку нам не известен неопределенный элемент наших знаний.

Не стоит сбрасывать со счетов зависимость познания от целей, которое оно преследует. Зачастую нам не требуется наличие всей полноты знания об объекте, нас интересует только определенная сторона объекта. Поскольку познание направлено на устранение незнания об объекте, неопределенность в данном случае устраняется, поскольку она понимается как незнание.

Следует заметить, что цели познания также могут расширяться. Обращаясь к уже описанному нами примеру, допустим, что учитель считает знания ученика достаточными для определенного уровня. Но со временем, расширяя сферу его познания, он будет ставить перед учеником новые задачи. Произойдет развитие знания, предыдущего знания станет недостаточно для ответов на новые вопросы.

Описанные процессы характерны для истории развития знания в целом, как истории науки, так и философии. Сталкиваясь с новыми сторонами реальности, не имеющими объяснения в наличествующей теории, старая картина мира сменяется

¹⁹² Урманцев Н.М. Неопределенность бытия и свобода человека // Вестник ЧитГУ. 2008. №5. С. 114.

новой. Отмеченный аспект неопределенности наделяет это понятие новым, позитивным смыслом. Неопределенность понимается как органичный элемент философского знания, стимулирующий познание посредством стремления к преодолению такого состояния. К слову, в силу специфики философии такое преодоление оказывается неопределенно бесконечным.

Таким образом, одной из отличительных особенностей философского знания является наличие в ней так называемых «вечных» вопросов; и если наука тяготеет к форме законченного знания, обладающего достоверностью и доказательностью, то философия может существовать в форме вопрошания.

Процесс вопрошания включает не только рациональный аспект, но и внерациональный, интуитивный компонент. Феномен интуиции содержит элемент неопределенности.

В данной главе была предпринята попытка анализа понятия неопределенности, исходя из специфики субъект-объектных отношений в неклассической философии.

Следует признать, что понятие неопределенности как таковое в философии разрабатывается в меньшей степени, нежели в науке. Достаточно распространенным ракурсом исследования философской неопределенности является ее анализ как онтологической характеристики, представляющей в качестве непредсказуемости, неизвестности будущего. Однако здесь речь идет об уже известной нам вероятностной неопределенности, получившей распространение в науке.

Обращение к феномену неклассической философии демонстрирует разнообразие ситуаций неопределенности, которые осмысливаются авторами, но формулируются посредством иных, сходных по смыслу понятий.

Относительно проблемы роста знания в философии, на стадии решения проблемы неопределенность возникает в случае осуществления ценностного

выбора в пользу того или иного действия, последствия которого остаются принципиально неопределенными для субъекта.

Одной из отличительных особенностей философского знания является наличие в ней так называемых «вечных» вопросов; и если наука тяготеет к форме законченного знания, обладающего достоверностью и доказательностью, то философия может существовать в форме вопрошания. В зависимости от конкретной культурно-исторической ситуации, в которых ставятся вопросы, они наполняются новым содержанием, соответственно требуют нового ответа.

Следует заметить, что процесс вопрошания включает не только рациональный аспект (сближающий философию и науку), но и внерациональный, интуитивный компонент. Феномен интуиции содержит элемент неопределенности. Мы полагаем, что философия имеет будущее, если не будет настаивать на существовании четких и однозначных ответов на поставленные вопросы, а сохранит имеющуюся в философском знании долю неопределенности.

Неопределенность является органичным элементом современной философии в аспекте осуществления роста философского знания, сопоставления нового с уже существующим, наличным знанием. Отмеченный аспект неопределенности наделяет это понятие новым, позитивным смыслом: сталкиваясь с новыми сторонами реальности, не имеющими объяснения в наличествующей теории, старая картина мира сменяется новой.

Заключение

Понятие «неопределенность» можно считать сегодня одним из популярных понятий, используемых не только в философских исследованиях, но и в работах в области гуманитарных, социальных, естественных наук, рассматривающих это понятие в различных исторических контекстах и ситуациях. Однако зачастую авторы публикаций используют этот термин стихийно, не углубляясь в его смысл. В данной работе мы попытались выявить подходы к этому смыслу.

Понятие «неопределенность» приобретает известность в научных кругах в начале XX века в связи с открытиями в квантовой механике. Принцип неопределенности, описанный В. Гейзенбергом, доказывает наличие в физической картине мира онтологической неопределенности. С гносеологической точки зрения, неопределенность понимается как невозможность применения понятий устоявшейся теории для описания новых явлений.

Таким образом, развитие естественных наук начала XX века и философское осмысление этого процесса возводит понятие неопределенности в ранг популярных и часто используемых в науке (особенно в области естественных и экономических наук). При этом зачастую можно услышать заявления, что проблема неопределенности является исключительно онтологической проблемой, на которую в рамках естествознания был дан окончательный ответ.

Однако с подобным решением проблемы можно согласиться лишь отчасти. Действительно, в рамках естествознания можно говорить о том, что существует онтологическая неопределенность. Но это не дает нам основания полагать, что проблема неопределенности является решенной в полной мере. Кроме того, мы считаем, что не стоит ограничивать понятие неопределенности исключительно его онтологическим смыслом.

Таким образом, в современной гносеологии назревает необходимость уточнения смысла данного понятия, зачастую используемого авторами достаточно свободно. Возникает задача раскрыть, уяснить содержание понятия

неопределенности в философии и науке, дать определение понятия.

Обзор справочной литературы демонстрирует, что на сегодняшний день отсутствует четкое определение неопределенности. Говорить о наличии явных определений в частных науках, тем более общего для науки и философии определения неопределенности не приходится. Дело в том, что наиболее распространенный в логике способ определения – раскрытие содержания понятия через ближайший род и видовое отличие – для определения неопределенности не работает. В нашем случае выяснить содержание понятия неопределенности становится возможным через уяснение связей и отношений с другими уже известными понятиями через контекст. Понятию неопределенности возможно дать контекстуальное определение.

Вполне уместно отметить, что контекстуальное определение как способ раскрытия содержания понятия остается в значительной степени неполным: окончательно неясно, каким образом должен быть определен контекст, в рамках которого будет сформировано понятие. Таким образом, данное опасение приводит нас к мысли о необходимости принятия схемы исследования, позволяющей раскрыть современные смыслы понятия неопределенности в рамках неклассического этапа становления науки и философии.

Мы утверждаем, что неопределенность есть понятие, выражающее определенный феномен (или даже несколько), который, так или иначе, связан с познавательным субъект-объектным отношением. При этом даже в самой простой схеме этих познавательных отношений, можно выделить, по крайней мере, четыре из таких феноменов.

Неопределенность есть понятие, которое может выражать: свойства объекта (1); условия взаимодействия объекта и субъекта (2); особенности субъективного восприятия (3); особенности взаимодействия новых знаний с наличным знанием (4).

Данная схема позволяет:

- обнаружить наличие нераскрытых вопросов в области изучения понятия неопределенности с точки зрения субъект-объектных отношений в истории философии;

- провести структурированный анализ различных сторон субъект-объектных отношений в современном научном и философском знании;

- выявить современное значение понятия «неопределенность», в том числе посредством ретроспективного анализа классических предпосылок данного понятия.

Анализ степени разработанности проблемы по теме диссертационного исследования продемонстрировал отсутствие специальных исследований, позволяющих сравнить смыслы научной и философской неопределенности в контексте исторического развития идей.

Для решения данных вопросов в настоящей работе применялись:

– метод логического анализа, позволяющий детально рассмотреть интересующий нас ракурс проблемы с точки зрения онтологии и теории познания мыслителей прошлого и современности;

– метод структурно-функционального анализа, задающий принципы исследования философии и науки как системно-организованной структурной целостности, в которой каждое направление и школа имеет определенное значение в общем контексте развития идей;

– метод сравнительно-исторического анализа, с помощью которого путём сравнения выявляется общее и особенное в исторических стадиях науки и философии, что позволяет выявить исторические особенности феномена неопределенности;

– герменевтический метод, в основе которого лежит возможность раскрытия смыслов неопределенности на основе анализа научных и философских текстов;

– комплексный подход, обеспечивающий содержательное осмысление понятия неопределенности, позволивший обобщить полученные сведения о

исторических и современных смыслах анализируемого понятия, определить проблемные точки и таким образом достигнуть цели настоящего диссертационного исследования.

На основе анализа работ отечественных и зарубежных авторов были выявлены характеристики понятия неопределенности в неклассической философии и науке. По своей сути данное понятие представляет собой комплекс значений и характеристик, которое приобретает свои уникальные особенности в зависимости от ракурса изучения. Комплексный подход к понятию неопределенности позволяет осуществить использованная при анализе схема субъект-объектного взаимодействия.

Интеграция философских и общенаучных представлений о неопределенности позволяет сделать следующие заключения.

1. Еще до открытий квантовой механики и включения в научный дискурс понятия неопределенности, данное понятие, так или иначе, присутствовало в философских и научных рассуждениях мыслителей классического этапа философии и науки, но не разрабатывалось специальным образом. Подобные примеры использования понятия мы находим и у современных авторов. «Неопределенность» в данном случае является ни чем более, кроме как удобным синонимом, используемым для описания некоторых познавательных ситуаций. Здесь следует говорить о *стихийном, обыденном использовании данного понятия*.

Например, в естественнонаучных исследованиях и работах в области экономики неопределенность чаще всего понимается как условие, принимаемое для составления более точного прогноза будущей ситуации. В данном случае близким по содержанию выступает понятие риска. Задачи исследования неопределенности в таком случае зачастую сводятся к попыткам расчета степени неопределенности.

Некоторые современные работы в области философии математики также стремятся использовать понятие неопределенности (например, выяснение онтологического статуса математических объектов). Сложность и

неоднозначность решения данного вопроса допускает возможность использования понятия «неопределенность».

2. В неклассической науке и философии мы находим примеры ситуаций, которые могут характеризоваться как неопределенностные. Однако понятие неопределенности для описания подобных познавательных ситуаций может не использоваться. В данном случае мы можем говорить о наличии «*ситуаций неопределенности*» в науке и философии. Применительно к истории философии и науки уместно говорить о наличии исторических предпосылок современного смысла понятия неопределенности.

Так в античной философии мы не находим описания ситуаций онтологической неопределенности. Если мыслитель античной эпохи указывает на наличие некоего первоэлемента (первые натурфилософы), либо утверждает, что обладает инструментом для познания мира (Платон и Аристотель), то это дает ему основания для выстраивания картины мира, лишенной какой-либо неопределенности. Отличие представляет философия Анаксимандра, полагающего в качестве первоосновы мира беспредельное (апейрон) и не сводящего его ни к одному из элементов. Начиная с Фалеса, каждый философ создавал собственную онтологическую концепцию, по содержанию вступающую в противоречие с другими концепциями. Анаксимандр уходит от этого противоречия, вводя в свою систему некий неопределенный элемент.

Утверждая в качестве первооснов мира различные природные элементы, философы Античности создают парадоксальную гносеологическую ситуацию: многообразие онтологический учений не способствует определенности знания.

Данная ситуация не могла не отразиться на гносеологии мыслителей, а именно разработке принципа сомнения. В гносеологическом плане скептицизм как стремление все подвергать сомнению, рефлексии способствует формированию критического отношения к процессу получения знания, которое отражается в принципах, в дальнейшем послуживших основанием классической науки.

С точки зрения средневековой онтологии, ситуация неопределенности возникает при формулировке каких-либо определений относительно описания божественной сущности. О неопределенности мы можем говорить и в тех случаях, когда имеет место проявление экзистенциальных, глубоко личных мотивов, которые являются индивидуальным проявлением человеческого сознания.

Разработанный в эпоху Средневековья номиналистический подход также предполагает возможность обнаружения неопределенности с точки зрения гносеологических установок, лежащих в основе данного подхода: поскольку мир многообразен в своих проявлениях, то познание ограничено сферой опыта и не может дать в полной мере определенного знания.

С точки зрения философии Нового времени, знание представляет собой упорядоченную целостность. Однако мыслителями по-разному решается вопрос об установлении соответствия между объектом и знанием, вырабатываемым субъектом. Французские материалисты стоят на позиции репрезентативизма, полагая, что между миром и человеческим знанием существует полное соответствие. Утверждение о том, что знание является истинным отражением объекта действительности, разделяется далеко не всеми мыслителями Нового времени. Выделяя два уровня познания, основанных на ощущениях и понятиях, Дж. Локк сомневается в том, что человеческие идеи в полной мере отображают реальные характеристики вещей.

Новый импульс развития (со времен Античности) получает принцип сомнения, главным образом, благодаря возрождению идей античного скептицизма, в частности в творчестве М. Монтеня. Возможность достижения какого-либо определенного знания ставится под сомнение, поскольку чувства не являются надежным фундаментом, а разум подвержен ошибкам.

Принцип сомнения занимает центральное место в теории познания Р. Декарта. Провозглашая принципиальное требование философствования как радикального сомнения в чем бы то ни было, Р. Декарт требует начинать процесс

рассуждения с положений, истинность которых не вызывает сомнения. Единственным источником знания, по мнению мыслителя, выступает интуиция.

Относительно теории познания И. Канта о неопределенности мы можем говорить тогда, когда возникают антиномии - противоположные утверждения, истинность которых доказуема в равной степени. С гносеологической точки зрения, это исключает из рационального познания процедуру выбора в пользу того или иного тезиса. Мы сталкиваемся с принципиальной неопределенностью познания.

В рамках решения вопроса об установлении соответствия между объектом и знанием, вырабатываемым субъектом, открываются перспективы исследования классических смыслов исследуемых понятий. Это и признание интуитивного компонента познания, получившее дальнейшее распространение не только в философии, но и науке неклассического периода; и принцип сомнения в соответствии познаваемых объектов и идей, формируемых на их основе. Наконец, критическая мысль И. Канта, показавшая невозможность познания вещей-в-себе и, как следствие, основ мироздания в целом.

Таким образом, проведенный историко-философский анализ показал, что еще до открытий квантовой механики данное понятие, если и присутствовало в философских и научных рассуждениях мыслителей, то не разрабатывалось специальным образом. В истории философии и науки мы можем говорить лишь близких по смыслу понятий, описывающих ситуации неопределенности.

Рассмотрение неопределенности в аспекте взаимодействия субъекта и объекта научного познания позволяет продемонстрировать разнообразный спектр ситуаций неопределенности. С точки зрения отношений «человек – окружающая природная среда» познание оказывается зависимым от исторически меняющихся механизмов восприятия, разворачивающихся в процессе филогенеза. Анализируемые в рамках концепции автопознания отношения человека с окружающей средой понимаются как познавательные отношения, однако

тракуются посредством понятий незавершенности, нелинейности результата этой деятельности.

Рассмотрение отношений «человек – окружающая социальная среда» и возникающих в рамках этих отношений ситуаций неопределенности, позволяет отметить новый аспект выявления неопределенности – в системе субъект-субъект-объектных отношений. Попытки обнаружения такого рода неопределенности в науке приводят нас к рассмотрению ситуации, когда наличное, настоящее знание одного субъекта может быть соотнесено с наличным знанием другого субъекта. Особое значение приобретает анализ ситуаций неопределенности в аспекте сопоставления с понятиями «коммуникация», «коллективный субъект» и «неявное знание».

В отмеченных аспектах взаимосвязи человека (субъекта) и окружающей природной или социальной среды (объекта) мы говорим о сложности фиксирования в однозначных терминах специфики данной взаимосвязи, а следовательно, получаем возможность трактовки данных ситуаций посредством понятия «неопределенность».

Относительно неклассической философии предложенная нами схема исследования неопределенности претерпевает значительные трансформации. Дело в том, что современный этап философии характеризуется стремлением преодоления субъект-объектной дихотомии. Речь может идти как о создании новой онтологии субъективности, так и о попытках отрицания возможности построения какой-либо онтологии.

Проведенный анализ позволил выявить три основных ракурса неопределенности относительно различных характеристик, приписываемых той или иной концепцией познающему субъекту.

Трактовка субъекта как «бытие-в-мире» позволяет говорить о возникновении неопределенности в контексте ценностного выбора в пользу того или иного действия, последствия которого являются принципиально неопределенными для того, кто осуществляет выбор.

Рассмотрение субъекта с точки зрения его эмпирического существования обнаруживает неопределенность в бессознательных структурах человеческой психики.

Коллективный характер познающего субъекта позволяет наметить новые неклассические смыслы понятия неопределенности в контексте невозможности установления истинного представления об объекте. Субъект не может восприниматься независимо от других субъектов, его познание опосредовано Другими. Однако эта связь настолько сложна, что попытки установления объективной истины о мире, не зависимой от интерсубъективных наложений, становятся невозможными. Такая познавательная ситуация может как склонить к релятивизму в духе постмодернизма, так и признать плюрализм точек зрения на тот или иной вопрос относительности достижения истины.

3. Понятие «*онтологическая неопределенность*» чаще всего используется в совокупности с такими понятиями, как моделирование, риск, вероятность.

Легко увидеть, что онтологическая неопределенность сквозь призму нашей схемы появляется лишь в одном случае, когда она выражает некие свойства объекта. Системный подход как междисциплинарное направление исследования систем разного рода для описания объективной картины мира использует понятие вероятности. Вероятность (а следовательно, неопределенность) есть изначально заложенный параметр развития системы. Другими словами, сложный характер систем и наличие многообразия связей между ними предполагает, что говорить о том и или ином сценарии развития системы мы можем лишь со значительной долей вероятности.

При этом подчеркнем, что в неклассической науке, имеющей дело с микрообъектами, наблюдение за реальными физическими явлениями заменяются теоретическим осмыслением так называемых идеальных объектов. Это означает, что научное знание ограничивается теорией, а следовательно, не может подтверждаться эмпирически. Другими словами, онтологическая неопределенность является исключительно научной неопределенностью. Понятие

«неопределенность» возникает вследствие невозможности проведения реального эксперимента над исследуемыми объектами, поэтому не может быть выведено за рамки теоретической науки. Таким образом, возможности для распространения в другие, вненаучные, сферы знания получает гносеологическая неопределенность, понимаемая как зависимость объективного мира от субъекта познания и принципиальная невозможность их разделения.

4. Понятие неопределенности разрабатывается учеными-физиками XX столетия еще и с точки зрения решения вопроса о возможности использования понятий классической физики для описания квантовых явлений. Размышления о специфике соотношений между различными «системами понятий» позволяют заключить, что некоторые явления в физике могут быть осмыслены исключительно с помощью новых понятий.

Однако о разрушении системы понятий классического естествознания в строгом смысле слова говорить не приходится. Скорее, ученые осознают ограниченность их использования. Речь идет о том, что физики употребляют классические понятия неточным образом, попеременно употребляя различные классические понятия. В данном случае мы можем говорить о наличии гносеологического смысла понятия «неопределенность», который заключается в том, что старые понятия не совсем точно описывают природные явления.

Значение *гносеологического смысла неопределенности*, разработанного создателями квантовой механики, заключается, кроме прочего, в том, что гносеологическая неопределенность указывает на проблему сопоставления понятий в других научных областях (биологии, химии, социологии).

Значительный опыт накоплен авторами исследований неопределенности в психологии. Понятие неопределенности специальным образом разрабатывается учеными-психологами и выражает некое отношение, установку человека к познанию мира, принятие его изменчивости нестабильности.

На наш взгляд, весьма перспективным и наименее изученным остается вопрос о характеристике допроблемной стадии научного поиска. В эпистемологии

отсутствует понятие, характеризующее данную стадию познания. Поэтому «неопределенность» могла бы выступить понятием, характеризующим познание на данном этапе.

Весьма распространенной ошибкой является попытка использования понятия неопределенности для характеристики исключительно стадии решения проблемы. Мы полагаем, что после того, как проблема или задача сформулированы, неопределенность, если она и присутствует в научном поиске, сводится лишь к проблеме выбора решения задачи, т.е. сводится к уже известной нам вероятностной неопределенности. Неопределенность является органичным элементом современной философии в аспекте осуществления роста философского знания, сопоставления нового с уже существующим, наличным знанием. Отмеченный аспект неопределенности наделяет это понятие новым, позитивным смыслом.

Одним из отличительных признаков, который выделяет философию из других форм творчества, является вопрошание. Следует заметить, что процесс вопрошания включает не только рациональный аспект (сближающий философию и науку), но и внерациональный, интуитивный компонент. Конечно, неопределенность в той или иной степени характерна и для осуществления научного познания. Однако более явно неопределенность проявляется именно в философии. Наличие неразрешимых, вечных вопросов является определяющим моментом в понимании специфики философского знания.

Таким образом, понятие неопределенности в неклассической науке и философии представляет собой комплекс значений и характеристик; приобретает свои уникальные особенности в зависимости от ракурса исследования. Проведенный комплексный анализ понятия неопределенности в контексте субъект-объектных отношений позволяет предположить о все возрастающей роли, которую будет играть данное понятие в дальнейшем становлении философского знания.

Список литературы

1. Автономова Н.С. «Статья трех авторов» в свете опыта пост-современности: сопоставительные заметки // На пути к неклассической эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 25-42
2. Агасси Дж. Революции в науке – отдельные события или перманентные процессы? // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. - М., 1994. - С. 89-101
3. Аршинов В.И. Синергетика: от нелинейности к сложности // Неизбежность нелинейного мира. – М.: Гуманитарий, 2012. – С. 60-72
4. Асмус В.Ф. Античная философия. – М.: Высшая школа, 2005. – 544 с.
5. Ахапкин Ю.К. Интерпретация социально-гуманистической трансформации в условиях неопределенности: Дис. канд. соц. наук. - Москва, 2008. - 23 с.
6. Биджев И.А.-Г. Ситуации неопределенности как фактор российского политического процесса: Дис. канд. полит. наук. - Ставрополь, 2009. - 23 с.
7. Блаженный Августин Аврелий. Исповедь. - М., «ДАРЪ», 2007. – 576 с.
8. Бердяев Н.А. Смысл творчества // URL: <http://predanie.ru/berdyaev-nikolay-aleksandrovich/book/69714-smysl-tvorchestva/> (дата обращения: 10.05.2018 г.)
9. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Готтхард Бехманн, пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц. – М.: Логос, 2010. – 248 с.
10. Бор Н. Единство знаний // URL: http://old.pskgu.ru/ebooks/bor_nils_06.html (дата обращения: 12.03.2017)

11. Быстрянец С.Б. Методологическая неопределенность социологии // Вестник Челябинского государственного университета. - 2009. - № 18 (156). - С. 100-102
12. Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М.: Изд-во «Смысл», 1998. - 685 с.
13. Веселкова В.С. Определенность и неопределенность в социальном познании: Дис. канд. филос. наук. - Саранск, 2006. - 20 с.
14. Вихляева В.В., Попова С.В. Вероятность как инструмент поиска оптимального решения в условиях неопределенности // Современные наукоемкие технологии. – 2014. - №5. – С. 146-148
15. Гайденко П.П. История греческой философии в ее связи с наукой // URL: <http://www.koob.ru> (дата обращения: 16.07.2015)
16. Гайденко П.П. У истоков новоевропейской науки // Человек в мире знания / Отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 121-149
17. Гейзенберг В. Физика и философия // URL: <http://lib.ru/FILOSOF/GEJZENBERG/physicsandphilosophy.txt> 9 (дата обращения: 25.04.2014)
18. Герасимова И.А. Неопределенность в познании и в социальных практиках // Эпистемология и философия науки. - 2019. - Т. 56. № 4. - С. 8-20
19. Гернек Ф. Пионеры атомного века // URL: <http://n-t.ru/ri/> (дата обращения: 20.04.2014)
20. Гольбах П. Система природы или о законах мира физического и мира духовного. М., Соцэкгиз, 1940. – 458 с.
21. Гоменец О.М. Анализ неопределенности в вычислении критических нагрузок азота, серы и фосфора на различные экосистемы: Дис. канд. биол. наук. - Самара, 1999. - 21 с.

22. Гуревич П.С. Человек как объект социально-философского анализа // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; Общ. ред. Ю. Н. Попова. - М.: Прогресс, 1988. С. 504-517
23. Декарт, Р. Сочинения. СПб., Наука, 2006. – 648 с.
24. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина — М.: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998. - 288 с.
25. Делез Ж. Ницше // URL: http://platon.net/load/knigi_po_filosofii/postmodernizm/deljoz_zhil_nicshe/54-1-0-648 (дата обращения 4.03.2017)
26. Дидро Д. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1986. – 592 с.
27. Диев В.С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. - 2011. - № 2 (14). – С. 79-89
28. Диев В.С. Принятие решений в условиях неопределенности: методологические аспекты: Дис. канд. филос. наук. - М., 1991. - 21 с.
29. Дильтей В. Сущность философии // Философия в систематическом изложении. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. - С. 13-82
30. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Ред. и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; Пер. с древнегреч. С.Л. Гаспарова. – М.: Изд-во «Мысль», 1998. – 572 с.
31. Длугач Т.Б. Дени Дидро. М., Мысль, 1975. – 191 с.
32. Дорожкин А.М., Баранец Н.Г., Веревкин А.Б. Почему у философии есть будущее? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. - 2013. - №3(31). - С. 120-124
33. Дорожкин А.М., Соколова О.И. Особенности допроблемной стадии роста научного знания // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий: сборник научных статей / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т ; под общ. ред. Н.А. Ястреб. – Вологда : ВоГУ, 2017. - С. 72-74

34. Дорожкин А.М., Соколова О.И. Понятие «неопределенность» в современной науке и философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2015. – №12. – С. 5-12
35. Кант И. Критика практического разума – Соч., М., 1965, т. 4 (1). – 544 с.
36. Кант И. Критика чистого разума. - М.: Эксмо, 2008. – 735 с.
37. Камю А. Миф о Сизифе // URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/kamu_mifosiz/ (дата обращения: 18.01.2015)
38. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. - М.: Гардарика, 1998. - С. 440-722
39. Кессиди Ф.Х. Гераклит. – М.: Мысль, 1982. – 200 с.
40. Князева Е.Н. Удивительный мир нелинейности и сложности // Неизбежность нелинейного мира: прил. к журналу «Философские науки». – М.: Гуманитарий, 2012. – С. 73-95
41. Ковешников Е.В., Савченко В.Н. Неполнота и неопределенность основных понятий в естественных науках // Вестник ТГЭУ. - 2010. - № 3. С. 100-113
42. Кондильяк Э. Сочинения: В 3-х т. М.: Мысль, 1982. – 541 с.
43. Куликова Е.Ю. Понятие «неопределенность» и прогнозирование оптимального вектора развития природно-технической геосистемы // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). - 2006. - № 6. – С. 14-16
44. Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). - СПб., «Наука», 2014. 533 с.
45. Лекторский В.А. О классической и неклассической эпистемологии // На пути к неклассической эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. - М.: ИФРАН, 2009. – С. 7-24
46. Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Человек в мире

знания / Отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 415-449

47. Лекторский В.А. Философия, общество знания и перспективы человека // Человек в мире знания / Отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. - С. 225-231

48. Лихачева Е.Ю. Смыслообразование как механизм преодоления неопределенности (на материале имитационных игр) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. - 2010. - №3. – С.22-32

49. Луман Н. Понятие общества // URL: http://www.soc.pu.ru/materials/golovin/reader/luhmann/r_luhmann1.html (дата обращения: 12.07.2019)

50. Майнцер К. Перспективы современной науки и образования с точки зрения теории сложных систем // Экономические стратегии. – 2010. - №12. - С.84-93

51. Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность - две эпохи в развитии буржуазной философии. М., 1972 // URL: <http://www.psylib.org.ua/books/mamsosh/index.htm> (дата обращения: 23.09.2015)

52. Маркова Л.А. Специфика социального характера неклассической науки // Наука и социальная картина мира; под ред. В.И. Аршинова, И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2014. С. 347-364

53. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // URL: <http://www.marxists.org/russkij/marx/1845/feuerb.htm> (дата обращения: 10.05.2018)

54. Марсель Г. К трагической мудрости и за ее пределы // URL: http://bibikhin.ru/k_tragicheskoi_mudrosti (дата обращения: 23.01.2016)

55. Матюх Е.Т. «Неопределенность» общества как причина возникновения социальных рисков современности // Вестник СГУ. – 2011. - №72. – С. 180-186

56. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр., под редакцией И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. С-Пб.: «Ювента», 1999. 604 с.
57. Микешина Л.А. Идеи антропологизма в философии познания // Наука и социальная картина мира; под ред. В.И. Аршинова, И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2014. С. 681-697
58. Микешина Л.А. Способы представления онтологии в теоретическом и эмпирическом гуманитарном знании // Человек в мире знания / Отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 450-476
59. Михайлова Н.В. Онтологическая неопределенность философии современной математики // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2012. – Т.10, вып. 2. – С. 29-35
60. Модестов С.А. Бытие несвершившегося. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. - 176 с.
61. Мотрошилова Н.В. История философии: Запад-Россия-Восток. М., 2000. - 480 с.
62. Мотрошилова Н. В. Синтез гносеологии и социокультурного исследования знания, познания, сознания как ракурс творчества В. А. Лекторского // Человек в мире знания / Отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 193-224
63. Никифоров А.Л. Наука и ее роль в развитии человечества // Наука и социальная картина мира; под ред. В.И. Аршинова, И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2014. - С. 327-346
64. Никифоров А.Л. Революция в теории познания? // Общественные науки и современность. 1995. - № 4. С. 113-117
65. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // URL: http://az.lib.ru/n/nicshe_f/text_0010.shtml (дата обращения: 13.03.2016)

66. Новосельский К.И. Прогнозирование развития регионов в условиях неопределенности: Дис. Канд. геогр. наук. - Иркутск, 1990. - 19 с.
67. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. – 687 с.
68. Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. М., 1993. – 213 с.
69. Оккам У.: Избранное: Пер. с лат. А. В. Апполонова и М. А. Гарнцева под общ. ред. А. В. Апполонова. М.: Едиториал УРСС, 2002. - 272 с.
70. Орлова М.А. Терминология и классификация понятия «неопределенность» // Вестник ТГУ. – 2010. – Выпуск 7 (87). - С. 43-46
71. Ортега-и-Гассет Х. Новые симптомы // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; Общ. ред. Ю. Н. Попова. - М.: Прогресс, 1988. - С. 202-206
72. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? // URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/filosofia.txt> (дата обращения: 26.01.2015)
73. Паскаль Б. Мысли (п.438) // URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/mysli-paskal/2_2_1 (дата обращения: 21.09.2018 г.)
74. Платон. Государство // <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt> (дата обращения: 14.05.2019 г.)
75. Платон. Теэтет // URL: <http://nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/teate.htm> (дата обращения: 14.04.2018 г.)
76. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Пер. с нем. - М.; «Российская политическая энциклопедия», 2004. 368 с.
77. Первушина О.Н. Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: Психология. - 2007. - Том 1, выпуск 1. - С. 11-19

78. Петренко В.Ф. Конструктивизм в науках о человеке // Человек в мире знания / Отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 477-486
79. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 344 с.
80. Попов С.В. Механизмы поведения млекопитающих: роль стресса и неопределенности среды: Дис. док. биол.наук. - М., 2011. - 48 с.
81. Пружинин Б. Неклассическая классика (о стиле эпистемологического мышления В. А. Лекторского) // Человек в мире знания / Отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 7-30
82. Пружинин Б.И. Рациональность как проблема: Владимир Швырев между классикой и неклассикой // На пути к неклассической эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. - М.: ИФРАН, 2009. – С. 43-53
83. Пружинин Б. И., Щедрина Т.Г. Конструктивизм в контексте культурно-исторического подхода // Человек в мире знания / Отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 487-500
84. Псевдо-Дионисий Ареопагит. О божественных именах // URL: <http://www.hesychasm.ru/library/dar/tname.htm> (дата обращения: 21.09.2015 г.)
85. Псевдо-Дионисий Ареопагит. О мистическом богословии // URL: <http://hesychasm.ru/library/dar/theol.htm> (дата обращения: 21.09.2015 г.)
86. Рассел Б. История западного мышления и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней: В трех книгах. Издание 7-е, стереотипное. – М.: Академический Проект, 2009. – 1008 с.

87. Родионов В.Г. Технология моделирования динамики социально-экономических систем в условиях роста неопределенности // Вестник УГТУ-УПИ. – 2008. - №5. – С. 105-115
88. Розеншток-Хюсси О. Прощание с Декартом // Великие революции. Автобиография западного человека. Москва: Библейско-Богословский Ин-т св. Апостола Андрея, 2002. С. 603-615
89. Рокмор Т. Гегель о конструктивизме // Человек в мире знания / Отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 501-511
90. Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // URL: http://bibikhin.ru/pervichnoe_otnoshenie_k_drugomu (дата обращения: 23.01.2016)
91. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // URL: http://scepisis.net/library/id_545.html (дата обращения: 23.01.2016)
92. Сидоров В.Г., Сидоров А.Г. Эпистемологическое содержание основных положений квантовой теории // Неизбежность нелинейного мира: прил. к журналу «Философские науки». – М.: Гуманитарий, 2012. – С. 193-203
93. Скоблик А.И. Механизмы и формальные критерии научного творчества (синергетический подход) // Неизбежность нелинейного мира: прил. к журналу «Философские науки». – М.: Гуманитарий, 2012. - С. 96-110
94. Соколова О.И. Вопрошание в науке и философии // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. - №3. – С. 252-255
95. Соколова О.И. Особенности исследования понятия «неопределенность» в истории философии и науки классического периода // Аспирантский вестник Поволжья. – 2015. - №7-8. – С. 124-128
96. Соколов В.В. Средневековая философия. – М.: Высшая школа, 1979. – 448 с.

97. Соловьев О.Б. Неопределенность: интенциональные и аспектуальные горизонты понимания // Вестник НГУ. Серия: Психология. – 2008. – Т. 2, выпуск 1. – С. 63-67
98. Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). – М.: Политиздат, 1991. – 432 с.
99. Степин В.С. Теоретическое знание. - М.: «Прогресс-Традиция», 1999. – 306 с.
100. Сучкова С.М. Феномен научной неопределенности (эпистемологический и парадигмальный аспекты): Автореф. дис. канд. филос. наук. Саратов, 2006. – 22 с.
101. Тарнас Р. История западного мышления / Пер. с английского Т.А. Азаркович. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – 448 с.
102. Торосян В.Г. История науки как древо возможностей // Неизбежность нелинейного мира: прил. к журналу «Философские науки». М.: Гуманитарий, 2012. - С. 165-174
103. Труфанова Е.О. Социальный конструкционизм: истоки и перспективы // На пути к неклассической эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. - М.: ИФРАН, 2009. - С.163-181
104. Тягунов А.А. Философский анализ ситуации риска, случайности и неопределенности: Дис. док. филос. наук. Тверь, 1999. - 39 с.
105. Урманцев Н.М. Неопределенность бытия и свобода человека // Вестник ЧитГУ. - 2008. - №5. - С. 111-116
106. Урманцев Н.М. Свобода человека и неопределенность его выбора // Вестник Тюменского государственного университета. – 2007. - №2. - С. 116-121
107. Фабер В.О. Проблема неопределенности в структуре философского знания (онтологический, гносеологический, антропологический аспекты): Автореф. дис. канд. филос. наук. Саратов, 2004. - 24 с.
108. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 414 с.

109. Фейербах Л. Лекции о сущности религии // URL: <http://www.twirpx.com/file/550604/> (дата обращения: 28.01.2015)
110. Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Избранные философские произведения. Т. I. М., 1955. - 676 с.
111. Фокин С.Л. Делез и Ницше: персонаж философа // URL: http://platon.net/load/knigi_po_filosofii/postmodernizm/deljoz_zhil_nicshe/54-1-0-648 (дата обращения 4.03.2017)
112. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. Врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки // URL: <http://https://www.e-reading.club/book.php?book=1037446> (дата обращения 4.03.2018)
113. Фуко М. Археология знания: Пер. с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко. К.: Ника-Центр, 1996. - 208 с.
114. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // URL: <http://www.lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (дата обращения: 7.03.2015)
115. Хабермас, Ю. Коммуникативное действие и детрансцендентализированный разум // Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Весь мир, 2011. - С. 26-75
116. Хайдеггер М. Что такое – философия? // Вопросы философии. – 1993. - № 8. - С. 113-123
117. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. М. – С-Пб.: Медиум, 1997. – 312 с.
118. Хофмайстер. Х. Что значит мыслить философски / Пер. с нем.; Отв. ред. А. Б. Рукавишников, Д.Н.Разеев. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. - 448 с.
119. Целищев В.В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вопросы философии. - 2013. - №8. – С.12-23

120. Чердниченко И.А. Отношения собственности в условиях неопределенности социальной трансформации (социально-философский аспект): Дис. канд. филос. наук. - Волгоград, 2006. - 28 с.

121. Шамолин Р.В. Гуманизм и неопределенность субъективной идентичности // Вестник НГУ. Серия: Психология. – 2011. – Т.5, выпуск 1. – С.66-75

122. Швырев В.С. Мой путь в философии // На пути к неклассической эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. - М.: ИФРАН, 2009. – С. 207-236

123. Шеллинг Ф. Сочинения в 2 т.: пер. с нем. Т.1./ Сост., ред., авт. вступ. ст. А.В. Гулыга. М.: Мысль, 1987. 637 с.

124. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // URL: http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_0040.shtml (дата обращения: 10.05.2018)

125. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. - 1248 с.

126. Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. – 413 с.

127. Эриугена И.С. О божественном предопределении // <http://www.mediagnosis.ru/HISTORY/HTML/LITER/HRESTOM/E/Eriugena.htm> (дата обращения: 21.09.2018)

128. Юдин Б.Г. В.С. Швырев об открытой рациональности // На пути к неклассической эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. - М.: ИФРАН, 2009. - С. 54-69

129. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 444 с.

130. Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // URL: <http://www.psychiatry.ru/stat/150> (дата обращения: 23.01.2017)

131. Ясперс К. Кант: Жизнь, труды, влияние / Перевод А.К. Судакова // К. Ясперс. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 416 с.
132. Capra F. The hidden connections // Available at: https://www.e-reading.club/bookreader.php/91865/Капра_-_Skrytye_svyazi.html (accessed: 23.01.2017)
133. Chance B.L., Rossman A.J. Investigating Statistical Concepts, Applications, and Methods // Available at: <http://www.rossmanchance.com/iscam/preface.pdf> (accessed: 23.01.2017)
134. Clampitt P. G., Williams M. L. Managing, organizational uncertainty: Conceptualization and measurement. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/f842/82134eb278afbfc9c5e0c9fa69667e814680.pdf> (accessed: 23.01.2017)
135. Kuhn T. Objectivity, value judgment, and theory choice. Available at: <https://philpapers.org/rec/KUHOVJ> (accessed: 25.02.2018)
136. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. The University of Chicago press, Chicago. 1978. 210 p.
137. Laudan L. Science and Values: The Aims of Science and Their Role in Scientific Debate. Available at: <https://philpapers.org/rec/LAUSAV> (accessed: 25.02.2018)
138. Freund J.E. Mathematical statistics. Prentice-Hall, 1971. 463 p.
139. Hahlweg K., Hooker C. A. Issues in Evolutionary Epistemology. Available at: <https://philpapers.org/rec/HAHHE> (accessed: 20.03.2018)
140. Philosophy of Statistics // Stanford Encyclopedia of Philosophy // Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/statistics/> (accessed: 20.03.2018)
141. Pluralism // Philosophy Pages. Encyclopædia Britannica // Available at: <http://www.philosophypages.com/dy/p5.htm> (accessed: 18.04.2018)
142. Russell B. Mysticism and Logic // <https://www.gutenberg.org/files/25447/25447-h/25447-h.htm> (дата обращения: 12.02.2015)

143. Searle J. Minds, brains and science. The 1984 Reith lectures. L., 1984. 104 p.
144. Turner J. Logic and ontological pluralism. *Journal of Philosophical Logic*. 41 (2). P. 419–448
145. Warburton N. *Philosophy. The basics.* - New York, 2004. 169 p.